

239

ГРАНИ

GRANI

Г
Р
А
Н
И

239

2011

2011

Juillet – Septembre

ГРАНИ

Ежеквартальный литературный журнал

*Проза, поэзия, очерки современности, религия,
философия, публицистика,
литературная критика и пр.*

Журнал считает своим долгом способствовать развитию свободной мысли, свободного слова, свободного творчества.

Почти полвека журнал публиковал произведения, которые не могли быть изданы на родине из-за цензурных или политических ограничений. В «Гранях» печатались произведения:

А. Ахматовой, Д. Андреева, Л. Бородина,
М. Булгакова, И. Бунина, Г. Владимова,
В. Войновича, А. Галича, З. Гиппиус,
В. Гроссмана, Ю. Домбровского,
Н. Заболоцкого, Б. Зайцева, Е. Замятина,
Н. Коржавина, В. Корнилова, А. Куприна,
С. Левицкого, Н. Лосского,
В. Максимова, О. Мандельштама,
В. Набокова, В. Некрасова, Б. Окуджавы,
Б. Пастернака, К. Паустовского,
Р. Редлиха, А. Ремизова, Ф. Светова,
А. Солженицына, В. Солоухина, В. Тарсиса,
М. Цветаевой, И. Шмелева, В. Шульгина
и многих других отечественных
и эмигрантских авторов.

* * *

И в новых условиях уже в самой России журнал будет следовать прежним принципам, в первую очередь публикуя произведения, помогающие восстановлению прерванных тоталитаризмом традиций российской культуры.

Журнал основан в 1946 году
Основатель журнала Е. Р. Романов
Редактировали:
1946 Е. Р. Романов, С. С. Максимов,
Б. В. Серафимов
1947–1952 Е. Р. Романов
1952–1955 Л. Д. Ржевский
1955–1961 Е. Р. Романов
1962–1982 Н. Б. Тарасова
1982–1983 Р. Н. Редлих, Н. Рутыч
1984–1986 Г. Н. Владимов
1986–1995 Е. А. Самсонова-Брейтбарт

С 1997 года
Издатель и Главный редактор
Татьяна Жилкина

Редакционная коллегия:
Алла Ависова, **США**
Белла Ахмадулина, **Россия**
Ирина Басова, **Франция**
Тамара Жирмунская, **Германия**
Геннадий Николаев, **Германия**
Екатерина Труш, **США**

**Москва–Париж–Мюнхен–
Сан-Франциско**

Г Р А Н И

**МЕЖКОНТИНЕНТАЛЬНЫЙ
РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ
THE RUSSIAN LITERARY JOURNAL**

Год LXVI

№ 239

2011

СОДЕРЖАНИЕ

*«...Никогда человеческие ценности
не были до такой степени девальвированы»* 5

ПИСАТЕЛЬ И ВРЕМЯ

Андрей КРЫЛОВ.
Цена вопроса. Булат Окуджава 6

ПУБЛИЦИСТИКА

Игорь ЧУБАЙС.
Россия – разделенная во времени страна 16

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Ирина СУГЛОБОВА.
«В бездне всех переставленных вех...» *Стихи* 38

Борис ХАЗАНОВ.
Жабры и лёгкие языка.
Париж и все на свете 46

Евгений АВЕРЬЯНОВ.
«Только любовь...» *Стихи* 63

Владимир НИКОЛАЕВ.
Сталинский лицей. *Окончание* 73

АНТОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОГО РАССКАЗА

Людмила АГЕЕВА.
Не плачь, я тебя спасу 100

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Татьяна ЖИЛКИНА.
Тридцать дней февраля 107

ДНЕВНИКИ. ВОСПОМИНАНИЯ. ДОКУМЕНТЫ

Евгения ГЕРЦЫК, Вера ГРИНЕВИЧ.
«Дорогая, бесконечно дорогая...» 167

Юрий ЗАВАДОВСКИЙ.
Как я стал востоковедом. *Билибин и Восток* 198

ФИЛОСОФИЯ. РЕЛИГИЯ. КУЛЬТУРА

Сергей ПЕСТОВ.
Странное христианство Елены Чудиновой 203

Коротко об авторах 232

Обложка художника Н. Мишаткина

*Эмблема – «Парус»
Художник И. Йогансон*

Никогда человеческие ценности не были до такой степени девальвированы, никогда стоимость человеческой жизни не падала так низко.

И, может быть, литература – единственное, что у нас осталось на обломках веры в исторический разум, литература, которая все еще отстаивает суверенность личности, литература, последний бастион человечности.

Борис Хазанов

ПИСАТЕЛЬ И ВРЕМЯ

Андрей Крылов

Цена вопроса

Памяти Василия Аксенова

Меня всегда поражало количество ошибочных утверждений, будто бы Окуджава находился среди авторов независимого альманаха «Метрòполь», в семьдесят девятом году изданного на Западе. В какой-то момент я даже сделал несколько выписок подобного рода*.

Конечно, кто-то из заблуждающихся попал под влияние нескольких фотографий, сделанных Валерием Плотниковым, — ныне эти снимки широко известны. На одном из них — он напечатан и в книжном издании романа, запечатлены участники альманаха, их близкие и друзья в мастерской Бориса Мессерера, на другом — тот же состав, но еще более расширенный.

В центре второй фотографии — Генрих Бёлль с обруганной уже на родине и напечатанной «Ардисом» книгой в доме Аксеновых двадцать шестого июля семьдесят девятого года**. На обоих снимках Окуджава есть.

* Вот некоторые ссылки: *Волин П.* Человек-антилегенда и другие: Док. проза. Нолон: Мория, 1999. С. 187; *Яворская А.* Власть поэта // Мигдаль Тимс. Одесса, 2001. № 17 (дек.); *Она же.* Встречи с Семеном Липкиным // Мория: Альм. № 5. Одесса, 2006.

** См. этот снимок: *Голос надежды.* Вып. 3. М., 2006.

Вероятно, на память современников повлиял и тот факт, что в большой степени среди «метропольцев» были писатели его круга, включая и близких друзей: Белла Ахмадулина, Андрей Вознесенский, Фазиль Искандер, Борис Вахтин, художник книги Борис Мессерер, наконец сам Аксенов...

Однажды в восьмидесятом на выступлении Окуджаве задали вопрос: предлагали ли ему дать свои произведения в альманахах? На прямой вопрос он ответил, но ушел от объяснения причины своего неучастия. Однако не только не откестился, но и не остановился на том — счел необходимым отметить свою близость к авторскому коллективу:

— Да, предлагали в свое время. Но я не являюсь его участником, хотя там много друзей моих.*

У исследователей вопрос «почему?» вроде бы не возникал, поскольку ответов «со стороны» на него было предостаточно.

Юлиу Эдлис, драматург из окружения Окуджавы, автор воспоминаний о нем:

Не все из приглашенных к участию в альманахе согласились на это, те же Трифонов и Окуджава, к слову; их удержала, надо полагать, естественная опаска: они понимали, что участие в таком рискованном предприятии чревато неизбежными неприятностями**.

Впрочем, мнение Эдлиса — и впрямь со стороны. Воспользуемся цитатами из объяснений разных лет, принадлежащих непосредственным инициаторам и составителям «Метрополя».

* Цит. по: *Окуджава Б.* «Я никому ничего не навязывал...»: [Ответы на записки] / Авт.-сост. А. Петраков. М., 1997.

** *Эдлис Ю.* Четверо в дубленках и другие фигуранты [и др.]. М.: Олимп: АСТ: Астрель, 2003. С. 45.

Во-первых, это многократные интервью инициатора сборника — Виктора Ерофеева. Какие-то из них предельно кратки, а какие-то более подробны, но все они сводятся к следующему сообщению:

Согласились дать свои работы далеко не все: Юрий Трифонов сказал, что это затруднит выход его произведений, Людмила Петрушевская волновалась по поводу театральных постановок, Булат Окуджавы сначала передал свои стихи, но затем попросил их не печатать, сославшись на то, что в нашей компании он единственный член партии и строже всего спросят именно с него*.

Безразличен к причине неучастия Окуджавы в опасном предприятии и даже приводит аргументы — не всегда точные в его пользу еще один составитель альманаха — Андрей Битов:

— А кто знает. Это было его право и его дело. К тому же он был член партии со времен войны. Но он участвовал в «Синтаксисе», между прочим. За который некоторые сидели. Он был вполне свободным господином. И пел бесцензурно. А не захотел в «Метрополь» идти — и не захотел, и правильно сделал**.

Подобное отношение высказал чуть раньше в беседе с журналистом и третий составитель, близкий друг Окуджавы, — Фазиль Искандер:

— Не помню, приглашали ли его.

— Точно приглашали! Но он не пошел — может, потому, что был член партии и ветеран войны.

* *Ерофеев В.* «Порнография духа» живет и побеждает! / Записал А. Белый // Комсом. правда. 1999. 19 янв.

** *Битов А.* Промывание мозгов: (Ч. 2): [Интервью] // Медведь. 2009. № 7. Об участии О. в самиздатском журнале «Синтаксис» (1960. № 2) см.: *Гинзбург А. И.* Булат и постунок // Творчество Булата Окуджавы в контексте культуры XX века: Материалы Первой междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию со дня рожд. Булата Окуджавы. 19–21 нояб. 1999 г., Переделкино. М.: Соль, 2001.

Не пошел и правильно сделал. Ну что там было? Получилась довольно-таки жалкая вылазка с нашей стороны. Как бы желание подчеркнуть, что мы все — свободные художники. Тогда это все было очень наивно!*

Правда, десятью годами ранее Искандер высказался более определенно, но, судя по всему, все равно судил о ситуации со слов третьих лиц:

— Вы знаете, насколько я знаю, Булат отказался принимать участие в нем. У него и без этого достаточно уже сложные отношения были с властями и, видимо, тем более он был членом партии. Насколько я помню, Василий Аксенов предлагал ему, но он отказал**.

Четвертый составитель «Метрòполя» Евгений Попов был еще более категоричен:

Булат Окуджава не был приглашен и не участвовал в альманахе***.

Двадцать второго января семьдесят девятого года состоялось расширенное заседание секретариата Московского отделения Союза писателей СССР, куда были вызваны все участники «Метрòполя». Окуджава по собственной инициативе пришел и туда.

Из того же интервью Евгения Попова, взятого Марией Заламбани:

* *Искандер Ф.* Я думаю...: [Интервью] // Медведь. 2009. № 3.

** Из фонограммы выступления Ф. Искандера на заседании Клуба друзей Булата Окуджавы 2 мая 1999 г.

*** Интервью Евг. Попова от 17.06.04 цит. по примечаниям к публ.: Дело «Метрòполя»: Стенограмма расширенного заседания секретариата МО СП СССР от 22 января 1979 года / Подгот. текста, публ., вступ. ст. и коммент. М. Заламбани // Новое лит. обозрение. № 22. 2006. <http://magazines.russ.ru/nlo/-2006/82/de14.html>.

Он пришел на встречу как друг Аксенова, желая защитить составителей и интересы альманаха и способствовать урегулированию конфликта.

Как вроде бы наивно повел себя на этом судилище Окуджава, свидетельствует опубликованная стенограмма:

Я. Козловский. Секретариат большой, и я удивлен доброжелательностью этого процесса. Я уважаю Битова, Аксенова, Искандера. Аксенов — большой писатель. И Вознесенский большой поэт. Но как можно писать стихи о двуглавом орле, если он писал о Ленине. Он — двурушник. И Ахмадулина двойная, она писала в «Моей родословной» о родственнице, которая работала в аппарате Ленина. Непонятно, зачем здесь Алешковский. Хреновые у него стихи. И вот как мог Окуджава...

Составители. Его нет в альманахе.

Б. Окуджава. А я там буду...

Я. Козловский. А Высоцкий для чего? Пускай себе на пленках крутится...*

Напомню, что двенадцать огромных экземпляров альманаха, состоявшего из расклеек на ватмане — по четыре машинописных листа на полосу, к моменту проведения собрания уже были готовы. И эта наивная солидарность не была показной. Инна Лиснянская, которая вместе с мужем Семеном Липкиным и Василием Аксеновым вышла из Союза Писателей в знак протеста против исключения оттуда Попова и Ерофеева, вспоминает:

...С Окуджавой мы встречались не так часто, но, тем не менее, дружили. Он был замечательным человеком, несколько строгим, но добрым и веселым и ни о ком плохо не отзывался, даже о неважных поэтах. Во время истории с «Метрополем» он к нам приезжал, навещал и помогал**.

* Там же.

** *Лиснянская И.* Один день и вся жизнь / [Беседовала] И. Солганик // Вести. Тель-Авив, 2007. 8, 15 марта. (Прилож. «Окна»).

Все это как-то не вяжется с утверждениями и намеками на то, что фронтовик Булат Окуджава испугался из-за очередной неотвратимой опалы. Или сначала испугался, а потом вдруг осмелел?..

В общем, на тему «Окуджава и “Метрополь”» высказывались многие. Но мне не удалось найти подобных интервью пятого титульного составителя — Василия Аксенова — многие называют его главной движущей силой всей затеи. Об Окуджаве как о друге и писателе — да. В связи с «метропольской» эпопеей — нет...

Не исключаю, что у Дмитрия Быкова, биографа Окуджавы, на сей счет были какие-то дополнительные сведения, и это позволило ему резюмировать ситуацию следующим образом:

...Окуджава не участвовал в альманахе «Метрополь», но мог по-пушкински сказать: «Все мои друзья были в заговоре». Причины его собственного неучастия объяснялись по-разному: Аксенов вспоминал, что ему и не предложили ничего давать в сборник — во-первых, берегли; во-вторых, знали, что к любым коллективным демонстрациям он относится настороженно. Подписать письмо в чью-то защиту — пожалуйста, напечатать под своим именем перевод или статью диссидента, лишённого права публиковаться под собственным именем, — ради бога... Но публикации в тамиздате уже стоили ему года фактического изгнания из профессии, а заодно и унижительного покаяния, которого он не забыл; Окуджава не лез на рожон без нужды*.

Последний — мемуарный роман Аксенова «Таинственная страсть» стал печататься еще при жизни автора весной

* Быков Д. Булат Окуджава. М.: Молодая гвардия, 2009. 2-е изд., испр. С. 698. (Жизнь замечат. людей). Под *годом фактического изгнания из профессии* писатель подразумевает историю с несостоявшимся исключением из партии, однако последствия этой истории растянулись не на год, а почти на все четыре года (подробности см.: «Процесс исключения», 1972: [Разд.] // Голос надежды. Вып. 5.).

две тысячи девятого года в журнале «Караван историй», с продолжением. Как и в поздней автобиографической прозе Окуджавы, к которой Аксенов успел написать предисловие*, в его романе тоже изменены фамилии персонажей. А в отличие от окуджавского «Упраздненного театра», — в с е фамилии.

Еще одно важное отличие: в аксеновском авторском предисловии вымысел отделен от реальных событий, а имена главных героев соотнесены с их прототипами. Здесь, в частности, о причинах такого авторского решения говорится:

Я всегда испытывал недоверие к мемуарному жанру. Сорокалетний пласт времени — слишком тяжелая штука. Даже план интерьеров вызывает сомнение, не говоря уже о топографии местности. Неизбежны провалы и неточности, которые в конце концов могут привести — и чаще всего приводят — к вранью. Стремление к хронологической точности часто вызывает путаницу. Желание создать образы реальных людей под реальными именами может вызвать у читателя раздражение и отторжение: они, дескать, были не такими и такого с ними не могло произойти.

Вспоминая далее повесть Валентина Катаева «Алмазный мой венец», где все фамилии также зашифрованы, зато цитируются подлинные стихи персонажей, Аксенов пишет:

С предельной щедростью я прибегал к подобному цитированию моих друзей-шестидесятников, однако, создавая их романские образы, я отдавал себе отчет, что возникнут не клоны, не копии, а художественные воплощения, более или менее близкие к оригиналам. В связи с этим возникала потребность создать новые, хоть и созвучные имена**.

Роман Аксенова действительно, как обещает аннотация,

* См.: Аксенов В. Над разоренным гнездом кукушки // Окуджава Б. Упраздненный театр. М.: Зебра Е, 2006.

** Обе цитаты: Аксенов В. Булат и Арбат: Авт. предисловие // Аксенов В. Таинственная страсть: Роман. М.: Новости, 2009.

рассказывает о его современниках-«шестидесятниках»: «о том, как жили эти люди — сопротивлялись власти или поддавались ей, любили, предавали, отбивали чужих жен, во что верили, чем дышали». В списке персонажей романа, предшествующем цитате, фамилии Окуджавы (то есть по Аксенову, Кукуша Октавы) — нет. Но страниц, ему посвященных, — много.

В данном случае нас должны заинтересовать эпизоды, связанные с пресловутым неучастием. И в частности, объяснение причин, по которым случилось это неучастие.

Вот как описывает мемуарист (здесь он — Аксен Ваксон) один из эпизодов подготовки альманаха (Шура — сын Окуджавы Игорь):

Остался еще один серьезный кандидат для включения в «союз бесноватых» — ну конечно, великий и непревзойденный Кукуш Октава. Нет, он не пойдет к нам, сказал Ваксон. Почему? Хотя бы потому, что т е о н и хотят, чтобы он вступил в «Метропòль». Что за абсурд, Вакса, спросила Ралик. Он сам мне рассказал. Дело в том, что на него насели т е о н и . Вы знаете, что Шура, его старший сын, настоящий системный хиппи. Кукуш купил ему однокомнатную на Кутузовском, и там как раз вся эта «система» и засела. На них была облава, нашли то ли реальные, то ли подброшенные составы, ну а после этого начался шантаж родителей.

В общем, эти субчики вышли на Кукуша и стали его давить. Сначала пустились в славословия: дескать, вы, товарищ Октава, за истекшие годы поднялись на высший уровень нашей культуры. Ваши песни поет вся страна. Поверьте, Кукуш, мы тоже их поем. И тут же запели: «Возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропасть по одиночке».

Кукуша чуть не стошнило от их вокала. Они ему говорят: «Вот опираясь на эту вашу бессмертную песню, мы к вам пришли с неприятной новостью. Ваш сын Шура арестован органами милиции и прокуратуры. Его обвиняют в содержании наркотического притона. Мы в это не верим, но вы понимаете, что может

прокуратура сотворить с вашим юнцом. Мы бы хотели обсудить это с вами по-товарищески, если и вы к нам проявите доверие.

От вас мы многого не хотим, просто надеемся, что вы, с вашим фронтовым и партийным авторитетом, повлияете на писателей из “Метрòполя”. Ну просто чтобы вы вступили в эту группу и как-то остерегали бы их от непродуманных действий. Согласны?»

Кукуш, конечно, сразу же отказался. «Товарищи» приуныли. Жаль, жаль, дорогой Кукуш, что вы нам не доверяете. Все-таки мы постараемся развеять мрачные тучи, собравшиеся над вашей семьей. Шура будет освобожден. Отправьте его на время подальше от Москвы, ну, предположим, к тетке в Ереван. И никому, пожалуйста, не рассказывайте о нашей беседе; никому, кроме ближайших друзей; лады?»

Кому как не самому деятельному из составителей «Метрòполя» Аксенову знать вышеизложенную причину! То есть перед нами — объяснение практически из первых рук. Окуджава не любил распространяться на эту тему, и нам повезло, что Василий Павлович успел ее передать читателю.

Пересказ разговора с Окуджавой многое ставит на свои места и выглядит вполне достоверным. Тем самым этот пересказ сам по себе опровергает прозвучавшие устно и письменно упреки в адрес поэта.

И чуть дальше, в следующей главе, в продолжение этой же истории Аксенов записывает со слов Окуджавы еще один сюжет (под именем Шаркова — Георгий Мокеевич Марков):

Кукуш, в частности, рассказал об одной любопытной встрече. Едва он кое-как уладил проблемы беспутного Шуры, отослав того к тетке в Ереван, как его пригласили к генсеку Большого Союза Мокею Егоровичу Шаркову. В обширном кабинете, чуть в стороне от генсекского стола, рядом с бюстом Анри Барбюса сидел третий участник беседы, средних лет вельможа в костюме с иголки и с брильянтами в запонках и галстучной заколке. Кукуш сразу сообразил, откуда прилетела роскошная птица.

* Аксенов В. Таинственная страсть.

Речь, разумеется, зашла о «Метрополе». Третья фигура благосклонно поблагодарила Кукуша за нежелание присоединиться к сомнительной группе. Вы поступили как коммунист. Мокей Егорович сказал, что приближается финал всей этой вздорной кампании. Намечено заседание правления Московского союза. Пятьдесят наших надежных товарищей встретятся с пятью главарями-экстремистами. А ведь они, эти пятеро, считаются вашими друзьями, Кукуш. Хорошо было бы как-то повлиять на эту гоп-компанию. Предостеречь их от резких высказываний. Это дало бы нам возможность свести к минимуму намеченные административные акции.

Тем не менее любая возможность подтвердить или опровергнуть версию Аксенова должна быть использована. Однако первая жена Игоря Окуджавы вообще отказалась вспоминать что-либо на эту тему.

Его знакомые последних лет мало что знают об этой истории — их он обрел позднее. Актер и режиссер театра «Сфера» Александр Малов, друживший с Игорем еще со времен кинокружка в Доме пионеров, вспоминает, что вновь стал общаться с ним в восемьдесят четвертом, когда после его возвращения с так называемого «вольного поселения», которое определил ему суд, прошло несколько лет. Малов помог ему устроиться в свой театр звукорежиссером. Ему Игорь рассказывал о том, что наказание за хранение наркотиков вполне могло быть связанным с лишением свободы, но после вмешательства отца он отбывал так называемые «исправительные работы» на тракторном заводе недалеко от Москвы.

...В девяносто седьмом умер сначала он, а ровно через полгода и сам Булат Шалвович. Получается, что Аксенов, хотя и не совсем точен в деталях случившегося, прекрасно знал причину неучастия Окуджавы в «рискованном предприятии», знал горькую цену этого неучастия. Знал один. Но молчал об этой семейной драме, пока были живы ее участники.

И даже дольше.

Россия – разделенная во времени страна

Произошедший в октябре семнадцатого года большевистский переворот разорвал историю государства. Вместо исторической России – Российской империи – было создано принципиально иное образование – Советская Россия, ставшая вскоре Советским Союзом.

О разрыве, кажется, первым сообщил миру русский поэт и мыслитель Василий Розанов, в «Апокалипсисе нашего времени» он писал: **«С лязгом, скрипом, визгом опускается над Русскою Историею железный занавес.»**

Сегодня, после девяноста лет террора и лжи, далеко не все сознают, что же это за разрыв, хотя даже школьник понимает – ФРГ и Третий Рейх – государства разные. Как говорится, в чужом глазу... Со стороны виднее, чем вблизи. Поэтому основной тезис – **о разделенности** – я постараюсь коротко раскрыть и обосновать.

Постоктябрьский разрыв – это **разрыв на уровне государства и госсимволики**. Думская монархия превратилась в «советскую республику», в «государство рабочих и крестьян», а еще точнее – в диктатуру **над** пролетариатом. Советская Россия утвердила новый герб, гимн, флаг. Вместо прежних силовых структур появились новые – милиция (жандармерия и полиция распущены), РККА (вместо Рус-

ской армии), образована и совершенно неизвестная в исторической России организация под названием ВЧК.

Тридцатого ноября семнадцатого года предсовнаркома издал декрет, которым отменялось действие всего корпуса российских законов, формировавшегося тысячу лет. Произошел **правовой разрыв. Вместо прежней морали** — чти отца, чти мать — приоритетом объявлялась преданность делу революции. На коммунистический иконостас попал Павлик Морозов, прославившийся лишь тем, что «во имя дела рабочего класса» предал собственного отца.

Большевики **изменили социальную структуру** российского общества, они отменили все сословия. Правда, вместо провозглашенной идеи равенства, на самом деле тот, кто был никем вовсе не стал всем, а бывшие всем превратились в ничто. Зато над страной вознесся новый правящий класс, получивший позднее название — номенклатура. Его существование в союзе было государственной тайной, номенклатурщики обладали особыми правами и особыми привилегиями, список которых по сей день не опубликован.

Отменив сословия, большевики **национализировали всю собственность**, на словах объявив ее народной, а фактически — взяв ее под номенклатурный контроль. Обыденным проявлением разрыва является, к примеру, то, что в наших городах и селах есть тысячи памятников, множество улиц и площадей носящих имена героев Великой Отечественной, но, в отличие от Парижа или Лондона, в Москве нет ни одного топонима сохраняющего память о Первой Мировой. Само за себя говорит и «соотношение масштабов празднования» юбилеев двух войн.

Разрыв во времени: из Русской идеи — в комидею и комидеологию.

Произведенные силовым путем трансформации требовали фундаментальных обоснований. С этой востребованностью связана смена самой национальной идеи, самого фундамента,

на котором выстраивалось российское, превращаемое теперь в советское общество и государство. **На месте русской идеи появилась коммунистическая идея и идеология.** Новые ключевые понятия необходимо пояснить и дефинировать. Впрочем, с концептом **комидея**, дело обстоит достаточно просто. Россия жила под девизом «С нами Бог!», соотечественников соединял Бог, ибо «Бог есть любовь», а советская Россия приняла девиз «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Говоря о социализме и коммунизме, имеют в виду форму, в которой отсутствует эксплуатация, где никто не присваивает продукты чужого труда. Здесь реализован принцип «оплата – по труду», а при коммунизме уже и «по потребности», то есть осуществлена идея социальной справедливости. Однако, на самом деле в СССР эксплуатация не просто существовала, ее уровень был гораздо выше, чем на Западе. Был и класс, присваивавший продукты чужого труда – та самая **номенклатура**, то есть совбюрократия, партгосаппарат.

Фальсификация всенародно провозглашаемых принципов, извращение самых основ нового строя не могли оставаться незамеченными и требовали дополнительных действий со стороны властей. И Владимир Ильич не растерялся, он объявил о рождении комидеологии. В отличие от комидеи, раскрыть, объяснить смысл и значение этого термина было невозможно. На протяжении всего периода существования СССР ситуация оставалась парадоксальной – значение комидеологии подчеркивалось непрерывно, этот термин был самым часто употребляемым, но что такое комидеология – никто вразумительно не отвечал.

Хотя и с опозданием, сделаем это сейчас. Если нацидея – это фундаментальные начала, на которых выстраивается страна, идентичность – это совокупность особенностей и характеристик государства, то **комидеология – это тот искажающий фильтр, который объявлялся единственно верным, только через него разрешалось смотреть на мир и, прежде всего, на самих себя.** Что бы, где бы, и как бы не происходило в действительности, комидеология обязывала видеть

советское государство самым передовым и прогрессивным; какие бы беды не сваливались на наши головы, мы обязаны были верить в светлое будущее, в то, что победа коммунизма неизбежна. Также и Запад был миром контрастов и противоречий, Америка загнивала, а «СССР, как шутил народ, должен был вот– вот догнать и перегнать США, стоящие на краю пропасти».

Если говорить более формализованным языком, **комидеология** – это контроль за всей циркулирующей в обществе информацией с целью поддержания мифа о строительстве коммунизма.

Но, поскольку не все поддавались увещаниям агитаторов, не все соглашались с госложью, у комидеологии была и другая сторона. Комидеология означала воздействие на информацию, но, если этого для части людей было недостаточно, **комидеология** воздействовала на самих этих людей, на тех, которые не принимали или могли не принять официальный миф.

Вся советская система репрессий – ГУЛаг, депортации, красный и большой террор, Голодомор, раскулачивание, расказачивание и так далее. – это вторая неизменная составляющая комидеологии.

Комидеология – это не что иное, как самая универсальная, всеохватная госцензура. Глубинная цель ее создания и существования состояла в легитимации существующей власти. Советский режим не был властью от Бога и не был властью выборной – он был «выше» всего этого, он был политуголовной властью от комидеологии, которая самопровозглашала себя «властью борцов за народное счастье, властью созидателей светлого будущего».

Комидеология и Вторая Мировая война. Когда нацидея навязана.

Итак, основные особенности советской идеологии можно свести к трем характеристикам – это разрыв с ценностями

исторической России, – это цензурирование всей информации для поддержания мифа о строительстве коммунизма, – это силовое воздействие и террор в отношении несогласных.

В данной части статьи мы рассмотрим как эти особенности проявлялись во время Второй Мировой войны. Мы проведем сопоставление действий и поведения России, построенных на ее глубинных правилах – Русской идее и действий и поведения Советского государства, в основу которых была поставлена навязанная обществу комидеология.

Некоторые дополнительные характеристики.

Изначально можно сказать, что вся досоветская эпоха в учебниках по «Истории СССР» изображалась как затянувшееся время, наполненное смыслом лишь в той мере, в какой эти столетия наполнены стремлением к осуществлению вековой «коммунистической мечты». Все те, кого в СССР назначали героями русской истории – Пугачев, Разин, декабристы, Герцен с неперемненными Добролюбовым и Чернышевским – все они объявлялись близкими или дальними предшественниками Ленина и Великого Октября. К ним добавлялся Иван Грозный, как мудрый госстроитель, полюбивший грубое насилие и, в меньшей мере, Петр I.

Характерно, что в российско–досоветском общественном сознании Иван IV занимал ничтожно малое место как нетипичная, одиозная и почти ничем не прославившаяся фигура. В возведенном в самом конце XIX века в Великом Новгороде памятнике тысячелетию Руси, среди десятков исторических фигур лик Грозного вообще отсутствует. Большинство же героев и иных позитивных персонажей традиционного русского исторического пространства приобретали в комидеологическом описании–дискурсе негативную коннотацию или просто бесследно исчезали.

И еще одна важная идеологическая константа. Особенность Отечественной войны сорок первого–сорок пятого годов, в сравнении с войнами исторической России, состояла в

том, что в них участвовали по-разному организованные вооруженные формирования — Русская армия и РККА. Последняя вовсе не была преемницей и продолжательницей первой. Офицерский корпус красных, разумеется, не состоял из наиболее образованной части общества — дворянства, понятие «офицерская честь», практика дуэлей в рабоче-крестьянской армии не известна, а Бога в ней заменяли человеко-боги.

Напомню, когда и почему появилась армия красных. В августе четырнадцатого года Россия в составе Антанты вступила в Первую Мировую. Война завершилась победой Антанты, в ноябре восемнадцатого года в Кемпъенском лесу под Парижем Германия подписала капитуляцию. Но за несколько месяцев до этого, в марте Советская Россия в Бресте подписала договор о мире с проигрывающей Германией. Договор избавлял Берлин от войны на два фронта, предоставлял немцам огромные аннексии и контрибуции.

Тем не менее, даже в этих усложнившихся обстоятельствах Антанта победила. Вполне очевидно, что, не подпиши большевики Брестский договор, Россия оказалась бы в числе победителей, а не проигравших. Заключение Лениным мира с Германией в восемнадцатом году так же нелепо, как если бы Сталин сдался Гитлеру в начале сорок пятого. Иначе говоря, **своеобразная полупобеда германцев над нашей страной выразилась в форме ее большевизации.**

Так кому был нужен Брестский мир? Ответ состоит в следующем. Получая в ходе Мировой войны деньги от немецкого генштаба, ленинцы использовали их для захвата власти.

Но купившие власть вынуждены расплачиваться со своими кредиторами. Поэтому первым советским декретом и стал декрет о мире. Уже четырнадцатого ноября семнадцатого года Ленин уведомил Англию и Францию о вступлении в переговоры с Германией. Наложённые на Советскую Россию контрибуции стали своеобразным большевизским откатом Берлину.

Договор выполнял и другую важную функцию. Русские солдаты и офицеры в своем большинстве, несмотря на оголтелую большевизскую агитацию, испытывали к эсдекам глу-

бокую неприязнь. И если бы взводы и полки вернулись с фронтов домой, то новым властям было бы несдобровать. Советы боялись Русской армии больше, чем кайзер Вильгельм. Поэтому в Брестский мир был включен пункт о разоружении и роспуске нашей армии.

В результате большевизм действительно уцелел, а новое государство создавало совершенно новую армию, названную рабоче–крестьянской. Преемство с исторической Россией было прервано и в этом направлении.

Небольшое отступление. Между действиями двух коммунистических вождей существуют характерные параллели. Ленин, как уже было показано, ради удержания власти, отдал воюющему с нами государству часть российской территории.

А почему Сталин «обратился к народу» не двадцать второго июня, а только третьего июля сорок первого года? Да, первые дни войны, но не более, он был в депрессии. А потом... через болгарского посла в Москве генсек пытался вести торг с Гитлером – предлагал фашистам советские территории в обмен на мир и последующие совместные действия.

Сталин мало кому доверял, но своему источнику «лицеисту» – латышскому корреспонденту в Берлине Орестсу Берлинксу, бывшему двойным агентом, доверял вполне. А тот за месяц до начала войны писал, что если Сталин уедет в Свердловск и будет строить социализм за Уралом, Гитлер его не тронет.

Отказ от борьбы и сдачу территорий вместе с гражданами вождь пролетариата и будущий генералиссимус считал делом перспективным. А выступил по радио он лишь тогда, когда понял, что «верный друг» его одурачил и переговоры провалены.

Когда началась война.

Важное концептуальное обстоятельство, которое необходимо учитывать для правильного понимания происходивших процессов, состоит в следующем.

Великая Отечественная война – это искусственно вырванный фрагмент из целого, которое называется Вторая Мировая война. Обосновать этот тезис не сложно. Приход большевиков к власти с самого начала сопровождался громогласным призывом к мировой революции. «Мы раздуем пожар мировой, церкви и тюрьмы сровняем с землей. Ведь от тайги до Британских морей Красная армия всех сильнее» – не только слова популярной красноармейской песни времен Гражданской, это узловая составляющая большевицкой доктрины.

С восемнадцатого по двадцать второй годы ленинское политбюро пять раз обсуждало вопрос об организации революции в Германии, призванной затем перерасти в общеевропейское пролетарское восстание. Правда, немецкая революция, не считая краткосрочного успеха Красной Баварии, так и не состоялась.

Но и германский национал-социализм ставил своей целью мировое господство. Этот общеизвестный факт едва ли кто будет оспаривать.

Не удивительно, что две силы, после некоторых блужданий, нашли друг друга и создали союз, подписав пакт Молотова – Риббентропа. Первого сентября тридцать девятого года началась война за новое переустройство мира. Германия стремилась избежать войну на два фронта. Союз со Сталиным развязывал Гитлеру руки и создавал условия для успешного продвижения на запад. Собственно, Гитлер и намеревался в блиц-режиме захватить Запад, а уже после этого, окрепшим и усиленным, двинуться на восток. Совместный захват Польши показал ему, что какое-то время на Сталина можно положиться.

В свою очередь и Сталин, заключая пакт, надеялся тем самым подтолкнуть Гитлера к войне на Западе, где он, по расчету генсека, должен был увязнуть. В подходящий момент, когда немцы и их противники окажутся ослабленными и обескровленными, победоносной РККА предписывалось совершить успешный боевой поход на Запад.

Сталину даже показалось, что такой момент наступает в канун майского, сорокового года, нападения Гитлера на Францию. Отчасти поэтому весной сорокового он скоропа-

лительно завершил малоуспешную, но совершенно исчерпавшую финские ресурсы войну с северным соседом, а также распорядился об организации Катынского расстрела: иметь в период большой военной акции в своем тылу офицерский корпус противника вождь счел не целесообразным.

Однако быстрая победа Гитлера над Францией вождя разочаровала; напомним, что это было в сороковом. А в сентябре тридцать девятого захватнические мечты Сталина привели к тому, что Советский Союз, через семнадцать дней после Рейха, начал войну, напав на Польшу.

В целом надо отметить, что первый этап Второй Мировой, который можно считать досрочно завершенным двадцать второго июня сорок первого года, был для сталинцев вполне удачным.

С малыми потерями они присоединили территории восточной Польши – Западной Белоруссии и Западной Украины, трех независимых государства Балтии, Бессарабии, Северной Буковины и часть территории Финляндии, захваченную, правда, в ходе тяжелой советско–финской войны.

Вторая Мировая, зигзаги комидеологии

Заклучив союз с Гитлером, Сталин легко меняет «правила игры». До подписания Пакта, советские газеты и радио жестко критиковали германский фашизм, особенно во время гражданской войны в Испании. Но в августе тридцать девятого года критика полностью прекратилась. Между тем, в нашей стране оставались люди, которые в частных беседах продолжали критиковать национал–социализм.

Увы, по сей день ни школьные учебники, ни массовые телеканалы не рассказали, что в постпактовском СССР недовольных фашизмом Сталин отправлял в ГУЛаг, и в лагерях их держали не только в тридцать девятом, в сороковом, но и в сорок первом и даже в сорок втором году.

Не менее драматичной оказалась судьба нескольких сот немецких коммунистов, которые, спасаясь от Гитлера, бежа-

ли из Рейха и смогли добраться до страны своей мечты. В СССР они получили политическое убежище. Но сразу после подписания Пакта членов германской компартии по приказу Сталина интернировали и возвратили на родину.

Некоторые источники утверждают, что точно также Сталин поступил с немногочисленной группой немецких евреев, бежавших в СССР. Однако эта информация еще нуждается в уточнении.

Как видим, комидеология обслуживала номенклатуру даже тогда, когда это означало дискредитацию подвластного ей государства. В сороковом году за войну с Финляндией СССР был с позором исключен из Лиги Наций.

Найти какие-то аналогии антикоммунистическим и беспринципным действиям сталинской власти в русской политической истории невозможно, но известно другое. Важнейшая составляющая Русской идеи – православие не декларативно, а реально было основой российского мировидения, ради освобождения или защиты православных народов, российский император не раз оказывал им помощь, в частности, и военную. Такое случалось, например, на Балканах.

Отказ от разделенности во времени

С началом Отечественной войны идеологические ориентиры вновь изменились. Уже в своем первом публичном выступлении в июле, Сталин дает название войне – «Целью этой всенародной **Отечественной войны...**»

Таким образом, она сразу соединяется с двумя прежними Отечественными – войной тысяча восемьсот двенадцатого года и войной так называемой еще Германской, а, официально – Первой Мировой.

От разрыва истории номенклатура частично отказывается и приподнимает железный занавес. В речи шестого ноября сорок первого года, генсек, с одной стороны, не отбрасывает полностью комидеологию, «по сути дела, заявляет он, гитлеровский режим является копией того реакционного режима,

который существовал в России при царизме». Можно только догадываться, у какого количества людей услышавших это высказывание, появилось желание сдать в плен или воевать со сталинщиной.

Однако, заканчивая ту же речь, он вводит в советский идеологический язык российские исторические символы: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!». Полностью от жупела ленинизма Сталин не отказывается, но обильно разбавляет его ценностями и символами российской истории. В дальнейшем линия на связь с историей Отечества во взаимодействии с советской символикой сохраняется. Это относится не только к текстам официальных выступлений, к сюжетам плакатов и информации, распространяемой газетами и радио.

В сорок третьем году в Красной армии восстанавливаются русские погоны и офицерские звания, восстанавливается введенное Петром Первым звание «Гвардия», в медали «За победу над Германией» воспроизведена черно-оранжевая ленточка Георгиевского креста.

В конце сорок третьего Сталин распускает Коминтерн. Готовясь войти в Европу, он не хочет усложнять свою задачу. Путая карты наивным европейским политикам, Сталин не разъясняет, что освобожденным им от нацизма странам предстоит оказаться в соцлагере.

Интересно и весьма показательно, что за две недели до прорыва ленинградской блокады, в январе сорок четвертого года город одержал важнейшую духовную победу. Двадцати улицам, включая Невский проспект, были возвращены названия имперского Петербурга. Постановление, подписанное председателем Ленгорисполкома Петром Попковым – это единственное за всю советскую эпоху решение о массовом возвращении исторических названий. Время, когда оно было принято, говорит само за себя....

Итак, успешный для Сталина первый период Второй Мировой, когда победы достигались легко, а порой и чужими руками — этот период прошел в переплетении советской и фашистской мифологии и был увенчан сталинской формулой, определявшей Гитлера как «мой боевой друг».

Но затем ситуация изменилась. С началом Отечественной войны важнейшую составляющую комидеологии — разрыв во времени — Сталин, хотя и в имитационном режиме, преодолевает. Вполне очевидно, что без возвращения в историческую Россию, без максимально возможного приглушения комсимволики, вести Отечественную войну было просто невозможно. Лозунги «за НКВД, за колхозы, за ГУЛаг!» едва ли кого могли поднять в атаку.

Надо отметить, что уж если Сталин был вынужден спекулировать на идее преемства с исторической Россией, то и сам наш народ, попавший в тяжелейшее испытание, также не мог не реагировать на вызов истории. В результате в ходе Второй Мировой войны, в рамках Отечественной войны вспыхнула еще и война гражданская. Большинство россиян воевало за Россию, пусть и советскую, пусть пока и со Сталиным.

Но сотни тысяч других — такого в истории Отечества никогда прежде не было — в ходе войны встали в ряды врага, чтобы воевать за свою Россию, свободную от советчины и сталищины. Добавлю, что в той или иной мере этот процесс затронул не только русских, но практически все народы СССР. Формально вместе с Рейхом, но фактически за освобождение от комидеологии воевали народы Балтии, Украины, Кавказа, формирования из Средней Азии. Появились части, которые воевали и против Рейха и против Красной Армии...

Уточню, что все это, конечно, не отменяет проявлений самого банального и примитивного предательства, которое тоже имело место, но которое не имеет прямого отношения к рассматриваемой теме.

Комидеология как силовое воздействие на несогласных.

Зададим следующий вопрос – почему энергично готовившаяся к боевым действиям Красная Армия отступала до Москвы и Волги? Ведь будущий главком действительно заботился об ее оснащении, к лету сорок первого года наш перевес в авиации был, по минимальным оценкам, двукратным, по танковым и моторизованным дивизиям – восьмикратным, всех отобюрозированных дивизий, включая стратегический резерв, в Красной Армии было более двухсот сорока, а у Вермахта – менее двухсот! Однако, большая часть этого арсенала была при отступлении брошена и досталась врагу.

Чтобы понять причины происходившего, надо вспомнить, как навязывалась стране новая комидеология и через что прошли красноармейцы сорок первого. С оружием в руках стояли те, по чьим семьям проехало красное колесо Октябрьского переворота, разрушения церкви, Гражданской войны, продразверстки, Большого террора, расказачивания, ГУЛага, Голодомора и раскулачивания, депортации, предвоенного уничтожения командного состава... Значительная часть этих людей не собиралась защищать режим, но вождь и к этому был готов.

В девятьсот седьмом году, при *активном участии Николая II, в Гааге была подписана конвенция, гарантировавшая права военнопленных.* За время Первой Мировой в плен оказалось более двух миллионов русских военнослужащих, девяносто пять процентов из них выжило благодаря поддержке своего правительства и Красного креста.

В Великую Отечественную только за первые недели и месяцы войны в плен попало свыше трех миллионов человек – семьдесят процентов личного состава армии, кадровые части, фактически, перестали существовать. Шестьдесят процентов советских военнопленных, брошенных и преданных своей властью, погибли от ран, голода и болезней. Даже места их захоронений неизвестны.

Сталин сознавал, сколь сильна «народная поддержка» его режима, потому ни до, ни во время войны Гаагскую конвенцию не подписал. Тот же, кто уцелел и вернулся из плена на родину, долгие годы досиживал в советских лагерях.

Но почему не желавшие защищать тоталитарный режим войны со временем повернули оружие и стали бить врага? Потому, что осознали — нацизм вообще не оставляет им никаких шансов и значит должен быть уничтожен. Однако главком, по-прежнему, не сильно доверял армии и создавал в войсках обстановку тотального страха. Сталинско-жуковский приказ № 270 от шестнадцатого августа сорок первого года требовал уничтожать соотечественников, плененных врагом, всеми возможными способами, а директива Жукова № 4976 от двадцать восьмого сентября сорок первого года обязывала расстреливать семьи попавших в плен — впрочем, на практике этот приказ не мог быть выполнен и не применялся.

Двойственное положение советских людей — стремление защитить Родину и, одновременно, отрицание тоталитарной власти привели, в частности, к тому, что большинство обитателей ГУЛага так и осталось за решеткой. Сталин не проводил мобилизации заключенных, ибо сознавал, что рассчитывать на этих людей не может.

Во время войны снабжение «зоны» продовольствием и рабочими инструментами сворачивалось, строительство останавливалось, а смертность в лагерях в эти годы увеличилась в разы. Собственно, даже в мирное время расходы на содержание сторожевой собаки в ГУЛаге превышали расходы на содержание одного узника!

Сталинскую дисциплину поддерживали военные трибуналы, по их приговорам во время войны было расстреляно почти триста тысяч военнослужащих. Всего же вместе с заградотрядами и другими карательными органами расстреляли во время войны один миллион соотечественников! Напомню, что в Первую Мировую трибуналы приговорили в Русской армии к расстрелу менее ста человек, феномен заградотрядов был неизвестен!

Еще одно отличие Красной армии, в сравнении с Русской армией четырнадцатого–семнадцатого годов – появление штрафбатов. Историки иногда находят упоминания о штрафных соединениях времен Первой Мировой. Явление это было крайне редкое, задействовали их только в тылу, применяя на хозяйственных работах. В Великую Отечественную в штрафники попало более четырехсот тысяч офицеров, потери этих формирований в три–шесть раз превосходили потери обычных стрелковых рот. Управлять по–другому генералиссимус не умел и не мог.

Мрачная страница военной истории – «эффективный менеджмент» без обратной связи, обрекавший армию на гибель в котлах. В своих мемуарах Никита Хрущев рассказывает, как он звонил в ставку из-под Киева и умолял отдать приказ об организованном отступлении. Хрущев прекрасно понимал, что удержать столицу Украины невозможно. Но Сталин даже не брал трубку, разговор шел через секретаря. Приказ на отход не последовал. В результате к концу сентября сорок первого года в Киевский котел попало более чем шестисоттысячное войско.

В Первую Мировую Русская армия, кроме двух случаев, избегала окружений, император лично возглавил Генштаб и находился в войсках.

В Великую Отечественную в котлы попало примерно два миллиона бойцов и командиров. Известен единственный случай, когда Главком собрался выехать из Москвы на передовую, но по дороге у него возникла «медвежья болезнь» и Сталин решил, не испытывая судьбу, вернуться в Кремль.

Отдельная составляющая комидеологического террора – воздействие не на граждан, а на целые народы, противодействовавшие или подозреваемые в готовности к противодействию советчине. В первой половине сороковых годов массовые депортации проводились в отношении поляков из занятой Красной армией восточной Польши, депортировали часть коренного населения присоединенной Прибалтики, Бессарабии, Северной Буковины.

Депортациям подверглись советские немцы и финны, население Крыма и Северного Кавказа, чеченцы, ингуши, калмыки, карачаевцы, балкарцы и ряд других этнических и социальных слоев и групп.

Напомню, что даже в Третьем Рейхе русских никто не депортировал. В досоветской России, война с германцами также не сопровождалась переселениями. Между тем, Сталин организовывал насильственные депортации и во время, и после войны, когда миллионы русских людей бежавших от коммунизма на Запад, силой и обманом отправляли назад в СССР и сажали в ГУЛаг.

Наряду с разрывом истории и силовым воздействием, третья особенность комидеологии — фильтрование и цензурирование информации для поддержания коммунистического мифа. Надо признать, что в условиях войны формирование веры в победу было, конечно, жизненно необходимо. И комидеология стремилась эту функцию выполнить.

Но даже здесь, на сказанном нельзя ставить точку. Сегодня мы знаем, что не все совершавшие подвиги «имели право» их совершать, ибо не у каждого реального героя была достаточно «чистая биография».

Мы знаем, что не все названные героями действительно таковыми были. Мы сознаем, что освобождения и взятия крупных городов желательнее было производить не тогда, когда армия к этому была готова, но тогда, когда страна отмечала идеологические праздники, наиболее подходящими были дни: двадцать третье февраля, первое мая, седьмое ноября.

Мы понимаем, что флаг над Рейхстагом, при любом реальном повороте событий, должны были водружать двое и понятно какие народы они обязаны были представлять.

Добавлю, что во Второй Мировой войне СССР оказалась единственной страной, осуществлявшей перлюстрацию в с е й почтовой корреспонденции. Это лишней раз демонстрирует «высокий уровень доверия» власти к своим гражданам.

Какая идеология нам нужна

Не представляет интерес дискуссия с теми, кто уверяет, что «история ничему не учит». Такой вывод, регулярно навязываемый некоторыми отечественными средствами массовой информации – это подход, отрицающий силу знания, он преднамеренно погружает общество в безысходность.

Некоторые публицисты пропагандируют миф о том, что «история не знает сослагательного наклонения». Такая догма является отголоском цензурно–позитивистского искажения действительности. Она предельно обедняет человеческую мысль.

На самом деле всякий социальный процесс многовариантен, он содержит в себе разные возможности. Философия истории тем и интересна, что может анализировать не только существующее, но и то, что в силу различных обстоятельств могло произойти, но не произошло. Иначе говоря, выводов и уроков из истории можно извлечь значительно больше, если анализировать как действительное, так и возможное.

В этой связи интересно и актуально обсуждение вопроса – могла ли наша страна избежать войны? В самом общем плане ответ на него состоит в следующем. **В конечном счете, война стала результатом катастрофического разрыва Российской истории.**

Если анализировать проблему с более близкой временной дистанции, надо заметить, что в тридцать девятом году Сталин, конечно, мог возродить Антанту и подписать, как предлагали англичане и французы, договор о военном союзе. Тогда Гитлер не рискнул бы действовать так, как он поступал после сентября этого года. Но союз с тираном, а не с западными демократиями, был для Сталина вполне предсказуем. Он мечтал о мировой революции и мировом господстве, союз с Берлином давал ему такой шанс.

Принципиальный и трагический поворот, а точнее – катастрофа, произошел двадцатью годами раньше. Большевицкий захват власти и последовавший за ним разрыв с

Русской идеей, российской системой норм и ценностей обусловил трагический характер всего советского маршрута. Большевики не просто лишили Россию победы в Первой Мировой, но и предрешили ее невиданные потери и жертвы во Второй Мировой войне. Итог этого пути подвел Александр Солженицын – «Двадцатый век Россия проиграла».

Была ли победа СССР в Отечественной войне поражением комидеологии?

Такой вопрос может показаться, на первый взгляд, странным и даже нелепым. Как не поворачивай, а враг давно повержен, знамя над Рейхстагом водружено, наша Родина свободна... А если капнуть чуть глубже...

Да, я сам родился после войны и уже заработал пенсию. А ветераны, совершившие подвиг до моего появления на свет пока еще ждут квартиру?! Их пенсия в десять раз меньше той, которую получают ветераны-побежденные (приблизительно три тысячи евро).

Страна, одолевшая фашизм, через сорок пять лет после победы распалась и больше не существует, а побежденное и разделенное государство объединилось, возродилось и всячески поддерживает отставшего на десятилетия победителя.

А если капнуть еще поглубже. **Нынешний правящий класс отмечал юбилей победы без ее анализа, отказываясь обсуждать вопрос об ее идеологии и цене.** Подобный подход ошибочен, бесплоден и противоречит интересам страны. Навязывание закрытости подтверждает ущербность и несостоятельность официальной концепции Великой Отечественной, а стремление обелить, освободить главкома от настоящей критики, игра в билборды выявила глубинную связь нынешней власти со Сталиным. Впрочем, власти это и не скрывают. Точнее – то скрывают, то не скрывают.

Итак, цена победы. Можно утверждать, что опора на комидеологию едва не погубила страну. Двадцать семь миллионов погибших – по официальным данным, – это больше чем

суммарные потери во всех войнах, которые Россия вела за всю свою досоветскую историю. А в ней было немало действительно исторических побед – Александра Невского над крестоносцами, Дмитрия Донского – над Мамаем, народного ополчения Минина и Пожарского над поляками, Петра Первого – над шведами, Кутузова и Александра Первого над французами – плюс потери во Второй Мировой всех наших союзников (не считая Китай, здесь нет статистики) и всех наших противников.

Напомню, что в Первой Мировой общие потери России оцениваются в два с половиной миллиона человек, прямые боевые потери составили тогда семьсот тысяч человек.

Война выявила реальный смысл и глубинную цель комидеологии – никакие народные жертвы не могут считаться избыточными, когда речь идет о спасении номенклатуры и выживании существующего режима. С ростом опасности утраты номенклатурой власти, усиливается и политический каннибализм в отношении собственного народа. На цензурированном–вывернутом языке комидеологии, эту мысль высказал Сталин, когда предупредил – по мере приближения к коммунизму классовая борьба будет обостряться.

Надо признать, что в жилах нынешней власти течет все та же номенклатурная кровь. Главной ценностью для нее остается сама власть. Поэтому в условиях мирового экономического кризиса количество миллиардеров среди бизнесменов за год удваивается, причем неизвестно, сколько олигархов среди самих власть предержащих.

Такое происходит в стране, где в бомжи превращено четыре с половиной миллиона недавно вполне успешных граждан: каждый десятый бомж – с высшим образованием. Это ли не продолжение «славных боевых номенклатурных традиций», когда в блокадный Питер самолетом товарищу Жданову возили персики, а миллион обычных горожан умер от голода. Вывод из сказанного очевиден – **комидеология для России и для любого другого государства и в чистом и в модернизированном виде абсолютно неприемлема.**

Между тем, правда о самом варварском способе достижения цели — это еще не вся правда, ибо даже неограниченное насилие над соотечественниками не могло обеспечить победу. Малоизвестное высказывание Сталина, приводимое Хрущевым в книге «Воспоминания» ставит последние точки над і: «...хочу сказать о словах Сталина, которые он несколько раз повторял, когда мы вели между собой “вольные беседы”. Он прямо говорил, что если бы США нам не помогли, то мы бы эту войну не выиграли: один на один с гитлеровской Германией мы не выдержали бы ее натиска и проиграли войну». Парадокс заключается в том, что **советский режим, построенный на антизападной идеологии, был спасен ненавистным ему Западом. Безмерная гибкость и всеядность советского коммунизма привела к тому, что погибающую систему спасли западные демократии, что позволило затем спасенному говорить о своей победе и превосходстве над «миром капитала»!**

Чего только в истории не случается!

Как России восстановить свою идентичность

Какие еще заключения из сказанного можно вывести в сегодняшний день? Для того, чтобы отвечать за свою страну и свою судьбу, надо разбираться в ее истории. И это не абстрактный общий призыв наподобие советских лозунгов «защитим мир».

Вспоминаю, как в конце семидесятых работал в Варшаве, заканчивал свою первую диссертацию. Тогда я был немало удивлен — мой каждый второй собеседник охотно включался в разговор об истории Польши и Европы и имел свою собственную позицию, свою точку зрения по большинству вопросов... Нам нельзя лениться, нам необходимо основательно разобраться в своем прошлом, более того, нам нужен общенациональный консенсус в его понимании.

Вернемся к сюжету о русской идее. Я стремился рассмотреть историю Второй Мировой через очки российской

идентичности. И пришел к выводу – опора на комидеологию подорвала страну. ***С конца XIX века Россия отказывалась от стратегии количественного роста и переходила к философии обустройства.*** Но большевики вернули нас назад и продолжили то, что противоречило исторической логике. Провозгласив лозунг мировой революции, они использовали победу во Второй Мировой для расширения своего влияния.

Однако спустя сорок пять лет после окончания войны распалось и исчезло созданное невероятной ценой и усилиями мировое коммунистическое движение, мировой социалистический лагерь, распался и сам Советский Союз. Сегодня еще сохраняется шанс осознать то, что было понято в начале века – ***наша стратегия – качественный рост и обустройство.***

Двадцать лет после краха СССР наша власть не определяет идентичность государства. Подходя формально, выделим три такие возможности.

Новая Россия может быть – новым, «уменьшенным и улучшенным» изданием СССР; если совсем коротко, такой подход описывает пословица – «все кузни исходил, не кован воротился».

Второй вариант – полное отречение от своей истории – советской, и досоветской – и копирование Запада; но по какому праву новые большевики – «западники» призывают отбросить собственное тысячелетнее наследие?

Третий вариант – преодоление разрыва, в той мере, в какой это еще возможно, с исторической Россией, реформирование и вписывание ее ценностей и принципов в современность, возвращение из постсоветскости в российскость, движение вперед на российской основе.

Преемство с Россией должно происходить с учетом того, что произошло за семь советских десятилетий в нашей стране и за рубежом. «Если мы хотим вернуться, время вернуться домой!». В самой краткой форме реформированная русская идея – это историзм, духовность, обустройство и демократия.

В действительности нынешняя власть «стоит на месте» четвертым способом, сочетая и перемешивая несоединимое. У нас одновременно реализуется шесть взаимоисключающих стратегий. *Нынешняя Россия советская и антисоветская, российская и антироссийская, западная и антизападная.* Такой винегрет–маршрут разрушает всякие правила, лишает нашу цивилизацию лица и идентичности, оставляет страну без места в мировой истории. Этот маршрут неприемлем!

Мы должны победить нашу внутреннюю анти–Россию!

10.05.10

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Ирина Суглобова

«В бездне всех переставленных вех...»

Свеча

*Когда в этой розовой церкви,
Купив за полтинник свечу,
Спросила – кто встретился первым:
– Что б был мне мой труд по плечу –
Кому надо свечку поставить?
– Над чем подвязалась корпеть...?
Ах, Слово...? Злословить иль славить?
Ах, голос? Что б плакать иль петь?*

*Я медлила долго с ответом
И старец молчал в тишине:
– Ты, девочка, будешь поэтом –
Сказал на прощанье он мне...*

*А ты первый вечер в столице
И всё тебе лишь предстоит:
Подъезды, пролёты, больницы...
Удары, овацци, стыд...
Подол подтыкать, коль рожаеть...
Лезть в бой, засучив рукава...
А ты ещё словно не знаешь –
Почем тебе станут слова.
Оставив свое вышиванье
И ниток цветных узелки...
Куда ты рванулась – тут зданья
Крупней подростковой тоски...*

*И вот – двадцать лет миновало.
И ты – по пути тут, причём,
Идёшь за своим экземпляром
Взять Русской поэзии том...*

*И вдруг всё припомнилось мигом,
Весь тот первый вечер в Москве,
Когда эта толстая книга
Мелькнула в твоей голове.*

*Клубочек петлял по дорогам,
Крестами над гладью строча...
Знать теплилась долго пред Богом
Грошова эта свеча.*

* * *

*Агасфер, озябший на пороге,
В вылинявшем пледе на плечах
Всё стоит, всё думает о Боге,
Всё мусолит в сердце детский страх.*

*А века уже отмельтешили.
А тысячелетья проползли...
Агасфер почти ослеп от пыли,
Господи, приди или пошли*

*Ангела к нему с благою вестью,
Что и он отпущен и прощён,
Боже мой, оставь всех живших вместе –
Старцев, чад, и отроков, и жён.*

*Не дели нас на две половины,
Подели любого пополам –
В каждом будут помыслы невинны,
В каждом несодеянного срам.*

*В каждом – срам содеянного комом,
В каждом – упование на Тебя,
Даже в этом, столь Тебе знакомом,
Что в исподнем, мокром от дождя,*

*Ждёт тебя, дрожа под старым пледом,
И не выйдет срок ему, пока
Каждый не возлюблен и не предан,
Не воскрес, погибший на века.*

*И пока в дожде, по бездорожью,
День и ночь... и так за годом год
Софья, а она же – мудрость Божья,
Сонечкой всю землю не пройдёт.*

*С красным птичьим перышком на шляпке,
С зонтиком нелепым, налегке
И в одной-единственной перчатке,
И надетой не на той руке.*

*И пока мотаться ей по свету,
Землю так и сая исколесив,
Будут тискать пьяные поэты,
В шумных стойлах, имя не спросив,*

*Бить купцы, смеяться вслед пижоны,
Дети плакать, тычьась ей в подол,
В душных храмах праведные жёны
Оправлять платки и думать: «Вон...».*

*Время вышло. Жизнь, растратив снова,
Доплетёшься к ночи до плетня,
Робким жестом, подбирая слово,
Спросишь водки, или же огня.*

*Агасфер, охрипший от простуды,
Скажет, не спуская с неба глаз:
«Слышишь, девка, шла бы ты отсюда!
Я ведь, девка, Гостя жду сейчас...»*

* * *

*Как последний кабаk у заставы,
В бездне всех переставленных веx,
Самой солью испитой отравы
Вдруг откроется собственный грех.*

*И подавленно сердце немеет,
Неподъемлем пристыженный взгляд,
Кто простить себе всё не сумеет,
Тех когда-нибудь свыше простят.*

*Только мы – себе всё извинили,
Всё себе отпустили почти,
Оттого в этом стойбище пыли,
Больше нет никакого пути.*

Улыбка разлуки

*А на прощанье он кинул в мою котомку,
Милый хитрец – тайком – только потом нашла...
Этот упругий шмат, пахнувший mleком тонко...
Нежный тугой кусочек льстящегося тепла.
В ужас впадаю я: – с ним то теперь что будет?
В меланхоличный кайф – как он со мною мил...
В древний вопрос – зачем? –*

и как расстанутся люди?

*И в ненасытный спор,... в потусторонний мир
На рубеже веков... тысячелетий срывов,
Там, где страну, как харч грубо кромсает спесь...
Кабы не знала я – что называют сыром,
Думала бы – поди, что это любовь и есть.*

О любви

*По вагонам бредут чьи-то дети,
И поют о неверной любви .
И мелодии нервные эти
Тянут так ,как запомнить могли.*

*Бабы, вспомнив мотивчик знакомый,
Изучают нутро кошелька.
Стиснув тех, кого петь по вагонам
Отпустить не решились пока.*

*А на лавках ничейные папы
Развалившись, читают «Плэйбой».
И цепляются хвойные лапы
За любого, кто б снёс их домой –*

*За калек на колясках и тачках,
За собачек, ведущих слепцов,
За авоську с нелепой подачкой,
За ораву орущих юнцов...*

*И Сочельник высвечивал лица
И ударником тренькал в крови.
По бестрепетным хлябям столицы
Наши дети поют ... о любви.*

В третьем лице

*И будем мы в третьем лице друг для друга,
Ведь вырваться трудно из прочного круга
Привычек, условностей, комплексов, тем...
И это не нужно почти... ни зачем.*

*Под нашим – «на ты» – общепринятой маской
Есть он и она без гримас, но с опаской,
Поскольку игра против правил давно,
То лучше подальше, чтоб так как в кино.*

*За чаем, за водкой..., в пылу разговора –
Мы тем защищенной от зла и позора
Чем мы отстранённой, засим не заметим,
Как каждый друг другу становимся – третьим.*

*На первый – второй рассчитаться велят,
Но эта конфета для малых ребят ...
Быть каждому нужно в лице своём первом
Иль силы несдюжат, не выдержат нервы ...*

*Любой в одиночке вселенской тюрьмы
И днём ждёт и ночью того с кем «на мы»
Останется он при последнем дознанье.
Потерянный мир... – это зал ожидания.*

* * *

Вся Россия наш сад.

И нас рубят под корень.

Нас не будет уже никогда на земле.

Оттого из нас каждый сегодня спокоен

В невечерней и не рассветающей мгле.

Мы пьём чай... и вишневою косточкой целясь

В остряка, за невинный вполне каламбур.

Мы давно тут сидели – старели без цели,

Нам не жалко своих износившихся шкур.

Как шары нас забьют в обветшалые лузы,

И автобус идёт по пятам – ритуал...

Сколько милей под килем, открыты ли шлюзы –

Знать никто не хотел, потому и не знал.

И одна лишь печаль – не забыли бы шубу.

Кто забыл тебя тут и теперь навсегда.

Ты потом флегматично помоешь посуду...

А потом надо занавес....

занавес?

– Да.

Борис Хазанов

Жабры и лёгкие языка

Между Чистыми прудами и Садовым кольцом, в переулке, хранящем запах старой Москвы, какой она была в начале нашего невероятно длинного века, стоит диковинное полу-восточное сооружение, в котором гений архитектора спорит с безвкусицей взбалмошного заказчика; до времен нашего детства дожила легенда о том, что потомок татарских мурз проиграл свой дворец в карты. Должно быть, это было уже после того, как князь убил святого старца Распутина. Вскоре начались известные события, новый владелец палат бежал вслед за старым. Дворец остался.

Несколько старых кленов простерли свои ветки над переулком, и каждый год расточительная осень устилает желтыми клеенчатыми листьями тротуар и лужайку за чугунной оградой.

Мир ребенка не тесней, а просторнее мира взрослых; вопреки известной теории, мы живем в сужающейся Вселенной; в день паломничества к местам детства, в одно ужасное утро, находишь сморщенный и замшелый город, лабиринт тесных улочек там, где некогда жилось так привольно. Жалкий дворик за чугунным узором ограды назывался в те времена Юсуповским садом. Там бродили, шурша листьями, ковырялись в земле и прыгали на одной ножке вверх по широкой каменной лестнице, и когда возвращались парами, держась за руки, шествие возглавляла высокая белокурая дама по имени Эрна

Эдуардовна, обладавшая отличным слухом. Время от времени она оглядывалась, и тот, кто все еще болтал с соседом по-русски, знал, что его ждут неприятности.

В большой комнате у Эрны Эдуардовны, за круглым столом пили чай из больших чашек и роняли на скатерть куски бутерброда, рисовали цветными карандашами что кому вздумается и по очереди излагали содержание рисунка на языке, который странным образом не давался только одному мальчику, – это был сын Эрны Эдуардовны.

Года через два настало время идти в школу, и гулянья в саду прекратились; немецкий язык быстро испарился, осталась память о легком дыхании незвонкой гортанной речи; этот язык не был казнью, в отличие от игры на скрипке, мучеником которой я был пять лет, но и со скрипкой было покончено, когда призрак туберкулеза посеял панику в сердцах моих родителей, побудив их сослать меня в лесную школу. Между тем на западе клубились тучи, близость большой войны не была тайной, и все же война разразилась в день, когда ее никто не ждал. На улицах гремела музыка.

В первые недели, может быть, в первые дни Эрна Эдуардовна исчезла, пропал без вести Эрик, самый стойкий патриот русского языка среди всех детей группы, ибо он так и не научился немецкому. То, что он был сыном не только тевтонской матери, но и еврейского отца, к тому времени умершего все от того же туберкулеза, не спасло Эрика от пожизненного изгнания; много позже из темных слухов узнали, что оба были сосланы в Казахстан.

Дела шли все хуже, мой отец, записавшийся добровольцем в народное ополчение, отправился на фронт, где это скороспелое войско вместе с регулярной армией угодило в огромный котел между Вязьмой и Смоленском. Немало времени протекло, прежде чем мы получили известие от отца: он был одним из немногих, кому удалось выйти из окружения. Никто не знал о том, что красноармейцы миллионами сдаются в плен, и можно было только догадываться, что немцы уже совсем близко.

Мне было четырнадцать лет, и мы жили за тысячу километров от нашего дома, переулка и Юсуповского дворца, когда под влиянием внезапной идеи, не имевшей ничего общего с войной, – при том, что фронт придвинулся к Сталинграду, – я надумал учить заново этот язык, написал письмо в Москву на заочные курсы и получил первое задание. Я ходил в сельскую школу, где тоже учили немецкий, не хуже и лучше, чем во всех школах, и довольно быстро обогнал своих одноклассников; учитель, литовский еврей, в молодости бывавший в Европе, приглашал меня к себе домой и говорил со мной на священном языке Клопштока и Гёте.

Ко времени, когда мы вернулись в Москву, я сносно читал по-немецки и мог бы, вероятно, более или менее прилично объясняться, если бы мне разрешили войти во двор поблизости от почтамта, где работали пленные. Парень постарше меня, вернувшийся с фронта и работавший, как и я, сортировщиком на почтамте, называл меня Генрихом по причине, которую я не могу припомнить.

Наступило изумительное время, война кончилась. Никто никогда не поймет, что значили эти слова. В булочных продавцы наклеивали на газетный лист крошечные квадратики хлебных карточек, а букинистические магазины ломались от награбленных книг. Я выпросил у приятеля почитать «Фауста», пожухлый томик, изданный в Штутгарте в начале века, и с тех пор никогда его не возвращал. С ним я шатался по городу и, засыпая, запихивал его под подушку.

В единственной на всю столицу маленькой библиотеке иностранной литературы, которую посещали интеллигентные старушки, читательницы французских романов, я взял «Книгу песен» Гейне и вернулся с ней через девять месяцев. Библиотекарша показала пальцем на соседнюю комнату, где мне надлежало уплатить астрономический штраф. Я вышел в другую дверь и сбежал – разумеется, вместе с книгой.

Осенью я поступил в университет и блеснул перед профессором античной литературы тем, что продекламировал начало Пролога на небесах, где говорится о пифагоровой му-

зыке сфер. А ко дню рождения дядя преподнес мне двухтомный трактат Шопенгауэра «Мир как воля и представление» в синих переплетах с серебряным тиснением.

Я забыл язык, ибо это была уже не та немецкая речь, на которой мы беспечно болтали за столом у Эрны Эдуардовны и от которой осталось лишь легкое дуновение. Это был не тот язык, что рождается заново с каждым ребенком, когда он начинает лепетать, язык, в котором звук и образ, мысль и движения губ невозможно разъединить, потому что они представляют собой изначальное целое и кажется странным, что вещи могут называться иначе и желание может выразить себя посредством других фонем.

Язык живет нераздельно во всех своих проявлениях, как тело со своими конечностями, язык пронизывает наше существо до той неуловимой границы, где действительность превращается в сон, дневной мир соприкасается с ночным; язык просачивается в бессознательное, и более того, мы вправе сказать, что язык переформирует нашу психику, ибо он существует до своих собственных проявлений, до членораздельной речи, до артикуляции, до мыслеизъявления и рефлексии. Язык – это ровесник души. Или, если угодно, – ее царственный супруг.

И вот в этот брачный союз, не терпящий посторонних, вторгается соблазнитель, и на ваших глазах, на глазах испуганной и замороженной души происходит что-то вроде дуэли на шпагах, совершается адюльтер. Кажется, что немецкий язык наделен качеством агрессии и совращения: мужиковатый Дон-Жуан в окружении славянок, достаточно неотесанный, чтобы предварительно получить отпор на западе от Марианны, но тем более удачливый, когда он имеет дело с душой русского языка.

Мужская природа немецкого языка проявляет себя в жесткости его конструкций, в строгом порядке слов, этом наказании для новичка, в архитектурной грамматике, которая обходится сравнительно небольшим числом исключений и примиряет иностранца с его горькой участью. Мужская

напористость этого языка сконцентрирована в его энергоносителях – бесконечно богатых и многообразных частицах, которыми обрастает глагол, но которые могут вести самостоятельное существование, ползть по фразе, сцепляться, разъединяться, становиться наречиями, могут звучать как приказы и заменять целые предложения. Ни в одном известном мне языке нет подобного арсенала частиц, с поразительной точностью выражающих направление движения, частиц, как бы оснащающих фразу острием и язык – крыльями. Но этот язык, умеющий быть грозно-лаконичным, язык коротких команд и сгустков энергии, машет своими крыльями, ползая по земле; воистину непостижим подвиг германских поэтов, сумевших поднять в воздух эту махину.

Мужская тяжеловесность немецкого языка проявляет себя в громоздких глагольных формах, в торжественном поезде инфинитивов, следующих, как за локомотивом, после модального глагола или глагола в сослагательном наклонении; мужское тяжелодумие языка выражается в хитроумном словообразовании, бесконечно расширяющем лексику, в пристрастии к длинным, как макароны, словам, над которыми посмеивался Марк Твен; это тяжелодумие сказывается и в неколебимой серьезности его юмора, и в той особой, неподражаемой обстоятельности, которая делает этот язык почти не способным к эллиптическому построению фразы.

Перевод русской речи на немецкий язык напоминает танец легконогой красавицы с неуклюжим полковником, который топчет сапогами и трясет большой головой, в то время как она порхает вокруг него. Пересказанный по-немецки, русский текст удлиняется на одну пятую, на одну четверть. Мужская дисциплина немецкого языка, столь непохожая на капризную текучую женственность русского, требует грубой словесной материи, тяжеловесных языковых масс, чтобы ворочать ими и умирять их.

И, наконец, мужской дар абстракции, средневековый реализм, вошедший в плоть языка и растворенный в его лимфе, почти безграничная способность к субстантивации всех язы-

ковых элементов, все еще не законченное, все еще продолжающееся сотворение новых и новых отвлеченных понятий, в котором немецкий язык приглашает участвовать и вас, – так же хорошо известны, как и злоупотребление этими дарами; нет нужды распространяться о них.

Но до тех пор, пока вас не окунули с головой в эту вязкую стихию, пока чужой язык не залил ваши легкие, до тех пор, пока он не посягает на ваш ум, вашу душу, ваш пол, ваши сны, ваши обмолвки, – отношение к нему сохраняет музейную благоговейность: так созерцают природный заповедник, который не может грозить стихийным бедствием. Так язык остается заповедным, покуда это язык кристаллизованной культуры. По крайней мере таково ощущение человека, знавшего за свою жизнь считанное число живых носителей языка: тот, кто вырос в наглухо законопаченной стране, только и мог общаться с миром священных надгробий. Настал день, когда я вылез из самолета, увидел немецкие надписи над входом в аэровокзал – и это было все равно как если бы они были начертаны на древней умершей латыни. Как если бы мы очутились в Риме Вергилия! Конвейер подтащил к нам три полуразрушенных чемодана, постыдное имущество беглецов, кругом кучки людей переговаривались, не обращая на нас никакого внимания.

Это была *aurea latinitas*, золотая латынь! Или хотя бы серебряная. Это был немецкий язык, иератическая речь, невозможная в быту, недопустимая для профанного употребления, и, однако, она звучала здесь как нечто принадлежащее всем, не имеющее ценности, словно воздух; немецкая речь, которую живая небрежность произношения, беззаботная фонетика, народный акцент делали почти неузнаваемой.

Итак, планеты выстроились в два ряда, и начало жизни повторилось полвека спустя. В два ряда, взявшись за руки, полагалось шагать за Эрной Эдуардовной, но один мальчик сгинул в Средней Азии, а для другого легкая речь детства стала языком изгнания.

Будем откровенны, это надменный язык; и он не признает никаких заслуг. Ветхий старец, учивший меня другой

премудрости, – мы сидели в его каморке под самой крышей старого дома на Преображенке, на мне был бархатный берет, опустошенный молью, и учитель говорил, что запрет читать Пятикнижие с непокрытой головой есть всего лишь модернистское нововведение, ему не более тысячи лет, – старик этот рассказывал о неслыханном оскорблении, нанесенном его брату.

Тринадцать поколений их рода подарили своему народу тридцать ученых знатоков Талмуда и священного языка. На девятом десятке жизни рабби прибыл в Иерусалим, вышел на улицу и задал вопрос босому мальчишке, на что тот презрительно ответствовал: «Сава (дедушка), ты плохо говоришь на иврите!» Итак, приготовьтесь заранее к унижениям, которым подвергнется в этой стране ваша ученость.

Эмиграция начинается, когда мираж небесного Иерусалима исчезает в сутолоке Иерусалима земного, когда сопляк поправляет ваши глагольные формы, когда филология поднимает руки перед жизнью.

Эмиграция – это жизнь в стихии другого языка, который обступает тебя со всех сторон, грозит штрафом за незаконный проезд, зовет к телефону, талдычит в светящемся экране, языка, который высовывает язык и смеется над тобой в маске неудобопонятного диалекта, чтобы вдруг, сорвав личину, показать, что это – он, все тот же, чужой и не совсем чужой, свой и не свой; языка, который зовет к себе, в неверные объятья, между тем как родная речь, старая и преданная жена, смотрит на тебя с укоризной и пожимает плечами.

Эмиграция, плаванье в океане, все дальше от берега, так что мало помалу покрываешься серебристой чешуей, с залитыми водой легкими, с незаметно выросшими жабрами; эмиграция, превращение в земноводное, которое в состоянии еще двигаться по земле, но уже мечтает о том, как бы скорей окунуться в воду...

Париж и все на свете

...Итак, я поселился «на Холме», à la Butte, как здесь говорят; когда вы бредете от бульвара Клиши вверх по улице Лепик, мимо мясных, овощных, рыбных лавок, выставки сыров, киоска с газетами всего мира, мимо кондитерских, кафе, китайских ресторанчиков, по узкому тротуару, где теснится народ, но никто никого не толкает, где играют, сидя на корточках, дети, где какая-нибудь девушка вам улыбнется, не думая о вас, где торчат такие же бездельники, как вы, где звучит стремительная речь, где журчит смех, – и дальше по улице дез-Аббесс, мимо кафе «Дюрер», мимо какого-то русского ресторана, мимо книжного магазина, где вам зачем-то понадобился «Le Disciple» забытого Поля Бурже и вы лавируете между стопками книг на полу, и вниз по дез-Аббесс, и снова вверх, и поворачиваете к Трем братьям, попадаете на маленькую площадь, к дому-пристанищу поэтов, художников и актеров со смешным названием Bateau-Lavoir, что можно перевести как Корабль-умывальник или Мостки для полоскания белья, – кто тут только не побывал! – Пикассо писал здесь «Авиньонских барышень», тут ошивались Ван Донген, Хуан Гри, Модильяни и толстая муза Аполлинера Мари Лорансен, – когда вы снова каким-то образом оказываетесь на улице Лепик, которая кружила следом за вами, и опять вверх, и опять вниз, – то кажется, что вы, как землемер К. до замка графа Вествест, никогда не доберетесь до Холма в собственном смысле, хоть и видите его над домами то там, то здесь, в перспективе тесной улочки, за купами деревьев, – и вот, наконец, остановка: крутая, с многими маршами лестница.

Минут двадцать займет последнее восхождение. Или вы можете встать в очередь перед фуникулером. Или подойти вплотную по верхним улочкам Монмартра. Теперь она вся перед вами: полуроманская, полувизантийская, с белыми, круглыми, как сосцы, продолговатыми башнями-куполами церковь Святого Сердца, Sacré-Coeur. С крыши портала два

всадника, король Людовик Святой с крестом и Жанна д'Арк с поднятым мечом, взирают на весь Париж.

О Париже сказано все, как о любви сказано все, что можно сказать; и в Париж приезжаешь, как будто возвращаешься к старой любви. Даже тот, кто окажется здесь впервые, почувствует, что он уже был здесь когда-то. В других городах ощущаешь себя пришельцем, гостем, паломником, туристом; в Копенгагене, волшебном городе, чувствуешь себя туристом; во Флоренции чувствуешь себя гостем.

В Венецию приезжаешь, чтобы увидеть Пьяцетту в вечерней мгле, зыбкие воды и тусклые отблески дальних огней, и почти невидимую в темноте громаду Святой Марии Спасения по ту сторону Большого канала, проплыть, отдавая дань неизбежному ритуалу, по ночным водам в черной лакированной гондоле, вспомнить все, что было читано, слышано, увидено на экране, – и остаться гостем.

В Чикаго, с его downtown, чья красота и величие превосходят воображение европейца, с огромным, как море, озером Мичиган, с молниями автострад, уносящихся к бесконечно далекому горизонту за сплошными, во всю стену стеклами ночного затемненного кафе на девяносто шестом этаже небоскреба Хенкок, – говорят, оттуда видно четыре штата, – в Чикаго, хоть ты и бываешь там чаще, чем в Москве, остаешься чужестранцем. И, покидая Венецию, покидая Чикаго, думаешь: когда-нибудь приеду снова.

Простившись с Парижем, тотчас начинаешь скучать. Тосковать – о чем? Невозможно сказать. Да все по тому же: по мрачной башне Сен-Жермен-де-Пре на перекрестке искусств и литературы, *carrefour des lettres et des arts*, как кто-то назвал его, – недавно здесь появилась табличка «Площадь Сартра и Симоны де Бовуар», славная чета сживала в кафе Флор, в двух шагах отсюда; по вовсе не знаменитому маленькому кафе напротив старого дома на углу улиц Бюси и св. Григория Турского, где я прожил однажды шесть счастливых дней, куда заворачиваю каждый раз, каждый год.

По набережным Левого берега, по шкафам и лоткам букинистов – кто только не рылся в них, – по Мосту искусств и Новому мосту, который на самом деле самый старый, ему четыре века. В Париже мы все жили еще прежде, чем там оказались. Что это: свойство парижского воздуха или заслуга французской литературы?

Париж не меняется – по крайней мере, так утверждает молва, – и не потому ли, что этот город, как никакой другой, наделен способностью принять тебя как своего. Не зря он был назван столицей девятнадцатого века, и, в самом деле, можно лишь удивляться тому, что все в этом городе существует по сей день: и крутые крыши с мансардами, и дома без лифтов, и скрипучие лестницы, и окна до пола, наполовину забранные снаружи узорными решетками.

Дешевое барахло, вываленное из магазинов прямо под ноги проходим, розы, попрошайки, старики на скамейках – все как встарь, город давно смирился со своей ролью быть ночлежкой великих теней, огромным словарем цитат, и все так же течет Сена под мостом Мирабо, с которого некогда смотрел на воду поэт, дивясь тому, что он все еще жив, и высоко вдали непременно Монмартр с сахарной головой Святого Сердца. Я прекрасно понимаю, что и то, о чем я говорю, – повторение сказанного тысячу раз.

Ах, поздно мы проторили сюда дорожку. В Париже нужно жить в юности. В Париж нужно приехать, чтобы сделать его органом своей души, а не только частью кое-как усвоенной культуры; нужно сделать так, чтобы всегда, как память о собственной жизни, стояли перед глазами эти мосты над рекой в солнечном тумане, эти дворцы и площади одна другой краше: Старый Париж – город архитектурных ансамблей, куда ни повернешь, повсюду эти изумительно продуманные, стройные, разумные и прихотливые свидетельства градостроительного гения, которые примиряют тебя с историей, заставляют верить, что труд поколений не пропадает даром.

В стихотворении Арагона говорится, что птицы, летящие в Африку из Северной Атлантики, опускаются, как на протянутую руку, на территорию Франции. Очертания страны напоминают ладонь. Франция открыта двум морям. О двух этнических фондах, образовавших нацию, кельтском и романском, писал Андре Зигфрид еще каких-нибудь полвека назад. Сравните портрет нормандца Флобера – короткая шея, широкое мясистое лицо и вислые усы старого галла – с физиономией узколищега аскета с впалыми щеками, уроженца Бордо Франсуа Мориака, вы увидите два характерных французских типа.

Но сегодня, глядя на толпу в парижском метро, где каждый четвертый – выходец или сын выходцев из стран бывшего Французского Союза, потомок и представитель черного человечества, для которого не существовало Греции, Рима, Средневековья, Ренессанса, Нового времени, Революции, думаешь о том, что к двум фондам нужно добавить третий, африканский, что здесь происходит рождение новой цивилизации, о которой сегодня мы ничего не можем сказать, и городу предстоит разродиться ею и выдержать ее натиск.

Бродить по городу, сидеть в парках, заглядывать «в вертепы чудные музеев» – после обеда. Зато с утра, проглотив завтрак (довольно скверный в сравнении с немецкими, австрийскими или заокеанскими гостиницами), мы поднимаемся к себе в номер, мы впряемся в молочный экран. Не начать ли нам, братие, трудных повестей...

Увы, начинали не раз. Роберт Музиль жаловался, что у него в чернильнице асфальт вместо чернил, а в другом письме сравнивал себя с человеком, который пытается зашнуровать футбольный мяч размером больше, чем он сам. Нужно отдать себе внятный отчет, в чем состоит задание. О чем мы, собственно, собираемся поведать миру? Похоже, что записыванье мыслей о романе – суррогат самого романа. Графоманский зуд, порожденный страхом перед пустыней экрана.

Написать о том, как некто собрался писать грандиозный роман-панораму своего времени, вместо этого он пишет о том,

как этот роман не удастся. Ибо время ненавидит таких, как он. Написать роман о писателе-отщепенце.

Написать роман о сером, неинтересном человеке без имени, без биографии, без профессии, без семьи, о человеке, которого только так и можно назвать: некто. О субъекте, чья бесцветность оправдана лишь тем, что ему выпало стать свидетелем эпохи, враждебной всякому своеобразиею, и когда, наконец, он взялся за дело, уселся за компьютер, – он остается тем же, кем был: песчинкой в песочных часах.

Нет, мы не призваны на пир всеблагих, мы не зрители высоких зрелищ, куда там, – мутный вихрь увлек нас за собой, скажем спасибо родине, что удалось унести ноги, возблагодарим судьбу и злодейское государство за то, что мы вообще остались живы.

Говорят, роман умер. Умер как жанр, опустился на дно, как Атлантида литературы. Это утешает. Значит, дело не только в неудачливом сочинителе. Это даже не новость: покойник умирал не раз. Осип Манделштам толковал о крушении человеческих биографий в эпоху великих социальных потрясений, что означало, по его мнению, крах европейского романа – «законченного в себе повествования о судьбе одного лица».

Натали Саррот (спустя тридцать лет) объясняла, что персонажи классической прозы, пресловутые характеры, – это фикции: реальная человеческая личность неуловима, непредсказуема; судьба вымышленных героев, сюжет, интрига – все это износилось до дыр; роман, каким мы его знали со времен поздней античности, изжил себя. «Вот почему, когда писатель задумывает рассказать какую-нибудь историю и представляет себе, с какой издевкой взглянет на это читатель, – им овладевают сомнения, рука не поднимается, – нет, он решительно не в силах».

De te fabula narratur – сказано о нас с тобой, приятель.

И, однако, погребение не состоялось, и с тех пор панихиду по роману справляли еще много раз.

Роман умирает всякий раз после того, как появляется реформатор романа. Роман возрождается, как Феникс, в новом оперении, чтобы умереть в очередной раз. Мандельштам объявил роман «Жан-Кристоф» последним произведением этого жанра; но Ромен Роллан не был новатором. Зато после Пруста в самом деле стало казаться, что писать романы больше невозможно.

Андре Жид в «Фальшивомонетчиках» вновь поставил дальнейшее существование романа под сомнение. Вирджиния Вульф («Миссис Деллоуэй») еще раз заставила серьезно задуматься о жизнеспособности романного сочинительства. Автор «Улисса» подвел под романом окончательную черту. Кафка сызнова закрыл роман. Музиль, оставшись в лабиринте один на один со своим романом-Минотавром, пал в единоборстве, но успел нанести роману смертельный удар.

Эпоха ставит писателя перед вызовом, а писатель бросает вызов «эпохе». Я подумал, что заметки «по поводу», может быть, столкнут с места мою работу. Писать о том, что проза не вытанцовывается, роман не дается? Но ведь это означает, что где-то в неведомых даях его персонажи все-таки живы и машут руками – то ли прощаются, то ли зовут к себе.

Отсюда, между прочим, вытекает, что роман в лучшем случае может состоять лишь из фрагментов. Последовательное повествование – достояние других времен, когда герой романа был субъектом исторического процесса. Сейчас он только объект истории.

Век миновал, «наш» век, – не хотели бы мы принадлежать этому гнусному веку! Но что было, то было, и мнится, время подбить итог. Найти общий знаменатель, соединить диагоналями события, как соединяют линиями звезды на карте неба, чтобы получилось созвездие. Доступно ли это нам, все еще живым свидетелям, недобитым жертвам?

Скажут, что получается круг, называемый *petitio principii*: задавшись вопросом о характере эпохи, мы тем самым уже исходим из представления о целостной эпохе. Между тем еще

предстоит собрать ее по кусочкам, как скелет ископаемого ящера, и Бог знает, получится ли что-нибудь путное из разрозненных обломков.

Самые разные события происходят в одно время, под общим знаком, но лишь годы спустя осеняет мысль о тайной переключке, о взаимозависимости; эта зависимость кажется объективным фактом. На самом деле она представляет собой умозрительный конструктор. Именно так пишется летопись времени. Так скрепляются проволокой фрагменты черепных костей, кусочки ребер и позвонки. Динозавр стоит на шатких фалангах исполинских конечностей. Кто поверит, что он выглядел таким на самом деле?

Гипертрофия памяти – старческий недуг наподобие аденомы предстательной железы. Молодость побеждает агрессию памяти, молодость, собственно, и есть победа над памятью, забвение – механизм защиты; мы молоды, покуда способны забывать.

Но незаметно, неотвратимо наши окна покрываются копотью памяти. Отложения памяти, как известно, накапливаются в мозгу. Склеротическая памятьливость, словно горб, не дает распрямиться. Старение: потеря способности забывать. Вот что это такое. Бессонница воспоминаний. Многочасовое сидение без сна, под мурлыканье космической музыки, перед домашним экраном, на котором проплывают очертания материков. Но на самом деле перед глазами проплывают годы. Мы умираем, раздавленные этим бременем.

В каждом сюжете скрывается неисчислимое множество вариантов, и каждая страница, как и всякий день жизни, – перекресток многих дорог. Куда направиться? Почему отдано предпочтение этому варианту, а не другому? Невозможно отделаться от мысли, что самыми важными поворотами жизни мы обязаны случаю, но не то же ли совершается в истории? Рим постигла бы иная судьба, будь у царицы Клеопатры нос на полдюйма длиннее, сказал один мудрец. Что мешало военному губернатору Иудеи вздернуть на позорный столб уголовного преступника Варавву, а Иисуса помиловать? Последующие века выглядели бы по-иному.

Стрелочник перевел стрелку, и поезд послушно свернул на другой путь, и вот уже другой пейзаж бежит за окошком, другие станции, другие земли. Тот, кто, подобно историку, смотрит назад, видит множество рельсовых путей, все они сходятся к одному единственному пути; но для того, кто смотрит вперед, веер дорог не сужается, а раздвигается. Лишь одна из многих возможностей будет реализована.

Однако и прошлое когда-то было будущим. Всякая история есть всего лишь осуществившийся вариант. Вероятность случиться тому, что не случилось, была подчас ничуть не меньше того, что случилось.

Так в старости женщина с сожалением вспоминает о претендентах на ее руку, которым она отказала. Вместо этого вышла за какого-то сморчка. Так шахматист раздумывает над проигранной партией, вновь расставляет фигуры и переигрывает игру.

«Жизнь без начала и конца. Нас всех подстерегает случай...»

Гигантская тень Льва Толстого нависла над русской литературой. Соблазн соединить историю и эпоху с участием отдельного человека так велик, что побуждает сочинять народные эпопеи до сих пор.

Замысел кажется великолепным, вдохновляющим, окрыляющим, а как дошло дело до исполнения... Медуза переливалась красками радуги, пока плыла в воде, стоит ее выловить – комок бесцветной слизи. Произведение, сказал Беньямин, – это посмертная маска замысла.

Странно, что никто по-видимому не задумался всерьез, отчего самый знаменитый писатель наших дней потерпел фиаско со своей эпопеей. Замысел был пограндиозней «Войны и мира». Было очевидно, что идеолог пожрал художника; что писателя погребла под собой лавина документального материала; что приемы письма и гротескный слог сами по себе сделали эту прозу нечитабельной; что, оставаясь в веригах устарелой поэтики, романист спасовал перед областью действительности, запредельной его собственному жизнен-

ному опыту; к этому можно добавить несколько частных неудач и прежде всего неумение создавать женские образы, пробный камень всякого прозаика.

Все это так, но коренная причина, как мне кажется, лежит глубже. Фатальной ошибкой была презумпция архаического жанра. Проект всеохватного эпоса, в котором судьба и поступки действующих лиц, будь то царь или крестьянин, купец или революционер, должны были выглядеть как отражение и часть истории, – проект этот был заведомо обречен.

Хочешь не хочешь, а роль персонажей становится функциональной. Они кого-то «представляют». От этой злополучной иллюстративности невозможно никуда деться. Многоосная музейная колесница с паровым котлом, неприспособленная для современных дорог и скоростей, ползла еле-еле и, наконец, стала. В который раз пришлось убедиться, что время монструозных эпопей прошло совершенно так же, как «умчался век эпических поэм».

«История – это кошмар, от которого я пытаюсь проснуться», – говорит Стивен Дедалус. Снова задаешь себе вопрос, возможно ли связать то, что никак не связывается, найти волшебное уравнение литературы, соединить два времени, историческое и человеческое.

Мы оказались в ситуации тотального отчуждения человека от истории. Никогда прежде зловещие призраки Нации, Державы, Славного Прошлого и как они там еще называются – не вмешивались так беспардонно в жизнь каждого человека, не норовили сесть с ним за обеденный стол и улечься в его постель.

Никогда человеческие ценности не были до такой степени девальвированы, никогда стоимость человеческой жизни не падала так низко.

И, может быть, литература – единственное, что у нас осталось на обломках веры в исторический разум, литература, которая все еще отстаивает суверенность личности, литерату-

ра, – последний бастион человечности. Может быть, поэтому роман и остался в живых.

Итак, я приземлился в CDG. Аббревиатура означает «Шарль де Голль». Аэропорт разместился на северо-востоке от города, до Монмартра не так уж далеко. Подъехали к устью сбегающей вниз узкой мощеной улочки, таксист извлекает багаж из багажника. Пятнадцать шагов по улицы Толозе, лептоп в сумке через плечо, чемодан на колесиках.

Просят извинения: только что съехал прежний постоялец, в номере еще не прибрано. Выхожу на улицу в рассуждении закусить где-нибудь рядом. Весенний день, будничная суета, и чувство внезапного счастья от знакомого запаха дрянной кухни из подвальных окон соседнего дома.

Счастья вернуться в Париж.

Евгений Аверьянов

Только любовь...

В обычной жизни поэт Евгений Аверьянов – руководитель одного из старейших охранных предприятий Москвы. За спиной два высших экономических образования.

Что и говорить, быть хозяином и руководить охранным предприятием – дело непростое. Каждый день жди опасности, иногда – шаг до края бездны. Казалось бы, какие здесь стихи?! А Евгений Аверьянов пишет и пишет. Да еще как!

Видимо, безграничны возможности его души, раз пережитое только идет на пользу творчеству.

И поэзия его стала делом знающего всему настоящую цену поэта, который в любой ситуации будет «оставаться мужиком, пусть иногда ценою жизни», обладающего нежной, обнаженной душой и ранимым сердцем.

Я давно заметила, есть в поэзии Евгения Аверьянова что-то есенинское... Возьмите, хотя бы, эти строки:

*Нелюдима, невесома,
По весне, из года в год,
Позовёт душа из дома
В край, где радуга цветёт.*

Так любить свой родной край могут истинно русские поэты. Им можно – и даже нужно! – говорить высокопарно, они заслужили это право.

Это право Любви и Таланта. И незрима параллель и созвучны с есенинскими строки:

*Я пишу о тебе, Россия,
Как последний певец зари...*

И это не Есенин, а Аверьянов.

Лирика поэта перехлестывает некую незримую грань, где поэтическое ремесло переходит в мистику, а мистика в изотерику.

Слова, значению которых поэт придает особый судьбоносный смысл. Познания себя в слове и слова в себе – вот кармический смысл творчества современного Аверьянова. Его поэтический потенциал растет, а дарованный небом и землей талант раскрывается все больше и больше. Неотвратимо близится час творческого зенита, когда по силе воздействия на читательские умы, он опередит многих современных поэтов. Может не всех, но многих...

Обнажена, открыта всем встречным ветрам ранимая и нежная душа поэта. Не от того ли аллегоричны порой произведения автора, не это ли форма высшего мастерства в поэзии?

Поэзия – она сродни женщине. Кто-то сказал: женщина интересна, пока она загадочна.

Так и поэтические строки поэта о женщинах порой восхищают и волнуют наши сердца не только своей духовностью, может быть, патетикой, мудростью и красотой изложения, но чаще недосказанностью.

Стихи не должны быть откровенными до конца, и воображение читателя подспудно дорисовывает поэтические картины автора, наполненные его энергетикой – и это основная концепция поэзии Аверьянова.

Непредсказуемость – норма творческой личности, недосказанность – ее мужское начало. Настоящий мужчина не

желает сказать лишнего о любимой женщине, так и поэт не говорит о своих чувствах открыто, умелыми штрихами создавая целостные, более чем емкостные лирические картины.

Жизненные испытания закаляют личность, перемена чувств и настроений дает истинный толчок творчеству. Но забывает поэт: иногда и нескольких строчек бывает достаточно, чтобы расшифровать, как шараду, его стих, и понять настроение и сокрытый потаенный смысл недосказанности строк. Все дело в искренности, которой поэзии Евгения Аверьянова не занимать. Той искренности, которая откроет для Любви сердце любой женщины, той гаммы эмоций последнего романтика, который в своих стихах говорит, нет, поет, признается, клянется в высоких рыцарских чувствах – завораживающе, истово...

Прекрасны, на мой взгляд, его стихотворения, посвященные главному культу всего человечества – Любви, без которой поэт не может и не хочет жить и творить.

*Мне велела судьба не кричать и не охать,
Мне жестокости мира давно не в нови.
От последней любви до последнего вздоха
Ничего не хочу, разве только любви.*

Или:

*Сквозь раннее утро с красивым восходом,
Уйду на закат для рождения дня.
Я тысячи лет буду жить год за годом,
Пусть только любовь не оставит меня!*

Слава Богу, что не выродились у нас на Руси таланты. Такие, как Аверьянов.

Анна Фуникова

Вспоминая Сергея Есенина

*Мне тоскливо и скучно и жалко,
Неуютно камин мой горит.
Но измятая в книжке фиалка
Всё о счастье былом говорит.*

Сергей Есенин

*«Дом, улица, фонарь, аптека».
Нет, не твоё, ты был иным...
Полна была библиотека
Всем разнотравием земным.*

*В камине жар горел, пылая,
А ты был просто человек...
И дева страстная, нагая
Клялась быть верною навек.*

*О, сколько было тех весталок,
А ты - исчадие греха.
О, сколько высохших фиалок
Хранит нетленная строка.*

*Фиалок с горечью полыни
Ушедших дней, недавних чувств,
Что помнят присно и поныне
Медовый жар горячих уст.
Где горизонт любви не пуст!*

* * *

*От тебя и до меня дол позёмкой стелется,
Сколько было стылых дней там, где мы ничьи!
От тебя и до меня - белая метелица,
Но когда-то побегут вешние ручьи.*

*А зиме предела нет: катит, окаянная;
И метель швыряет снег прямо в небеса,
А любовь горит во мне, тихая, незванная,
Что ей злые холода - божия роса.*

*Я дождусь, дождусь тепла, добреду, я выстою.
Через белые снега я найду весну.
Скоро гуси прилетят, но не надо выстрелов,
Я от запахов земли, знаю, не усну.*

*Не усну, не разлюблю этот край берёзовый,
Если будет с нами Бог, всё пойдёт на лад.
Знаю, встречу я тебя на рассвете розовом,
Чтобы вместе нам шагать прямо на закат.*

Это Родина моя

*Нелюдима, невесома,
По весне, из года в год,
Позовёт душа из дома
В край, где радуга цветёт.*

*Где над ранними полями
Кроет дол туман-трава,
В токовищах глухарями
Дерзко вспахана земля.*

*Ускакать, уйти, уехать,
Позабыть московский быт.
Старый снег лежит, как перхоть,
Он недолго пролежит.*

*Растопить рукою льдинку,
Подпустить к себе апрель
И плеснуть водой из крынки,
Добавляя акварель.*

*А потом, срывая маски,
С песнопением Муз и Лир
Разместить шальные краски,
Чтоб раскрасить этот мир.*

*Чтоб любить, вдыхать и слышать
Воздух, звонкий будто медь,
Где весною небо дышит,
Где охота сердцу петь.*

*Вымыть взгляд озёрной далью,
У обрыва на краю...
И любить с немой печалью
Эту Родину мою.*

Песнь заветная

*Ой, ты, волюшка моя, воля вольная!
Ветер тучи нагонял, да не больно мне.
Дождик душу моросил, мог бы вымочить,
Старый дуб листвой укрыл, чтобы выручить.*

*Я в судьбе своей имел всё, что хочется.
Соловей мне песни пел, дождик кончился.
Никому не делал зла, и не маялся...
А в грехах своих всегда сердцем каялся.*

*И не хмелем не грешил и не солодом,
Храмы светлые души крыты золотом.
Сердце чистое щемит даль рассветная,
Белым лебедем летит песнь заветная.*

Последний приют

*Ещё октябрь не расплескал любви осенней,
Ещё не смолкли в сердце трели соловья,
А я сегодня, будто молодой Есенин,
Шагаю в осень. Осень, осень, ты - моя!*

*Пусть кудри русые порастрепало жизнью,
Пусть серебро висков спустилось всуе лет.
Пусть каждый день меня ведёт к последней тризне,
Но лучше осени любви на свете нет.*

*Я знаю, долго мне ещё брести по свету,
За летом осень, неизбежен жизни круг...
Пусть только женщины любовь простят поэту
И небеса намолят мой последний друг.*

*В моей душе ещё так много дикой силы,
Но и её в церквах когда - то отпоют,
И в золотом убранстве родина - Россия
Пускай подарит мне последний мой приют.*

* * *

*Она была одной из тысяч,
Что просто пробегают мимо,
Но я готов в гранитах высечь
Тот силуэт неповторимый.*

*Смешались трепетные чувства
С летящей жизнью городской.
Мне без неё угрюмо пусто
Жить одиночеством с толпою.*

*Весна ещё не наступила,
А, впрочем, март - весенний месяц.
Я к ней рванул, что было силы,
С надеждой - может быть, приметит,*

*Чтоб ощутить желанный локоть,
Когда с волнением нет слада.
Она прошла походкой лёгкой,
По сердцу или где-то рядом.*

Сны поэта

*Белое облако давней мечты,
Образ туманный и милый.
Даже во сне ты со мной не молчи,
Дай мне неведомой силы.*

*Дай мне любви, чтоб без удержу жгла,
Пусть нашей встречи не будет.
Лишь бы на сердце растаяла мгла
Серых и суетных буден.*

*Дай мне прозрения, дай мне весны,
Солнца и ясного неба...
Как я люблю эти светлые сны,
Эту полночную небыль.*

Владимир Николаев

Сталинский лицей*

Мой Большой

Благодаря тому, что партия отправила моего отца – тогда говорили «бросила», на работу в искусство, я получил в подарок от судьбы несколько удивительных, неожиданных лет, которые стали для меня не только книжными, но и театральными. Передо мной открылись двери театров и концертных залов столицы, и я попал в увлекательный мир сцены.

Где только ни бывал! Но сердце мое прочно завоевал Большой театр, где отец одно время был освобожденным секретарем ЦК партии, можно сказать, партийным директором.

Театр стал моим вторым домом. Незадолго до войны я пересмотрел там весь репертуар, все шедшие тогда оперы и балеты по несколько раз.

Обаяние Большого театра было для меня так велико, наверное, потому, что я знал его очень близко, знаком был не только с ложей директора и залитой огнями сценой. Я часто ходил туда без родителей. В боковом подъезде, со стороны Петровки, меня всегда встречал один и тот же старый капельдинер, охранявший вход в ложу директора – крайнюю правую ложу бенуара, выходящую прямо на сцену.

* Окончание. Главы из рукописи. См. № 225 и 226. – 2008 г. и № 238 – 2011 г. – *Ред.*

Поднявшись по белой мраморной лестнице на второй этаж, я проходил через затянутые красным комнаты в просторную ложу, в которой зачастую вообще никого не было. Потом, когда я стал заядлым театралом, я иногда приходил в Большой не к началу спектакля, а специально к тому акту или к выходу того артиста, которые мне особенно нравились – телевидения тогда не было, а кино только-только обрело звук.

Упоминаю эти подробности и потому, что именно в Большом театре я несколько раз видел Сталина, причем ближе, чем это удавалось с трибуны во время торжеств на Красной площади. Ложа дирекции находилась справа над оркестром, а напротив, точно так же, над оркестром, располагалась такая же ложа, которая называлась правительственной. В ней часто сидел сам Сталин. Он считал Большой театр своей главной придворной гордостью.

В такие дни я вглядывался в его ложу, но, как правило, увидеть там можно было лишь ближайших соратников вождя, поскольку сам он обычно сидел за тяжелой портьерой, иногда только вставал и чуть выдвигался из-за нее, аплодируя артистам. Он обычно прихватывал с собой в театр несколько своих приближенных.

Точно так же при Брежнев, например, его окружение вынуждено было проявлять интерес к охоте, рыбалке, домино и хоккею, при Ельцине – к теннису, а при Путине – горным лыжам.

Если в отношении нашей школы Сталина можно было считать ее внештатным заведующим учебной частью, то в театре и кино он все больше претендовал на роль главного режиссера. В то время нам, школьникам, это было, разумеется, неведомо, но такое насильственное сближение искусства с кремлевским двором на нашем лице – тоже, можно сказать, придворном, сказывалось вполне благотворно.

Следуя примеру родителей, и мы потянулись в театр, так же как и Светлана Сталина вслед за своим отцом. Сцена стала для нас не менее привлекательной, чем книги. Мне же вообще повезло из-за работы моего отца в Большом театре. Я полю-

бил ходить туда и на репетиции, на пробные прогоны, знал, над чем работают сегодня, за что возьмутся завтра. Потому и помню мучительные поиски современного репертуара на классической оперно-балетной сцене.

На моих глазах появились и канули бесследно в Лету несколько таких постановок. Не все они даже доходили до сцены, но уж если доходили, то премьера обставлялась с роскошью и сопровождалась большим шумом, а потом мертворожденная новинка на современную тему быстро и тихо исчезала из репертуара. Сколько при этом пропадало сил, средств и времени!

Первой советской оперой стал «Тихий Дон» композитора Дзержинского. Он ненадолго удержался на сцене Большого, не шел ни в какое сравнение с обычным уровнем этого театра. Потом взялись за оперу «Волочаевские дни» все того же плодовитого Дзержинского. Но из этой затеи ничего путного не вышло, до сцены она не дошла.

Ненадолго выплыл на оперную сцену Большого «Броненосец Потемкин», по сравнению с которым и «Тихий Дон» был шедевром. Долго и безуспешно шла работа над «Матерью» – по Горькому, на музыку композитора Желобинского. Безуспешно пытались создать оперную постановку на основе «Поднятой целины». Еще с тех лет помню горькую шутку, рожденную в театральном коллективе: «Взять бы всю воду из «Тихого Дона», весь навоз из «Поднятой целины», погрузить бы это добро на «Броненосец Потемкин» и послать через «Дарвазское ущелье» – это была еще одна такая же попытка, к...желобинской «Матери»!

А власти никак не могли успокоиться по поводу того, что нет у нас советской оперы. Вот цитаты из печати той поры:

«Колоссальное значение для развития советского оперного искусства имела состоявшаяся семнадцатого января тридцать шестого года беседа товарища И. В. Сталина и товарища В. М. Молотова с постановщиками спектакля «Тихий Дон». Выдвинув перед творческими работниками задачу создания советской оперной классики, товарищ Сталин начертал программу для всего советского музыкально-театрального фронта».

«Коллективу Большого театра в его исканиях неоценимую помощь оказали конкретные указания товарища Сталина».

«Мудрые указания товарища Сталина направляют оперных композиторов на творческое развитие опыта, традиций, великих завоеваний музыкально-театральной культуры прошлого, направляют на создание советской оперной классики».

Такая вот малограмотная тарабарщина! По-моему, даже эти крохотные цитаты убедительно говорят не только о том, как Сталин руководил всем, чем угодно, но и о том, в какой атмосфере жила при нем буквально вся страна. Наряду с «мудрыми указаниями» сверху поступали и грубые окрики, за которыми могло последовать любое наказание, вплоть до тюрьмы. «Сумбур вместо музыки» – так называлась редакционная статья в газете «Правда» в тридцать шестом году об опере Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда».

Вот так тогда и жили. Зато каждый прочно вошедший в репертуар Большого театра спектакль всегда был праздником. Не меньший праздник наступал для меня и тогда, когда я оказывался за кулисами. То, что я хорошо узнал театр и с другой стороны, с тыла, только усилило мою влюбленность в него.

Тяжелое, прямо-таки лошадиное дыхание убегающего со сцены кордебалета, который только что порхал перед зрителями невесомыми бабочками, мокрые лица балерин, становящихся усталыми в тот самый момент, когда тень кулис стирает с них свет рампы.

Изнурительная, начинающаяся с утра работа всего коллектива в театре без его привычных огней, репетиции перед пустым полутемным залом и в самых разных, больших и малых помещениях, каких много в огромном здании. Все это нисколько не лишало Большой театр его колдовского очарования.

И я был беспредельно рад и горд, когда встречался с его прославленными солистами лицом к лицу, за кулисами, в служебных помещениях театра, дома у нас или же в гостях у них. Мой отец отличался удивительной скромностью, его в театре любили и уважали, потому и меня баловали своим вниманием.

Есть все-таки какая-то загадка в искусстве, которое называют придворным. Для начала можно вспомнить гениальных живописцев и скульпторов при папском и других европейских дворах. Большой театр тоже был придворным как при царском дворе, так и при партийном кремлевском. И какое же созвездие талантов одновременно процветало в нем! Они составляли плеяду, какой не было в театре затем во все последующие периоды вплоть до наших дней.

Сразу три неповторимых тенора – Собинов, Лемешев, Козловский! Пирогов, Рейзен, Михайлов – совершенно гениальные басы! Сказочно богат был в те годы ансамбль выдающимися женскими голосами, их было, как звезд в ясную ночь! А вечная, непреходящая ценность Большого – его хор? Он был всегда одним из главных действующих лиц в спектакле, одним из самых больших наслаждений. И, конечно же, оркестр и его прославленные дирижеры...

С такой музыкой и такими исполнителями с особой силой постигались в юном возрасте такие вечные категории, как жизнь и смерть, любовь и ревность, добро и зло, правда и ложь.

Роман с балетом

Не меньше оперы полюбил я балет Большого театра. Успел застать на сцене божественную Семенову, которая с тех пор осталась для меня так и непревзойденной никем. Очаровательная, женственная, соблазнительная, земная, живая, розовая и теплая, она выпадает из привычного ряда балерин, технически абсолютно совершенных, но лишенных той человечности, какая отличала Семенову. Под стать ей был ее партнер Габович. Такой пары, в которой оба партнера были бы так же, как они, одновременно талантливы и хороши собой, я не помню.

Как и в опере, в те годы балетную классику на сцене пытались разбавлять спектаклями, созданными в наше время. И вот вам еще один из загадочных советских парадоксов: в балете эти попытки вполне удавались! Еще в двадцать седь-

мом году, к десятилетию Октябрьской революции, в Большом был поставлен «Красный мак» Глиэра, прочно занявший свое место в репертуаре театра. В нем блистали Уланова и Лепешинская. Удался и балет «Пламя Парижа» Асафьева о французской революции. По музыке того же Асафьева был прекрасно поставлен «Бахчисарайский фонтан», в нем солировали Уланова и Габович.

Что же касается новых балетных постановок на современную тему, то их судьба не отличалась от таких же попыток на оперной сцене. Вот, например, что писали тогда о балете Клебанова «Светлана»: «Сюжет этого произведения бесхитростно прост и не претендует на оригинальность; он подсказан многочисленными драматургическими спектаклями и кинофильмами на тему о героическом труде и бдительности советских людей; одна из линий сюжета – выявление и поимка диверсанта». Но, увы, балета на этот сюжет так и не получилось. Между прочим, эта коротенькая цитата, по моему, очень красноречиво характеризует то время.

Из балетных постановок, созданных в тридцатые годы, одним из самых удачных стал спектакль «Три толстяка» на музыку Оранского – по известной сказке Юрия Олеши. В нем царила Лепешинская (Суок). Мне этот балет особенно запомнился потому, что после его премьеры дирижер Файер – неповторимый блистательный дирижер балетных спектаклей в Большом театре с двадцать третьего по шестьдесят третий год! – подарил мне огромные воздушные шары, с которыми только что летал по сцене в роли их продавца Жуков, обладавший и без шаров удивительно легким, воздушным прыжком. А Файер давно заметил меня в директорской ложе на всех балетах.

В пионерском лагере с Майей Плисецкой

Балетное училище при Большом театре в те годы находилось в двух шагах от него, что, несомненно, играло какую-то свою роль в трудоемкой подготовке будущих танцоров Большого театра. Они не только часто забегали на балетные

спектакли, но и сами участвовали в некоторых из них. И еще была такая традиция – ежегодные концерты училища на сцене Большого театра по случаю очередного выпуска, они каждый раз превращались в яркий и радостный праздник.

Случались интересные и трогательные представления также и в самом училище. Мне нравилось бывать там. Сегодня я понимаю, что, помимо балета, меня привлекало некоторое сходство училища с нашим лицеем. Такой же строгий порядок и распорядок при вполне свободной и демократичной атмосфере, которую вполне можно было назвать творческой. И такой же недостаток, обеспеченность, прочность во всем. Известно, что, как и у нашего лицея, добрых спонсоров у балетного училища хватало.

Несколько летних каникул я провел в пионерском лагере балетного училища под Москвой, на реке Пахре. Это было светлое и веселое время! Лагерь, несмотря на специфику училища, почти ничем от обычных пионерских лагерей не отличался. Просто в нем жили ребята не из разных школ, а из одной, балетной. Я был единственным не из училища. И еще запрещали там играть в футбол, чтобы не калечили ноги, и мы тайком гоняли мяч в лесу.

Правда, все лето ребята еще и работали – готовили своими силами полнометражный балет – помню, как весь лагерь жил все лето «Красным маком». Это было никак не в нагрузку, а, наоборот, в удовольствие, репетировали охотно, с азартом.

А душой нашего лагеря был человек, абсолютно не связанный профессионально с балетом, начальник лагеря, комсорг училища Любовь Кац, жизнерадостная толстушка, умница, друг моего отца и нашей семьи. Она умерла совсем молодой от болезни сердца. Без нее я просто не могу представить тот лагерь. Без нее он не мог не измениться.

В отличие от обычных лагерей было в нашем, наверное, чуть больше игры в детскую любовь. Наверное, сказывалось воспитание на балетной классике. Лет в десять мы в лагере всерьез и, помнится, очень чисто, по-рыцарски, рассуждали о наших привязанностях, говорили о достоинствах наших дам сердца. Тем же любили заниматься и будущие примадонны.

Как-то я заболел и попал в лазарет. Пока лежал там, на первом этаже, кто-то незаметно клал мне цветы на подоконник. Может быть, красивая девочка Галя, на которую я засматривался, ближайшая подруга Майи Плисецкой – кстати, моей ровесницы? Майя Михайловна очень тепло пишет о ней в своих воспоминаниях...

С балетными воспоминаниями связано одно событие, которое для меня могло оказаться, можно сказать, судьбоносным. Кто-то из балетного училища предложил моим родителям перевести меня к ним на учебу – мой возраст был как раз подходящим.

Я был сильным и стройным мальчишкой с хорошей спортивной подготовкой. Ко всему прочему у меня был удивительно крутой подъем, я не видел таких даже у балетных профессионалов. А Майя Плисецкая в своих мемуарах, между прочим, утверждает, что прежде всего «танцору нужен высокий подъем».

Мои родители сообщили мне о сделанном предложении, но сами на нем не настаивали, сказали, что все зависит от моего собственного решения. При всей моей любви к Большому театру, опере и балету, хореографическому училищу и его лагерю я все же считал – в свои девять лет, что это не совсем мужское занятие, и решительно отказался переходить из школы в училище.

Точно так же, решительно и самостоятельно, поступал несколько раз. Подростком захотел связать свою судьбу с флотом и добился своего. Потом убедился, что глупее военной службы люди еще ничего не придумали, и отказался от адмиральской карьеры, хотя ушел с флота буквально в никуда.

Захотел стать журналистом и стал им, но из-за этого отказался от предложения знаменитого академика Винтера пойти к нему в аспиранты – он принимал у меня защиту диплома инженера-теплотехника в политехническом институте. А много позже, уже в конце шестидесятых годов, отказался от предложения Андропова стать спичрайтером в ЦК партии: не хотел променять свою хоть какую-то свободу на

золотую клетку. Кстати, тут сыграл некоторую роль и балет, вернее, одна балерина, с которой мы вдвоем неплохо проводили время. При том режиме работы, какой был заведен в ЦК партии, я ежедневно должен был обслуживать высшее начальство в ЦК, по меньшей мере, с девяти утра до шести вечера. По такому графику я никогда не жил и не собирался этого делать.

Ах, если бы жизнь состояла из одного детства!.. До сих пор перед моими глазами тихая серебряная речка, приветливый ласковый лес, точеные фигурки девочек, недоступных, гордых и манящих, бесконечные развлечения, повальная шахматная лихорадка – все это теперь уже зыбко колышется в памяти в наплывах балетной музыки, звучавшей над нашим лагерем...

Несмотря ни на что

От книг, спектаклей и фильмов вернемся к тем, кто их читал и смотрел, вырос на них. Как оказалось, все известные мне лицеисты вышли в люди, хотя примерно у половины из них жизнь со школьной скамьи сложилась трагически.

В семьдесят пятом году, когда большинству из поступивших в лицей в тридцать третьем году стукнуло ровно пятьдесят лет, мы собрались вместе за большим праздничным столом. Мы, разумеется, и до этого встречались иногда друг с другом, но такого большого сбора у нас раньше не было. Пришли, пожалуй, все, кроме Светланы Сталиной, она жила за рубежом, и мы в тот вечер позвонили ей по телефону от имени всех собравшихся.

Мои родители не угодили в мясорубку сталинского террора, но я про себя очень переживал за тех одноклассников, которые так нелепо лишились своих отцов, а некоторые – матерей. И был приятно поражен, когда встретил в тот вечер таких давно уже осиротевших ребят, некоторых впервые после лицея! – в полном здравии и весьма преуспевшими в жизни. Значит, выстояли, несмотря ни на что! Сколько же сил природа отпускает человеку! Впрочем, они многого доби-

лись, может быть, и потому, что попали в трудное положение и требовалось отчаянно бороться за себя? Убежден, что им в жизни очень помогло и то, что они набирались ума и знаний в нашем лицее.

Выше я вспоминал о Юрии-большом (Погребинском) и Юрии-маленьком (Герчикове), своих одноклассниках, по их семьям тяжело ударил террор. Тем не менее Погребинский стал инженером, одним из крупных деятелей нашей промышленности, а Герчиков – архитектором. Выросший в бедности Владимир Андреев стал известным авиаконструктором.

У многих лицеистов родители в свое время сделали большую политическую или государственную карьеру. Примечательно, что по такому же пути никто из нас не пошел, хотя у половины ребят с родителями все было в порядке. Факт, по-моему, знаменательный. Он ко всему прочему свидетельствует о том, как меняются времена и нравы. Сегодня, в ХХI веке, у нас прочно утвердилась традиция тащить за собой в политику, не говоря уже о бизнесе всю свою родню. Бывшие лицеисты предпочли конкретное дело. Стали инженерами, врачами, учителями, преподавателями в вузах, писателями, деятелями искусства...

Некоторые из них стали известными людьми. Например, Александр Некрич, историк. Он смог издать у нас первую правдивую книгу о начале Великой Отечественной войны, за что его вынудили эмигрировать. Любопытно, что еще в школьной стенной газете он уже фигурировал в заметках довольно критических. А когда его учительница литературы предложила девятиклассникам написать сочинение на любую свободную тему, Александр выбрал такую: «Кто же он в конце концов?»

В своем сочинении он нарисовал весьма нелестный портрет девятиклассника (автопортрет?), которого мучают многие проблемы, в том числе и сексуальные. И в то же самое время Александр Некрич в письме своему двоюродному брату, заключенному в рижской тюрьме коммунисту, писал: «Недалек тот день, когда мировой пролетариат сбросит с себя

буржуазное ярмо». Тут уже сказалось наше усиленное интернациональное (по-большевистски) воспитание.

Широко известно в нашем и международном правозащитном движении имя адвоката Дины Каминской, тоже бывшей лицеистки. Ее отец был директором Промышленного банка СССР, то есть весьма заметной фигурой. Он едва ли готовил свою дочь к юридической карьере, воспитывая ее на произведениях Пушкина, Гёте и Гейне, на музыке Баха и Моцарта, о чем она сама вспоминала.

Но подлинная жизнь все равно порой пробивалась и к ней. Так, в начале тридцатых годов Дине пришлось проехать на поезде в пионерский лагерь в Крым через Украину, охваченную страшным голодом, который стал следствием массовой насильственной коллективизации (тогда дело доходило до людоедства). Поезд с московскими детьми в пути облепляли сотни заморенных голодом людей.

В нашей стране широко известен и выпускник нашей школы поэт Борис Заходер, автор множества детских стихов, пьес, сценариев, сказок. Он же перевел несколько классических произведений для детей, созданных на Западе и ставших у нас очень популярными в его переводах, они изданы многомиллионными тиражами. Большую известность завоевал у нас и скульптор Владимир Цигаль, тоже бывший лицеист. Королем советских фоторепортеров считался Самарий Гурарий, тоже из нашей школы. Вместе с ним я не раз бывал за рубежом в качестве корреспондента по поводу самых разных международных событий.

Самым выдающимся, всемирно известным советским авиаконструктором был Андрей Николаевич Туполев. Он умер в семьдесят втором году, дело отца продолжил его сын, наш выпускник Алексей Туполев, который стал академиком, Героем Социалистического труда, лауреатом Ленинской и Государственной премий.

С не меньшей пользой для людей, а может быть, и с большей, остался верен делу своего отца и сын Бориса Пастернака Евгений, тоже бывший лицеист. Он составил и проком-

ментировал Собрание сочинений великого поэта, посвятил свою жизнь этому огромному делу.

Несомненно, что самой яркой личностью из всех бывших лицеистов стала Светлана Сталина, причем, отнюдь не из-за своего происхождения. Она по праву заняла место среди самых ярких и самых сведущих летописцев своего века, написав несколько книг воспоминаний.

Родословная

У моих одноклассников большинство родителей, будучи еще молодыми людьми, активно участвовали в Октябрьской революции, были на виду – иначе не оказались бы их дети в нашем лицее. Потому и судьбы у них были схожими. Резкое различие наступило только к завершению тридцатых годов: примерно половину из них репрессировали, бросили в сталинские застенки, а другая половина осталась на свободе. С этой точки зрения, типичными оказались и судьбы моих родителей. Моя родословная мало чем отличается от родословных большинства моих одноклассников. Поэтому мой краткий рассказ о ней вполне можно принимать и за некое обобщение.

Я родился в двадцать пятом году в Москве, но и сегодня вижу в тумане раннего детства подмосковный ткацкий городок, хотя бывал в нем всего несколько раз. Вижу, наверное, потому, что в памяти он остался вместе с песней.

Длинный ряд деревянных бараков. Дощатые стены посерели от времени. Напротив – такой же длинный ряд сараев. Снег, дожди, солнце, ветер, копать и пыль окрасили их даже не в серый, а черный цвет. Бараки и сараи образуют широкую, поросшую вытоптанной травой улицу. Вдоль нее, у домов, стоят отполированные до глянца скамейки.

В летние сумерки на них усаживаются и стар, и млад. И звонко, с душой поют о юном барабанщике, который «песню веселую пел, но пулей вражеской сраженный, допеть до конца не успел». И щемит сердце у поющих. И увлажняются глаза.

Но тверже звучат дрогнувшие было голоса, выводя последний куплет песни:

*Промчались годы боевые,
Окончился славный поход,
Погиб наш юный барабаник,
Но песня о нём не умрёт.*

Еще пели о том, как «сотня юных бойцов из буденовских войск на разведку в поля поскакала» и один из бойцов пал от вражеской пули.

Вместе со всеми пела и моя бабушка Настя, Анастасия Карповна. С нее я и начался, так мне всегда казалось. Во всяком случае, именно через нее ощутил свою связь с тем, что было до меня.

В ткацком городке она родилась в рабочей семье. Пошла на фабрику. Это был единственный путь, выбора не было. Среди фабричных девчонок выделялась набожностью и красотой. Верила чисто и строго, без исступления и фанатизма, но всем сердцем и разумом. А полюбила неверующего конторщика. Он не был атеистом-циником, а являл собой типичного ищущего смысл жизни русского интеллигента, каких на нашей земле было немало. Анастасия родила ему пятерых детей.

Я знаю ее мужа, то есть своего деда Ивана, лишь по фотографиям и рассказам бабушки. Аккуратно подстриженная бородка и сходящиеся с ней усы придают его доброму, чуть иконописному лицу облик, который стал хрестоматийным для мужских портретов того времени – я бы назвал его чеховским обликом.

Дед много читал. Пробовал писать стихи и прозу. Не пил, что на фабрике было редкостью. После революции он прожил по-новому недолго. Умер от тифа в глухой провинции, куда был послан в составе так называемого продовольственного отряда, сотни таких отрядов по всей стране выколачивали хлеб на нужды революции и новой власти.

Анастасия осталась одна, дети уже подрастали, и она помогла им выйти в люди.

Анастасия и Иван жили счастливо, душа в душу. Такая трогательная деталь. Дед любил играть в шахматы, и Анастасия тоже недурно стала в них играть. Трое их сыновей добрались до первого (!) шахматного разряда. Значит, тратили на эту игру немало времени. А это было, конечно, непросто при их трудной жизни, при общей для всей большой семьи повседневной заботе о куске хлеба. И меня бабушка Настя приохотила к этой игре лет с пяти – и на всю жизнь. Я был ее первым внуком и любила она меня очень.

Мать моя была самой старшей из ее детей. Родила она меня в двадцать два года. Значит, мои первые впечатления о бабушке Насте начинаются с того времени, когда ей не было и пятидесяти.

Я гляжу сегодня на ее фотографии, удивляюсь гармонии красивого облика и чистой ее души. Гармония эта была в ней так же естественна, как у другого походка или тембр голоса. Чем дальше живу, тем с большей силой осознаю, как много дала мне простая русская женщина, моя бабушка. Понимаю, что есть все же связь времен. Есть корни и не может не быть их.

Навсегда разлучила меня с бабушкой Великая Отечественная война. К тому времени она по традиционной российской эстафете прилепилась к своей младшей дочери и ее двум совершенно очаровательным крошечным дочкам. Им было в кого уродиться красавицами! И дед, и бабушка, и молодая мать были хороши собой. И отец обеих сестренок тоже был молодцом хоть куда!

Но долго ему любоваться на своих дочек не довелось. Военный летчик, он с первых дней войны оказался в бою. Семья его вместе с бабушкой эвакуировалась из Москвы в приуральский город, жили они там холодно и голодно, ни родных, ни знакомых.

Осенью сорок первого года пришло извещение о гибели в бою отца семейства, единственного кормильца. А зимой того

же года тяжело заболели обе девочки и умерли в один и тот же день. В последний раз поцеловав остывавших малышей, бабушка пошла на чердак и там повесилась.

По отцовской линии были у меня дед Николай и бабушка Анна.

Дед Николай, рабочий, крепкий профессионал, специалист по обработке металлов. Потомственный москвич, обитатель Даниловки в Замоскворечьи. Юношей пришел в революционное движение, стал большевиком задолго до Октября семнадцатого. Все семеро его сыновей (была еще одна дочь) пошли за ним, стали тоже коммунистами еще до октябрьского переворота. Мой отец, например, родившийся шестым, был принят в партию весной в год революции, когда ему было всего семнадцать лет. Под руководством отца он вместе с братьями делал революцию. Вскоре двое из них погибли на фронте в Гражданскую войну.

В детстве я столько прочитал книг об этой войне, столько видел о ней фильмов и спектаклей, что и этих двоих своих дядей ощущал где-то рядом, они оживали предо мной не только в книжках, но и в частых воспоминаниях в кругу нашей большой родни. Они ушли из жизни совсем молодыми, но говорили о них, как о значительных и почитаемых людях.

Другие братья моего отца тоже рано уходили из жизни. Все они были поставлены своей партией и революцией в такие обстоятельства, что рассказ о любом из них – это рассказ не только о судьбе человека, но и о времени, самом жестоком и бурном в истории. Тогда даже родилось такое выражение: «сгорел на работе».

Мать семерых большевиков, бабушка моя Анна, на всю жизнь осталась тихой и набожной хозяйкой большого семейства, которое занимало второй этаж небольшого деревянного дома. Он был весь скрипучий и к тому же пахучий, как свежепеченный хлеб.

В комнатах иконы по углам, высокие белые изразцовые печки, неуклюжие старинные шкафы и сундуки. И пузатый графинчик с водкой на белоснежной скатерти. Каждый наш

с отцом визит к деду непременно сводил их за этим графинчиком. И пока они сидели за ним, я замирал, замороженный веселым огнем бабушкиной печки. У себя дома я знал только тепло парового отопления.

Из нашего с бабушкой общения запомнил, как приставал к ней, настаивая на том, чтобы она сняла со стен иконы. Она вздыхала, отшучивалась, но не сердилась. Моя антирелигиозная настырность была вполне объяснима. В те годы можно было повсюду увидеть такие лозунги и газетные заголовки: «Маленькие безбожники против верующих отцов», «Пионеры! Бейте тревогу – ваши родители молятся богу» и тому прочее. В Москве была устроена выставка под названием: «Выставка побед безбожия». Или еще один пример из множества аналогичных: сбор средств, то есть добровольных пожертвований, на строительство подводной лодки «Воинствующий безбожник».

Передо мной фотография отца, на ней ему лет двадцать, не больше. Стройный и удалой, он стоит в распахнутой косоворотке, подпоясанный толстым ремнем, кепка лихо заломленная набекрень, не в силах придавить копну льняных волос, брюки-галифе заправлены в высокие щеголеватые сапоги...

Как безжалостно быстро летит время, жизнь! Я не помню отца таким, как на этой фотографии. В памяти моей он остался уже довольно тучным, лысым, с выцветшими голубыми глазами. А ведь был он в молодости отчаянным малым, незаурядным спортсменом. Выросший на берегу Москвы-реки, он был превосходным пловцом, сажал меня, мальчишку, к себе на шею и уплывал со мной в море, когда мы отдыхали в Крыму. Был он в свое время и сильным конькобежцем, но на коньках я его уже не помню.

И как многие сорвиголовы, он рано женился. В ту пору был еще молодым партийным работником, переделывал жизнь поновому в своей родной Даниловке. К тому времени будущая мать моя перебралась в Москву, успев до этого начать свою трудовую жизнь на подмосковной ткацкой фабрике.

Путь ее в столицу оказался не прямым и не коротким. Два года провела она на фронтах Гражданской войны, была

медицинской сестрой, потом – политработником. Тогда же вступила в партию. Приехав в Москву, пошла работать на ткацкую фабрику, где на одном из частых тогда собраний и встретились мои будущие родители.

Служебное положение моего отца гарантировало элементарный достаток в нашем доме, что позволило матери уйти с фабрики на учебу. Она окончила Коммунистический институт журналистики и работала в печати. И мать, и отец работали каждый день, кроме воскресенья, с утра до позднего вечера – такова тогда была неписаная традиция. До школы я был на попечении детского сада и нашей домашней работницы.

Конечно, весьма роскошно быть одновременно под надзором няни и детского сада, один этот факт уже говорит об известном материальном достатке в нашей семье. Но ни это благополучие, ни двойная опека, домашняя и детсадовская, не сделали меня барчуком. За это спасибо родителям и детскому саду, атмосфера в нем была – до сих пор помню – светлая, радостная и, я бы сказал, демократичная.

Занимались мною родители в самую меру, не баловали, но и не опекали на каждом шагу, доверяли. Теперь я понимаю, что такое, можно сказать, свободное мое воспитание было следствием не столько их врожденного педагогического такта, сколько тех нравственных принципов во всем, не исключая личной жизни, в которые они верили.

Одного материального благополучия для этого было бы мало. Правда, оно, с современной точки зрения, носило весьма своеобразный характер. Всегда были сыты. Жили в прекрасном новом доме, в просторной, а главное, отдельной трехкомнатной квартире со всеми, как говорится, удобствами, что тогда было большой редкостью.

Но в доме – шаром покати! Только самый-самый необходимый набор простенькой мебели, на всю семью, например, хватало одного малогабаритного платяного шкафа. Новый костюм или ботинки мне обычно покупали только взамен износившихся. Как-то впервые зашедший ко мне одноклассник

с изумлением вопрошал: «Вы так хорошо живете, но почему у вас ничего нет?!» Этот вопрос так сильно удивил меня, что я помню о нем до сих пор.

В те годы мои родители не были исключением, когда так беспечно относились к материальным атрибутам мира сего. Но уже тогда в нашем обществе были заметны и другие тенденции. После трудных лет войны и разрухи, голода и нужды многие коллеги моего отца по партии и работе начали вдруг весьма старательно налаживать свой быт, попали во власть вещей. Причем, оказалось, что на этом пути нет для них ни конца, ни совершенства.

Но в те годы такие мысли меня, разумеется, не занимали. Во мне бурлила, играла в чем-то наивная, детская, а в чем-то и осознанная радость жизни. Уже тогда я ценил свое настоящее и не раз с тревогой думал о том (словно предчувствовал!), как бы оно не изменилось к худшему.

Детство мое, безоблачное и доброе, позволило с ранних лет уверенно шагать по земле и сделало мне бесценный подарок на всю жизнь: я никогда не был отравлен завистью. Это чувство было мне неведомо. А без него жизнь кажется гораздо легче.

В тридцать восьмом году мне исполнилось тринадцать лет, и я в свой день рождения почему-то решил начать вести дневник. И начал. Во мне до сих пор живет многое из записанного в нем. К сожалению, во время войны он пропал.

Что осталось в памяти сердца с тех пор, что сохранилось, не расплескавшись за долгую жизнь?

Первое и главное – ощущение здоровья и постоянного напора бьющих через край сил. Словно кто-то вливал в меня ежедневно, ежечасно густой животворный сок жизни. Радость ничем не стесненного дыхания полной грудью. Радость прикосновения ко всему живому не уставшими руками и не загрубевшей кожей. Радость открытия мира ненасытными еще глазами. Радость первой, самой пылкой влюбленности в этот мир. Что можно сравнить с ней в нашей грешной жизни? Нечего.

Еще о родине

Как это и положено, на летние месяцы мы расставались с нашей школой, сообщая мы не отдыхали. Почему-то отец Светланы, наш внештатный завуч, до этого не додумался.

Школьные годы, которым, казалось, конца не будет, ярко расцвечены летними каникулами. Зеленое Подмоскowie, дача, поездки к морю, пионерские лагеря. Своему дяде Василию, брату отца я обязан знакомству и с русской деревней, не очень далекой от столицы. Оно оставило глубокое впечатление. Может быть, именно в силу того, что я был городским мальчишкой, деревенские впечатления оказались такими запоминающимися.

Поражал простор полей и лесной приют, здесь иначе дышалось, чем в городе. Здесь, на селе, начиналась та река, которая разлилась в большой океан под названием Россия. Разумом я дошел до этого позже, но яркие детские впечатления помогли это осознать. Дядя мой, незаурядный русский человек с биографией подвижника, конечно, во многом помог мне узнать и хотя бы как-то понять нашу деревню (я иногда гостил у него). Он жил с деревней одной жизнью, и я увидел ее его глазами, не как дачник.

Дядя Василий с молодых лет «ушел в народ» и стал деревенским учителем. Я бывал в его школе, деревянной, удивительно светлой и веселой. Помню голосистый школьный хор, которым он самозабвенно руководил. Помню о своем наивном детском удивлении по поводу того, что в каждый свой приезд убеждался, насколько его все уважают. Дитя города, я не встречался на асфальте с таким всеобщим почтением к одному человеку.

Летом, когда в школе не было занятий, он работал с крестьянами в поле, на огороде, ловил с ними рыбу, ходил по грибы и по ягоды, гулял и выпивал со всеми по праздникам, обсуждал бесконечные крестьянские проблемы.

На всю жизнь отпечатались в сознании деревенские цвета, запахи и звуки, а сердце навсегда связалось с деревенской

землей той тоненькой стрункой, которая есть, наверное, у каждого русского, даже городского человека, но до поры до времени не всякий ее ощущает, не в каждом она звучит.

Позади у меня столько встреч с нашей бесконечно многоликой Землей – на четырех континентах, в самых разных странах. Встреч порой не мимолетных, причем бывал в одних и тех же далеких местах по несколько раз – в одной только Индии пять раз!. Было время не вдруг, не с первого взгляда влюбиться в чужие красоты. Не влюбился.

И не убывает, а нарастает с каждым годом все более щмящее чувство любви к Подмоскovie. Может быть, еще и потому, что оно все дальше и дальше убегает от города. Не зародись это чувство в детстве – и не было бы его, наверное. В зрелом уже возрасте ко мне как-то вдруг пришло понятие абсолютного счастья, рая на этом свете. И связано оно, конечно же, с родной землей. Это – быть в солнечный мартовский день на лыжах в подмосковном лесу.

Этот зеленый волшебный мир при каждом свидании до сладкой боли растревожит сердце, когда ты уже в годах. А в детстве и видишь вокруг себя всю эту благодать и – не видишь, не замечаешь. Потому что неосознанно, по праву ребенка ощущаешь себя вечной частью этого мира, а не временным гостем в нем.

Подмосковные дачи. Старый деревянный дом. Один-два этажа, чаще с мезонином. Большая терраса, стены ее с трех сторон стеклянные с причудливыми переплетениями оконных рам. Высокие потолки. И все – из дерева, что после городских стен непривычно, приятно, тепло. Архитектура иногда в меру затейливая, но всегда основательная, солидная.

Желтые песчаные дорожки. Аккуратные клумбы и цветочные ряды. Никаких картофельных плантаций. При даче большой зеленый участок, полу-сад, полу-лес. С него и начинается увлекательная летняя жизнь. В укромном затененном уголке строится шалаш из старых досок и свежих веток, он становится центром всей нашей активности...

Лес. Грибы, ягоды. Река. Купание, катание на лодках. Все так просто и так восхитительно!

На многих страницах русской литературы конца XIX и начала XX века от Боборыкина и Лейкина до Чехова и Горького привычным фоном для развивающихся событий служит дачная местность. И я всерьез ощущаю родственную близость к описываемым там людям и событиям именно потому, что ребенком много жил на даче, которая в тридцатые годы не была похожа на современные: не было при ней гаража, холодильника, телефона, телевизора... Облик ее и образ жизни на ней был совсем другим, нежели сегодня, ближе к старому времени.

Большой цветной абажур, каких теперь нигде не сыщешь, на столе самовар, не как дань моде, а как предмет первой необходимости. Долгие вечерние чаепития с неспешными разговорами, нередко – под водку, а в таком случае и с песнями. Русские народные песни, романсы. Набор их тогда был невелик, но пели самозабвенно хором, часто и весь вечер.

Странное дело! Ну, что, казалось бы, эти детские дачные воспоминания? Но они стали для меня той пусть тонкой, но все же реально ощутимой пуповиной, которая связывает меня с тем прошлым, из которого вышли мои родители, а, значит, во многом и я сам. Это едва уловимая духовная связь через десятилетия. Описать это чувство с клинической точностью невозможно, но сидит оно во мне глубоко и прочно, с годами оно все сильнее.

И не менее светлые воспоминания связаны с пионерскими лагерями, они уже без исторических экскурсов, разве что песня «Здравствуй, милая картошка, низко бьем тебе челом» как эстафета пришла к нам от первых советских пионеров двадцатых годов, которые для нас тогда историей не были, а были нашими пионерскими вожатыми.

Полной грудью дышалось в лагере! Книги, шахматы, футбол, спортивные соревнования, недалекие, но все же интригующие походы, пионерские костры... И вечером, перед сном, уже в кроватях, разговоры обо всем на свете, но чаще – переказы прочитанных книг, под них и засыпали.

В конце лагерной смены обязательно главное событие – военная игра на целый день. Весь лагерь делится на две «армии», скажем, «синих» и «желтых». При судействе взрослых посредников – вожатых, администрации лагеря, эти «армии» «сражаются» друг с другом в лесной чаще. Нужно отыскать запрятанное где-то знамя «противника». Это основная цель. Попутно нужно нанести ему потери. К вечеру в бесконечных спорах невозможно установить, кто же победил. И наконец – прощальный костер. Последний отбой, впервые за полночь. Жаль покидать лагерь...

Обожествление – круговая порука

О так называемом культе Сталина в свое время было сказано и написано немало, а он уцелел среди нас и в XXI веке! Жив курилка! Кстати, у этого забавного выражения в толковом словаре современного русского языка есть лаконичное и четкое определение: «Жив курилка! – все еще существует, цел (о том, кто не пропал, несмотря на неудачи, гонения и т. п., или о том, кто долго был в безвестности и объявился снова)».

Когда мы, дети двадцать пятого года рождения, только-только научились читать и писать, культ Сталина уже набирал свою страшную силу. С начала тридцатых годов тысячи тысяч его портретов, бюстов и скульптур распространились по всей стране, они были повсюду – не только в официальных присутственных местах – от бань до парков культуры.

Уже в тридцать первом году четырнадцатую годовщину Октябрьской революции страна должна была отмечать под знаком выполнения шести исторических указаний товарища Сталина, именно – его личных указаний!

С тридцать третьего года с легкой руки одного известного графика Сталин стал «рулевым» страны – художник изобразил вождя у штурвала. Отныне советский народ должен был жить, работать и сплачиваться не во имя какой-то великой цели, а вокруг «вождя народов товарища Сталина».

И такая вот зловещая закономерность: чем больший размах приобретал массовый террор, тем все громче гремели пропагандистские колокола во славу Сталина. Хлынул мощным – всесоюзным – потоком, залившим всю периодическую печать и книжную продукцию, особый род журналистики и литературы – безудержное, не знающее никаких пределов возвеличивание вождя. Вдруг появились сотни, тысячи песен и стихов о нем.

Сегодня нормальному человеку просто трудно, невозможно представить, до каких фантастических высот доходило тогда это раболепное творчество, поэтому приведем только несколько конкретных примеров.

Вот пишет один из известнейших в то время русских поэтов и умудряется в одном небольшом стихотворении назвать Сталина и «самым большим человеком», и «самым большим полководцем», и «самым бесстрашным и сильным», и «солнцем весенней порою», и «самым большим садоводом», и «самым любимым и мудрым», и «правдой народов»... Тот же прославленный поэт пишет в другом своем стихотворении:

*В мире нет человека
Дороже, роднее.
С ним и счастье счастливей
И солнце светлее.*

И это писал человек действительно талантливый! Его коллега, не менее известный поэт, публикует свое стихотворение «Садовник», в котором есть такие строки о Сталине:

*Всё ему проверить надо
Взором пристальным своим,
Чтобы каждый корень сада
Был по-своему любим.
Он помощников расспросит,
Не проник ли вор тайком?*

*Сорняки, где надо скосит,
Даст работу всем кругом.*

Еще один поэт восклицает в своем стихотворении:

*Любимый вождь, отец родной,
Громя врагов, со всей страной,
Ты, Сталин создал дивный строй.*

Два широко известных поэта вместе сочинили величальное стихотворение, в нем есть и такие строки:

*Славься, первый полководец, наш отец, учитель, воин,
Гений счастья и свободы, нашей правды торжество!
Славься, наш народ великий,
Вождь любви твоей достоин,
Как вождя и полководца ты достоин своего.*

Этих обоих стихотворцев старается переплюнуть их собрат по такого рода «творчеству» и пишет о Сталине: «Солнца ярче слава твоя, меда слаще имя твое», «мысли твоей не меркнет свет, мощи твоей предела нет»... Нет предела и поэтическим потугам! Другой автор публикует следующее:

*Сталин в каждой мысли у нас.
Сталин в каждом сердце у нас.
Сталин в каждом деле у нас.
Сталин, сердце моё, спасибо тебе!*

Соревнуясь друг с другом в этом каком-то безумном – бевсовском? – славословии, наши поэты додумывались до таких перлов:

*Есть ли слово такое,
Чтоб всё в нём соединилось.
Чтоб всё в нём, в едином слове,*

*Было заключено?
Да, оно есть! Природа
Сделала эту милость –
Вот оно это слово:
– Сталин! – звучит оно.*

Другой поэт, тоже с именем, восклицает, задыхаясь, наверное, от восторга: «Сталин! Второе рождение земли». От таких откровений было уже полшага до обожествления, и эти полшага смело делались: «Всю жизнь окропил он живую водой». Вот еще несколько цитат разных авторов:

«Мой Сталин, мой светоч, я только с тобой», «Любимый, тобою награждена моя золотая, родная страна», «И Сталин, солнце дней моих, все ярче красит небосвод», «Сияние солнечных сталинских глаз, всю землю согретых заботой о нас», «Ждали люди из века век, чтоб родился такой человек», «Им согрета вся кровь моя», «Это Сталин, источник добра!», «Петь о нем не хватает слов...»

Но слов, как видим, хватало. Вот, пожалуй, пример некоего величально-поэтического рекорда:

*Великий политик и мудрый стратег,
Ленинских дум гениальный ваятель...(?!)*

С таким же неистовством внедрялся культ Сталина и в художественную прозу, на театральную сцену и киноэкран (телевизора еще не было), в самые разные сферы нашей жизни, в мораль, быт и нравы, даже в правила повседневного поведения. Твое публичное признание в том, что ты не просто любишь своего гениального вождя, а обожаешь его, поклоняешься ему как божеству, приравнивалось к пропуску в общественную жизнь, к праву на нее и на беззаветный труд во имя все того же Сталина.

Да, это была торжественная, прямо-таки священная присяга на верность и без нее никак нельзя было обойтись никому. Это уже другой разговор, что такая присяга вовсе не

гарантировала спасения от массового террора, но все же она была залогом хотя бы какой-то, пусть временной надежды на то, что тебя этот страшный жребий минует. А для людей творческих неучастие в таком соревновании раболепия означало прежде всего лишение всех условий для работы с последующим скорым арестом.

Да что там говорить о совершенно обязательных клятвах в любви к вождю! Во все годы долгого царствования Сталина ни один доклад, ни одно публичное выступление на любую тему не могли закончиться иначе, чем здравицей в честь «гениального, родного, любимого отца и вождя». И после каждой такой здравицы все обязаны были вставать и аплодировать в течение нескольких (!) минут.

Ритуал культа Сталина служил еще одной цели – все той же фальсификации истории, какая легла в основу всей нашей жизни после выхода в свет «Краткого курса истории партии». Вот один из бесконечного множества аналогичных фактов. В отчете о праздновании Первого мая на Красной площади в тридцать шестом году читаем:

«Высоко над площадью вздымаются панно с изображением ярких эпизодов биографии великого Сталина. На первом панно Сталин – организатор большевистского подполья. На втором Сталин – организатор и руководитель закавказской большевистской организации. Дальше Сталин – лучший соратник Ленина в дни Октября. Сталин – организатор и вдохновитель побед Красной Армии...»

Каждое утверждение здесь – ложь, обман! Он пришел в большевистское подполье простым боевиком, уголовником, который грабил царскую казну по заданию партии. Закавказская большевистская организация руководилась его старшими по возрасту современниками, которых он потом, придя к власти в стране, уничтожил.

В дни Октября у Ленина было несколько соратников, игравших более значительную роль в революции по сравнению со Сталиным. Организатором и руководителем Красной Армии был не Сталин, а Троцкий...

Само по себе понятие «культ» несет в себе две смысловых нагрузки. Во-первых, это преклонение перед кем-нибудь или чем-нибудь, почитание кого-нибудь или чего-нибудь. Во-вторых, это религиозное служение божеству и связанные с ним обряды.

Как мы знаем из нашей истории, дело дошло до обожествления Сталина еще при его жизни. На этом вполне справедливом заключении рассуждения о культе личности обычно и завершаются.

Но, по-моему, их можно и нужно продолжить, чтобы довести эту тему до ее логического конца. В данном случае это обожествление вполне можно сравнить с круговой порукой: Сталин добивался его не для того, чтобы удовлетворить свое ненасытное тщеславие, а для того, чтобы все его н е м ы с л и м ы е п р е с т у п л е н и я были тем самым одобрены обществом и разделены с ним всем народом.

В этой связи можно отметить, что в нашем лицее никакой свистопляски по поводу внедрения культа вождя не наблюдалось. Ему, нашему внештатному завучу, это было не нужно. Я не могу даже припомнить, висел ли у нас в школе его портрет.

Несомненно, что со стороны, с улицы, из нашей столичной повседневности, через школьные стены докатывались до нас отголоски «всенародного обожания» вождя, но учителя и руководители лицея никогда в этом деле не усердствовали. Они просто понимали, что от них это не требовалось. Еще одна очень специфичная черта, присущая нашему необычному учебному заведению!

АНТОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОГО РАССКАЗА

Людмила Агеева

Не плачь, я тебя спасу

... Если я обманываю его ожидания, я всегда прошу у него прощения. Не то что бы я ему что-то пообещала и не выполнила, просто он всегда на меня надеется. Вот вчера у меня очень болела голова, и я ничего не могла сделать с погодой, и ему пришлось под дождем идти к врачу. Кстати, теперь снова на час надо заклеивать глаз, снова ухудшение.

Учительница осторожно спросила Машу: «А что это значит? Почему он говорит, что бабушка волшебница?» Маша пожалала плечами: «Ну, он так считает». Когда мы строили снежную крепость, я подслушала, как он хвастался мальчику: «Weißt du, meine Oma Zauberin ist». – «А что она умеет делать?» «Ну...погоду. Утром, помнишь, было пасмурно. Я попросил солнце. И мы вместе прогнали тучи. – И видишь – солнце». «И ты тоже умеешь?» – «Да, она меня учит». Чистая правда. Утром он залез на стол, что строжайше запрещено, я встала на стул, лицом к окну, и мы начали медленно с помощью рук и заклинаний разгонять тучи. Сначала в небе появилось маленькое голубенькое оконце, потом оно стало все больше расширяться, похоже, дело пошло на лад, можно было собираться, и мы пошли гулять. Когда мы дошли, наконец, до Английского парка, небо очистилось совершенно, и ослепительное невидимое солнце засияло в нем беспрепятственно.

Мальчик смотрит на него с некоторым сомнением. Это очень симпатичный, воспитанный немецкий мальчик – серьезное личико, ясный взгляд – ему лет десять, он не верит, конечно, а вдруг все-таки... и спрашивает: «А как это делается?» И этот маленький хвостун говорит поучающим голосом: «Так сразу не объяснишь, надо долго учиться...»

Иногда он совсем наглеет. Перед обедом открывает холодильник и не находит там огурца. Маша не успела купить. Крик ярости и сразу же просьба: «Наколдуй огурчик». Я возмущенно: «Ты с ума сошел... Неужели я так бездарно буду тратить свое колдовство... Огурец можно в магазине купить».

Время от времени он проверяет меня на вшивость, придумывая хитрые задания, но и я кручусь, подобно хитрым авгурам, вот именно, как вошь на гребешке. Оказывается, есть много приемов. Понятно, как держали наивных людей всяческие жрецы и деятели культов. Удачные предсказания и успехи ясновидения бьют в самое сердце, промахи легко объяснимы головной болью, вмешательством черных сил и прочим злом.

В классе у него идет вечный бой с мальчишкой по имени Лоренцо, приходит из школы поцарапанный и даже укушенный, демонстрирует раны, заклеенные красивым детским пластырем, уверяет: «Он первый начал». Через несколько дней спрашиваю, как бы между прочим: «Ты зачем сегодня Лоренцо толкнул?» Таращит глазки: «Когда?» – «А в паузе (здесь так называется переменка). Лоренцо стоял спокойно, никого не трогал, а ты подбежал и его толкнул». Полное изумление: «А откуда ты знаешь...» – «А вот знаю, от меня ничего не скроешь. Я все вижу. Это не очень сложное волшебство. Так что веди себя хорошо». На какое-то время моя квалификация подтверждена. Можно расслабиться.

Приехал из школы бледный, ножки подкашиваются. Лег на диван, болит живот. Стонет и, как всегда в таких случаях, актерствует и впадает в пафос: «Ах, невыносимо, ой, видно, пришла пора прощаться с миром». Я обнимаю его: «Не плачь, не плачь, пожалуйста, я тебя спасу». С некоторым любопытством, сквозь слезы: «А как, как ты можешь меня спасти?» –

«Ну как-как, обыкновенно – волшебством. Ты просто должен мне поверить. Если очень сильно кого-то любишь, он не умрет». Перестает плакать, задумывается и, кажется, забывает о себе: «А ты не можешь так снова полюбить дедушку Вову, чтобы он снова ожил?..»

Каждый вечер одно и то же. Привычное вечернее буйство. Игрушки не убираются, затеваются новые игры, реакции на мое возмущение – никакой. Он меня просто не слышит. Совершенно теряю терпение: «Все...больше я к тебе не приду». Почему-то мгновенно затихает: «Никогда?» – «Да, – отвечаю твердо и глупо, – никогда». И вдруг глаза его наполняются слезами, он плачет в голос: «Тогда давай прощаться. Прощай, прощай навек. Я так буду скучать». Бросается мне на шею: «Ты будешь мне писать?» – «Конечно. А ты?» Натягивая пижамку, он внезапно вспоминает: «Но ведь я еще плохо пишу». – «Ничего. Ты научишься». И, чувствуя, что сама сейчас заплачу, беру на руки рыдающего восьмилетнего мальчика и несу его в ванну.

В этих немецких школах почему-то считается, что ребенка надо особенно беречь от всяких нагрузок, у ребенка «должно быть детство», не надо его дома нагружать какими-то дополнительными знаниями, и мне кажется, что дети, то есть Маша и Дима, придирчиво следят, чтобы я «не нагружала».

«Что такое старый Новый год?» спрашивает ребенок. Приходится объяснять, что в России долгое время сохранялся юлианский календарь, когда во всей Европе давно уже перешли на григорианский, и разница между ними составляет...» – «Не забивай ему голову, – кричит из спальни Маша, – рано ему, он ничего не поймет». – «Почему это. Я все понял. Что тут непонятного». «Ну, и что ты понял?» – интересуется мама, она даже бросила свои дела, пришла к нам, стоит в дверях. «Ну, в России раньше был юлианский календарь, а потом григорианский. И поэтому Новый год празднуют два раза».

«А что такое – до новой эры, что такое – до Рождества Христова?» Рисую линию, вот тут ноль, вправо идет новая эра, две тысячи лет, даже чуть больше, каждое деление у нас

будет сто лет, то есть век, а влево от нуля – это пойдут века до Новой эры, видишь, как бы в обратную сторону. Восторг узнавания и радостный вопль: «О, похоже на шкалу отрицательных чисел!» Быстро рву листок на мелкие кусочки и выбрасываю в мусорное ведро. Родителям может не понравиться преждевременное знание шкалы отрицательных чисел. Не хватало еще, чтобы он проговорился про дробь.

Но знания западают в голову и используются вполне правильным образом. Спускается с горки на санках, но снег сильно подтаял, на горке песчаные проплешины, и где-то на середине санки останавливаются. Разводит руками и сокрушается: «Очень большая сила трения».

Невероятная новость. Открыли десятую планету. «Но, знаешь, может быть, это не планета, а такой большой астероид..., хотя у нее собственная орбита». Очень озабочен.

Кроме планет, всяческих галактик, космических станций и, конечно, звездных войн – как же без звездных войн в наше время, его еще весьма интересует, что же там внутри у человека. С удовольствием рассматривает книжку – красивую, гляцевую, с подробными картинками – о человеческом организме. Сочиняет бесконечные истории про войну загадочных космических пришельцев, в которой, естественно, сам тоже участвует в разных обличьях.

Сейчас у него разборки с какими-то ядовитыми скорпионами. «Я их съем». Я возражаю: «Но они ведь ядовитые». – «Ничего... Они сразу умрут». – «Но в них останется яд, и ты отравишься». Задумывается на мгновение и оптимистически взмахивает рукой: «Пусть...печень с ядом справится». – «Откуда ты это знаешь... про печень?» – «Ну, ты же сама мне читала...» Да, я, правда, стараюсь ему много читать по-русски, чтобы он слышал нормальный русский язык, стараюсь ему объяснять какие-то детали – вдруг он что-то не поймет или поймет не так – читаю, например, фразу: «На деревьях распустились почки».

В моей голове молнией просверкивает история: мой друг-физик читал своему ребенку сказку «Ягненок пошел

к источнику», и дитя, желая уточнить, спросило: «К источнику – тока?», и я, как бы забегаю вперед, объясняю: «Ну... понимаешь, это не те почки, которые у человека...» «Да понятно, понятно, тем более у человека всего две почки, вот тут», и он показывает ладошками, где именно у нас почки.

На днях встречает меня с сияющими глазами: «Слушай, я тебе сейчас расскажу, как получают дети». И начинает рассказывать, причем очень точно – в школе им, что ли, уже объяснили, слово «сперматозоид», правда, он произносит медленно, чуть-чуть запинаясь – действительно, трудное слово.

Разговор незаметно переходит на проблему деторождения в их конкретной семье. Объясняет, почему мама не хочет родить ему брата или сестру, маму он всячески оправдывает, хотя знаю, что ему бы хотелось...

Однажды сидим мы в садике, рядом присели две молодые женщины с детской коляской, младенец спит, женщины увлечены беседой. Он обнимает меня за шею и шепчет: «Давай похитим этого ребеночка». – «Ты с ума сошел, представляешь, как расстроится его мама». – «Но у нас ему будет хорошо, мы будем его любить».

Через несколько дней возвращается к теме: «Придется мне из себя клона делать, брата себе, мама, кажется, никого не хочет рожать. Задумывается. ...Нет, это, наверное, будет очень дорого. Вздыхает. Ну как же, как же уговорить маму?»

Обучение русской грамоте – с немецкой-то нет хлопот, тоже происходит преимущественно в отсутствие родителей – «не надо нагружать», немножко как бы тайно – просто какие-то ранние христиане в римских каменоломнях. Метод такой – мы сочиняем вместе разные фантастические истории, я пишу, он читает и рисует. Такие у нас получаются книжки.

Больше всего в этом процессе нравятся ему почему-то знаки препинания, а кавычки вызывают дикий восторг. «Кавычки открываются», – кричит восхищенно, когда наступает пора произнести герою какую-нибудь реплику. «Кавычки закрываются», – завершающий подскок на месте. Вопросительный и восклицательный знаки не могут выразить все чувства.

«А давай придумаем Кричательный знак». Хорошо. Рисую какую-то загогулину. «А теперь – Выкричательный». – «Ну, Кричательного знака, по-моему, достаточно». – «Нет, это совершенно разные знаки. Кричательный – это когда долго кричать, а Выкричательный – когда выкрикнул и убежал».

Дети слышат слова по-другому, сам язык звучит по-другому. Я начинаю какую-то тут же выдуманную сказку так: «В одной глухой деревне...». Через некоторое время он спрашивает: «А как же они общались?», – «Кто?», – «Ну... жители деревни? Они же плохо слышали». – «Почему ты так решил?» – «Ну, ты же сказала – в глухой деревне. Там, значит, жили глухие люди...» Всякие устойчивые выражения и переносные смыслы еще не освоены, и слова и для меня вдруг приобретают странную чистоту и свежесть.

Мы посмотрели с ним фильм «Призраки Титаника» того же самого Джеймса Камерона, но на этот раз как бы документальный и трехмерный. Для наблюдения трехмерности нам выдали на входе огромные легкие очки. Техника, конечно, замечательная – подводные водоросли шевелятся рядом, любопытный дельфин заглядывает в лицо, со страшным оскалом несется на нас акула. Мы отшатываемся, и я крепко держу его руку. Он со смехом пытается схватить проплывающих мимо мелких золотых рыбок, пальчики протыкают пустоту.

Управляемая камера проникает во внутренности несчастного «Титаника». Прозрачные призраки бродят по роскошным лестницам и залам. В каюте на полочке перед зеркалом стоит стакан, он стоит целый век, обитатель каюты только что прополоскал рот душистой водой и вышел на палубу. Прекрасная женщина подставила лицо ветру, извиваются пепельные пряди стиля модерн, руки легко касаются поручней. Женщина смеется и оглядывается на спутника, он легко и нежно обнимает ее за плечи. А внизу в машинном отделении такие же прозрачные, но потные кочегары бросают в топку уголь, чтобы существовала и плыла вперед эта изысканная непрочная махина.

И все-все, и поручни, и лестницы, и полочка, и стакан покрыты пушистым вековым слоем подводного времени...

Возвращаемся домой, он задумчив и молчалив. Спрашиваю: «Понравилось тебе?» «Нет, не понравилось», – отвечает мрачно. – «А мне понравилось». Удивленно: «Разве тебе не жалко этих людей?..»

У него другие доводы для нравится – не нравится. Для него эти люди, чьи лица приближались к нам из океанской тьмы и снова растворились в этой тьме навсегда, совсем недавно еще были живыми и красивыми – и вот уже погибли. Что же тут может понравиться. Он не понимает...

В метро здесь часто слышна русская речь, как, впрочем, наверное, уже повсюду. Рядом с нами две женщины тихо беседуют, не подозревая, что мы все понимаем. Через проход, почти напротив нас, сидит молодой, обильно черноволосый, крупный мужчина, трудно понять, какой он национальности, но внешность его явно не европейская. На коленях он держит спящего мальчика ангельской красоты – тень от густых ресниц лежит на нежной щеке, яркая смуглая кожа излучает видимое сияние, носик и губы нарисованы столь прекрасно, что глаз отвести невозможно.

И вдруг одна женщина тихо говорит другой: «Вот вырастет такой ангел и станет террористом». В памяти моей тотчас же всплывает «Норд-Ост» и длинные изысканные пальцы «черной вдовы», готовые замкнуть контакты, так и не замкнули, вся эта страшная история остается загадкой. Я еще не знаю, что впереди Беслан и смерть детей в прямом эфире... и далее должно быть только молчание, но...

Две женщины тихо беседуют по-русски и не догадываются, что кто-то понимает их речь, одна женщина тихо говорит другой, глазами показывая на красивого спящего мальчика: «Вот вырастет такой ангел и станет террористом».

А мой наблюдательный мальчик испуганно и внимательно смотрит на меня и шепотом спрашивает: «А что такое – террорист?» Я прижимаю его к себе и молчу. Я сама ничего не понимаю.

Я содрогаюсь от невозможности объяснить ему этот мир.

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Татьяна Жилкина

Тридцать дней февраля

*Рвусь из сил – из всех сухожилий,
Но сегодня – опять, как вчера:
Обложили меня, обложили –
Гонят весело на номера.*

*Идёт охота на волков.
Идёт охота!*

Владимир Высоцкий.

Мальчишка гоняет по берегу футбольный мяч. Иногда мяч резво и гулко прыгает по камням, пытаясь удрать от мальчишки в море. И тогда он мчится вслед за ним, обжигая водой босые ноги. Сквозь светлую ситцевую рубашку «в крапинку», сшитую матерью, его, загорелого и черноволосого, пронизывает свежий ветер, несущий вместе с крупинками белого прибрежного песка запахи омулевой чешуи, влажных смоляных деревянных лодок, рыбацких сетей и канатов, дымка из печной трубы и еще чего-то до боли родного.

...Человек, осознанно или неосознанно, несет в себе все, что он пережил. И в моей памяти на дальней-дальней ступеньке ее, в глубоком колодце воспоминаний живет неотступно ощущение свежести и одновременно тепла того побережья, нагрето-

го щедрым сибирским солнцем, прикосновение в полуденный жар к ладошке, наполненной ледящей пресной морской водой – единственной в мире. Наивная вера в разумность мира.

Но между песчаными дюнами нашего детства, сохранившимся в памяти и у него, и у меня, и – настоящим – пролегла целая жизнь. У каждого – своя. И, как это часто бывает, – встрече предшествовал его величество – Случай.

...Ранним листопадом сентября шесть лет назад по заданию одного из московских журналов я проехала тысячи километров в районе будущей «дороги в XXI век» – Байкало-Амурской Магистральной. И еще прошла, как говорят мореходы, на грузовом теплоходе-лихтере весь Байкал с юга на север и обратно. А прокомментировать историю строительства БАМа с ее потерями и человеческими жертвами, героизм которой явно преобладал не только над экономическим обоснованием, но и просто здравым смыслом, согласился, по моей просьбе, ученый Сибирского отделения Академии наук СССР Геннадий Иннокентьевич Фильшин, с которым меня познакомили в Иркутске.

Он занимался уже давно региональной экономикой, вместе с другими сибиряками разрабатывал программу специального хозяйственного освоения «стройки века», изъездил всю Сибирь вдоль и поперек, а берега священного моря обошел пешком и, вообще, слыл «возмутителем спокойствия» – ученым с независимым мнением, решительностью, смелостью. Словом, человеком нестандартного поведения и непредсказуемых поступков.

Тогда и выяснилось, что наше детство прошло вместе в одном и том же иркутском дворе, покрытом зеленым ковром травы, который, к счастью, сохранился, как и дыра в покосившемся от времени дощатом заборе. Через нее до сих пор так удобно и быстро оказаться на набережной Ангары...

В стране радостно бурлила, захлебываясь вместе с каплей от звонких голосов появившихся надежд на долгожданную свободу, весна перестройки восемьдесят седьмого, а наш первый, рожденный с Фильшиным материал «Уроки правды», был за-

прещен цензурой. Но ведь нам объявили, что мы свободны – не надо ничего бояться, говори, что думаешь, а что думаешь – делай. Запрет был тем более удивителен, что журналы захлестнула волна диссидентской литературы. Но факт есть факт.

Материал увидел свет лишь в июне будущего года в журнале «Байкал», выходящем в далекой от центра столице Бурятии – городе Улан-Удэ. Как сказали бы сейчас, «в ближнем Зарубежье».

По странному совпадению, этот журнал опубликовал когда-то запрещенную цензурой «Улитку на склоне» братьев Стругацких. После той публикации весь состав редколлегии был разогнан! Да простят мне такую смелую аналогию!

Во всяком случае, именно с этого материала началась наша работа с Фильшиным и молчаливое понимание того, что ею будет руководить компетентность, достоверность, искренность и ничего более. Кажется, впервые в жизни я поняла, что такое быть *свободным* в стране несвободы. Ответственность за все, происходящее вокруг тебя – одно из самых личных чувств на свете...

«Урок правды» состоял и в том, что легче пробиться сквозь толщу многовекового байкальского гранита, как, к слову, это сделали мужественные бамовцы, имея допотопную технику и голые руки с кайлом и лопатой! – чем справиться с бюрократической вакханалией и партийным диктатом. Система *отлажена* на «яты!». «Зловещий тандем», по меткому выражению Фильшина, делал свое черное дело, неминуемо ведя Россию к пропасти.

...В мае, в один из первых дней работы I Съезда народных депутатов СССР, Геннадий Фильшин, входивший в число организаторов Межрегиональной депутатской группы и единомышленник Сахарова, буквально прорвался с галерки Кремлевского Дворца съездов, откуда безрезультатно отправил три записки в президиум с просьбой дать слово.

Он стремительно пробежал через зал, вскочил на подмости сцены – на трибуне в это время стоял Горбачев – и, подняв в порыве руки, сказал категоричное «нет!» от имени тысяч

своих избирателей не только безальтернативным выбором Председателя Верховного Совета СССР, но и альянсу Горбачева с Лукьяновым, этим «серым кардиналом перестройки», выдвинутым тут же, минуту назад, новоиспеченным председателем в свои заместители.

«Мы допустили большую оплошность, что пошли на «исключения». Сатира в конце XIX века называла нашу страну «исключительной» в том смысле, что мы ничего не делаем по законам, а все в порядке исключения!» – почти выкрикнул тогда Фильшин.

Позднее он назовет «иллюзией» решить проблему «нехватки власти» безальтернативными выборами Горбачева уже в Президенты. «Реальная власть у партийных комитетов всех уровней, которые вкупе с ведомствами и привели страну к кризису», – заявил он всенародно и как «в воду глядел».

Это был *открытый* вызов самой системе. Запоминали ли поступки тогда мало кому известного народного депутата из Сибири – на слуху были другие имена, – те, кому «положено по штату»? Скажем так: запомнили.

Через полтора года имя Геннадия Фильшина, вице-преьера России, вынесенное волной демократических преобразований на гребень политической власти, неожиданно прозвучало на весь мир в связи с «делом о 140 миллиардах». Его еще называют «фильшинским делом» или «сделкой века», в которой, на мой взгляд, сошлись как в фокусе все наши давно назревшие проблемы. Россия была беременна ими и даже переходила свои сроки.

...И до, и после тревожного начала девяносто первого года мы вели с ним своеобразный дневник происходящего в стране. Он давал оценку событиям и иногда столь увлеченно, что, казалось, забывал о моем присутствии, ставил прогнозы, которые – увы! – почти всегда сбывались. Иногда наш разговор переходил в диалог, случались и споры. Диктофон бесстрастно записывал все, мне оставалось с усердием ученицы-отличницы переносить сказанное на бумагу.

Так складывался наш архив. Из месяца в месяц, из года в год. Время летело стремительно. Случались лишь перерывы в работе, вызванные его неотложными делами или отъездами из Москвы.

...Четырнадцатого января, наутро после кровавой вильнюсской ночи, бессонной для меня, как и для других – своего рода увертюры к наступившей реакции, я позвонила Геннадию Иннокентьевичу из своей московской квартиры по прямому проводу в кабинет, что находился на пятом этаже Белого дома. Спасибо Провидению! – наша связь по телефону ни в те дни, ни позднее ни разу не была нарушена. «Слушали» ли его кабинет? Вероятно. Но я не думала тогда об этом. Даже страшно не было.

Помню его взволнованный голос и наш отрывочный разговор.

– Дела хуже, чем можно представить. Милитаризм остановить не смогли. – И добавил:

– Приезжай. Будем работать.

До скандала со «140 миллиардами» оставалось ровно десять дней...

Меня пропускали в Белый дом беспрепятственно. Бумага, выписанная по звонку в бюро пропусков секретарем вице-премьера, давала возможность спокойно проходить сквозь кордон охраны. Ни один человек, кроме него, не знал о цели визита. Да и никого, кажется, не интересовало мое присутствие в стенах власти. Я была своего рода «невидимкой», нисколько не заботясь об этом.

Сегодня мне может позавидовать любой журналист.

Но и наши отношения друг с другом были построены на полном доверии, что бывает не так уж часто между представителями власти и прессы. Он твердо знал, что я не только верю ему, но и не выдам сиюминутную информацию на страницы изданий, какой бы сенсационной она ни была. Не предам, не куплюсь, не солгу.

Пристрастна ли я к нему? Пристрастна. Не скрываю. Но мое пристрастие основано на том, *что* я знаю об этом человеке, а это, в свою очередь, сродни презумпции невиновности.

Стремлением лишь приоткрыть завесу над «делкой века», тайна которой до сих пор не открыта (ясно одно -она была рождена в кабинетах ГБ и стала лишь звеном в цепочке событий, потрясавших Белый дом) – и продиктовано мое желание опубликовать дневник тех дней.

Итак.

23 января.

Вчера вечером по телевидению программа «Время», прервав на несколько минут показ обычных кадров, сделала многозначительную паузу и сообщила следующее.

В аэропорту Шереметьево-2 у некоего Пола Пирсона, подданного Великобритании, органами КГБ в ходе таможенного досмотра были обнаружены и задержаны документы о сделке. Она была заключена с советской стороны челябинским филиалом производственно-экологической фирмы «Эхо» при международном неправительственном фонде «Вечная память солдатам», а с иностранной – английской компанией «Дов Трейдинг Интернейшнл». Сделка предусматривала продажу 140 миллиардов рублей за 7,756 миллиарда долларов США.

У иностранного подданного находились также письма об оказании содействия контракту, подписанные заместителем Предсовмина РСФСР Геннадием Фильшиным.

Возбуждено уголовное дело. Против кого? «И крылья черные беды»?

24 января

Газеты «Правда» и «Советская Россия» поместили идентичную информацию, ссылаясь на центр общественных связей КГБ. Сообщение ТАСС было уже более подробным и заканчивалось тем, что «поскольку такие операции противоречат законодательству СССР, задержанные материалы переданы на экспертизу Госбанка СССР и Министерства финансов СССР».

Сегодня же в «Известиях» начальник валютного управления, член правления Госбанка СССР Олег Можайсков

в материале «Сколько стоят 140 млрд. рублей?» назвал случившееся, правда, оговорившись, что «по горячим следам», «издержками децентрализации нашей экономической жизни, помноженными на полную юридическую безграмотность, авантюризм и безответственность». «Когда такого рода операциями занимаются кооперативы и отдельные специализированные предприятия, – рассуждает он, – на свой страх и риск, это их дело. Но когда в такую игру включаются правительственные органы, то нагнетание инфляции как бы становится государственной экономической политикой. Ведь заключая сделку по курсу один к восемнадцати, российское правительство берет на себя обязательство выплатить иностранным партнерам 140 миллиардов рублей. Это ровно столько, сколько наличных денег находится в карманах, кошельках и под «матрацами» всех советских людей».

В том же номере газета «Известия» пишет, что «сообщения по телевидению и радио об аресте на Шереметьевской таможне в Москве деловых бумаг вызвали в «южноуральской столице» не столько удивление, сколько недоумение... Оказывается, «Эхо» вообще не существует. Поиск загадочного «Эхо» буду продолжать», – пообещал оптимистически настроенный соб. корр. Г. Щербина.

...Словом, стремительный натиск сенсационных сообщений, дурно припахивающий международным скандалом. В центре внимания – личность Геннадия Фильшина, вице-премьера России.

Мое, чисто профессиональное удивление – возможно ли за одни сутки собрать, осмыслить, написать за письменным столом, наконец, проверить и отпечатать столько материала сразу? Значит... готовились заранее?

Председатель Верховного Совета РСФСР Борис Ельцин после выступления по депутатскому запросу Фильшина на Сессии, как мне показалось, несколько растерянного происходящим, безоговорочно поддержал предложение одного из депутатов потребовать «разъяснения «истории с милли-

ардами» от Центрального телевидения, уровень лживости которого сегодня всем известен – замажут, закамуфлируют и преподнесут выгодным им образом. И не просто потребовать, – сказал Ельцин, – но и выразить протест!».

Однако депутаты решили иначе – «в соответствии с мировой парламентской практикой провести парламентское расследование». Была создана комиссия.

«Российское правительство в моем лице, я *лично*, беру на себя ответственность...» Эти слова Геннадия Иннокентьевича передали по второй программе Центрального телевидения, транслирующего уже в поздний час заседание российского парламента.

Дописываю эти строки и думаю – кто последний раз из наших уважаемых руководителей брал ответственность за что бы то ни было? За Чернобыль взял хоть один человек? Или, может быть, за Афганистан? Тбилиси или Баку? За Вильнюс или Ригу? Само забытое слово «ответственность» прозвучало почти вызовом.

За что же собирается отвечать член правительства России? Что все-таки произошло?

25 января

– Очередная провокация, – голос Геннадия Иннокентьевича по телефону звучит спокойно, даже весело. И добавляет уже для меня чуть иронично:

– Тихого человека бьют...

Наскоро собравшись, мчусь на Пушкинскую площадь в «Московские новости» договариваться о материале – в редакцию, снискавшую известность своим свободолобием. «Главного» – Егора Яковлева – на месте не оказалось. Его заместители советуются за закрытыми, от меня, разумеется, дверями – я сижу все это время в приемной на стуле и слушаю беспредметную болтовню секретарши.

Отказывают: «...будем ждать заключения парламентской комиссии». Вот и получается, как сказал один мудрый человек – свобода, объявленная по радио, отличается от подлин-

ной, как конвертируемая валюта от наших денег – они есть, но на них ничего не купишь.

В «Огоньке», где сразу после II Съезда была опубликована наша беседа «Шаг назад?», встретили радостно: «...ждать не будем, дадим Фильшину выступить».

Сегодня начала работать парламентская комиссия. Фильшин «давал объяснения». Представляю, как тягостно было ему! По его мнению, кампания затеяна, чтобы люди в правительстве боялись что-либо делать. «Если бы я не подписал письма, ничего не было бы. Я буду требовать объяснения от председателя КГБ Крючкова». Тем временем Крючков позволил ознакомиться с задержанными документами, которые являются секретными, только двум членам парламентской комиссии. В ближайшее время депутаты намерены также вылететь в Челябинск для дальнейшего расследования. Это по информации «Российской газеты».

...А вечером над Москвой «во, все края, во все пределы» метет прекрасная январская метель, внезапно обрушившаяся на город. Я еду в заснеженном городском автобусе в Совмин на встречу с Фильшиным после церемонии открытия нового издания Российского университета «Татьянин день», названного в честь традиционного для российского студенчества и отечественной интеллигенции праздника.

Настроение все еще романтически-приподнятое – ведь это и день моих именин! – и даже Белый дом на Краснопресненской набережной, напоминающий своими контурами огромный корабль, кажется, плывет в освещенном прожекторами завьюженном небе навстречу невидимому, но грозному утесу...

В кабинете вице-премьера тепло, светло, уютно. Старинные напольные часы в углу пробили восемь. Спокойствие Геннадия Иннокентьевича, несмотря на все события последних трех суток, передается и мне. И пока он отвечает на бесконечные звонки, вместо ужина прихлебывая из стакана крепкий, горячий, «забеленный» по сибирскому обычаю чай с молоком, я внимательно знакомлюсь с копиями тех самых, арестованных КГБ, документов.

...Среди них несколько строчек письма зам. Предсов-мина РСФСР Г. Фильшина.

Президенту фирмы «Дов Трейдинг Интернейшнл» господину Колину Гиббенсу

Совет Министров РСФСР будет оказывать содействие и поддержку в реализации контракта между фирмой «Дов Трейдинг Интернейшнл» и ассоциацией «Возрождение Уральской деревни» путем кредитного трансферта с последующим реинвестированием полученных инофирмами советских рублей в различные отрасли народного хозяйства РСФСР, имея в виду обеспечение населения товарами первой необходимости.

И вот запись разговора.

– ...Итак, Геннадий Иннокентьевич, ночь, аэропорт, таможня. Мужчины в «штатском». Растерянный и побледневший задержанный пассажир, оказывается английским подданным. При обыске обнаружены противоправные документы. Он собирался перевезти их через границу. Все в лучших традициях детектива...

– Не простого, а советского. Все происходит, как в известном анекдоте: «Слышал? Иван шубу украл!» – «Да ну... Это у него украли». – «А была ли шуба?» – «Кажется, пальто». – «А-а, потом разберутся».

– Когда и как о случившемся в аэропорту узнали Вы?

– Из программы «Время». Заметили, она была как бы прервана на этом месте, чтобы подчеркнуть, так сказать, значительность происшедшего, придания «государственного масштаба».

Знаю, это было сделано по личному указанию Крючкова, хотя в разговоре со мной по телефону он, конечно же, отрицал свою причастность, а на вопрос, есть ли против меня какие-либо обвинения, ответил: «Нет!»

Возможно, сотрудники выслеживали и «вели» английского подданного до таможни. Надо же им поддерживать в обществе «статус» комитета госбезопасности, а заодно и отработать недавно выданные щедрым центром пять миллиардов рублей!

– *Как реагировали на инцидент в Англии?*

– Как на форсмажорное обстоятельство. Это если один из партнеров оказался сумасшедшим, или утонул, или еще что-нибудь случилось непредвиденное. Такое «обстоятельство» как риск предусматривается в контракте. А в многообразии их нашей стране не откажешь.

– *Грянуло новое громкое дело типа АНТа? Вы тот самый «враг народа», решивший разорить страну? Шуточное ли дело – 140 миллиардов! Неужели в самом деле из-за этих вот бумаг, которые передо мной, произведен у англичанина обыск? Даже не верится.*

– Причем самый что ни на есть примитивный, грубейший. И все это было бы смешно, ежели не было так... гнусно. Да, перевозить через границу нельзя *платежные* документы. Но, как я сам сужу по сообщениям, у англичанина был *контракт*! И ничего другого на этой стадии сделки и быть не могло. И никакого права задерживать человека таможенники не имели! Тем более, КГБ. Грубейшее нарушение закона! Не говоря уже, что международным правом вообще запрещено экспертировать контракты, если мы говорим о правовом государстве и коммерческой тайне.

Все, что случилось, не просто сенсационно, это рассчитано на полную несостоятельность и некомпетентность общественности. Не уважаем мы наш народ, принимая его за дурака! Вопиющая безграмотность – назвать контракт «платежным документом»!

Я бы не хотел предвидеть в данном случае развитие событий. В конце концов разберутся, чем занимаются «серьезные дяди» из тех же органов. Речь не об этом. Но всю эту

«историю с миллиардами» я бы назвал «первой реакцией с долговременными последствиями»...

– Судя по документам, идея сделки не нова, а восходит к «плану Маршалла», когда американцы сбывали свои залежавшиеся товары за обесцененные европейские и японские деньги. И вкладывали их в ключевые отрасли хозяйства, создавая на новой технологии соответствующие мощности. «План Маршалла» в русском варианте?

– И идея не нова и давно уже, как говорится, «витают в воздухе». И если бы союзное правительство воплотило в жизнь эту идею лет десять назад – мы бы не имели сегодня столь бедственного положения с экспортом нефти, леса и угля.

– Насколько возможен процесс ее воплощения сейчас при нарушении всех хозяйственных связей?

– Возможен. Но достаточно сложен. И дает возможности, я бы сказал, для различного рода предпосылок и утверждений спекулятивного характера. К ним и прибегают. Можно понавывергивать столько отдельно взятых домыслов и кажущихся убедительными соображений! При глубоком же анализе они окажутся, по меньшей мере, нелепыми.

– В чем заключается технология данной сделки?

– В контракт я не вникал. Это не входило в мои обязанности. Но технологию представляю достаточно четко.

Финансовые группы, в нашем случае Московского отделения Промстройбанка СССР, и английская фирма открывают кредитные линии. Суммы называются крупные, но совсем не обязательно, что они наличествуют в банках. Обе стороны *хотят* выйти на эти масштабы в течение, допустим, трех-пяти лет. Затем на доллары по перечню, который вы видели,

закупаются товары. И доставляются зарубежным партнером до границы. Кредит в советских рублях нужен не только для подтверждения нашей кредитоспособности, но и для оплаты транспорта, охраны грузов, складирования и так далее.

– Каким образом получился тот коэффициент соотношения рубля и доллара – один к восемнадцати, который уже начал муссироваться в печати, как и сама астрономическая цифра – 140 миллиардов?

– Да кто их знает?! На это даже внимания обращать не стоит. Видимо, посчитали всю трехлетнюю программу. Я хочу сказать другое.

Цены на импортные товары, безусловно, должны зависеть от наших розничных цен, ведь продажу производят государственные органы, выплачивая при этом налог с оборота, давая торговую скидку, возмещая транспортные и иные расходы. Но если какие-то импортные товары у нас отпущены на свободные договорные цены, то подобные же товары тоже должны реализовываться по тем же свободным ценам. Если бы Минторг пошел на более низкие цены, уменьшив тем самым разрыв между долларом и рублем, то это тоже опасно. И на дешевые товары создастся бы ажиотаж. Как бы тогда наши предприятия стали продавать свою продукцию, которая, как правило, более низкого качества?

Коэффициент не возникает вдруг, а получается *законно*. А запущенный в средства массовой информации курс соотношения рубля и доллара есть не что иное, как плод чьей-то фантазии и некомпетентности.

Масштабы, которые муссируются, я повторяю, это перспектива нескольких лет...

– Значит, Россия во главе с демократический правительством перешла от слов к делу, пытаясь реализовать новую, отнюдь не социалистическую модель бытия, основа которой – приоритет частной инициативы?

В последние месяцы в Совмине России побывали представители различных деловых кругов Запада. Знаю, что Вы лично участвовали в крупной акции, которую проводил в ФРГ Гельмут Шмидт и бывший министр экономики Великобритании Хили. Выступали на конференции «Восток-Запад» в Лос-Анджелесе. Ходят упорные разговоры, и не только среди новоявленных «патриотов», но и, как мы могли убедиться, в более «компетентных инстанциях» о «распродаже Отечества»...

– Прежде всего, знаете, что выявилось совершенно отчетливо в результате этих встреч? Все крайне обеспокоены обстановкой в нашей стране.

– *Искренне?*

– Очень искренне, потому что прежде всего думают о себе. И понимают, что будет с миром, если на территории одной шестой части его, оснащенной «до зубов» ядерным оружием, начнется крупная заваруха. А мы, скажем прямо, весьма успешно начали продвигаться в этом направлении... Осознали они и другое. Способствовать политике непрерывного кредитования, которую проводит союзное правительство, не просто бессмысленно – *преступно*. Мы проедем, растащим, растранижим все эти ресурсы. Ничего от них не останется. Как проели, растащили, растранижили двести миллиардов знаменитых «нефтяных долларов». Кстати, официальные данные о них так и не были опубликованы. Такая политика делает нашу страну некредитоспособной, да и, попросту говоря, банкротной.

– *Мы непрерывно что-то делим, определяем, разделяем, спорим, сколько, кому, зачем и так далее и тому прочее. Особенно этим отличается наша законодательная власть. Все это напоминает дележ пирога, которого давно нет. Съели и не подавились.*

– И при этом наблюдается гигантский разрыв между денежными доходами населения и неудовлетворенным спросом. В России, по самым скромным подсчетам, он составляет 128 миллиардов рублей, а на самом деле все 150! Представляете, половина денежных доходов не имеет под собой никакого обеспечения. Тут уж дефициты неизбежны самим соотношением.

– А если бы, действительно, было завезено товаров на 140 миллиардов?

– Только бы выиграла и по всем направлениям! Эти средства можно *вложить* в наши стройки в экспортных областях – нефтяной, газовой, лесной, металлургической промышленности. Плюс технологическое обновление производства товаров народного потребления.

Посмотрите, как оголтело напали! И обходят молчанием самое главное – деньги извлекаются из процесса обращения и поступают в инвестиции.

– Сегодня незакрытые проекты измеряются у нас сотнями миллиардов рублей, в том числе в топливной промышленности. Означает ли это, что масштабы организации задуманной российским правительством акции могли бы быть достаточно крупными в случае ее осуществления?

– Безусловно. И у нас есть уже готовые проекты, разработанные учеными в содружестве с представителями местных советов, которые лучше всех знают положение дел на местах в своих регионах.

Вы когда-нибудь задумывались, что такое базовые отрасли? Говоря высоким стилем – это *завтрашний* день страны! А ни у российского, ни у союзного правительства нет сегодня средств для этих отраслей и завтра не предвидится. Такое нищенство во много раз страшнее отсутствия потребительского рынка. Экономика должна быть направлена в *будущее*.

А если нет такой направленности – грош цена в базарный день всем нашим законам, проектам, а заодно и указам «по выходу из кризиса».

– Помните, несколько лет назад Вы рассказывали мне о колоссальных сибирских богатствах, сосредоточенных в районе трассы Байкало-Амурской Магистрали, где я побывала, и не однажды. И о программе «Арктика», вообще сказочно-волшебной, о которой все забыли. Мы тогда вспомнили слова Ломоносова о том, что «могущество России Сибирью произрастать будет».

Почему, например, до сих пор не осваивается Удоканское месторождение меди, которое, по мнению специалистов, внесет крупный вклад в развитие базы цветной металлургии страны?

– И мы приходили с вами к мысли о том, чего нам не хватает. С нашими ресурсами мы пока мало что можем сделать. Ни к освоению недр подойти, ни социальные проблемы решить, ни технологическое переоснащение осуществить.

А сокровища нашей с вами родной сибирской земли – несметные. Будто Менделеев и не составлял вовсе свою таблицу, а лишь чудесной палочкой приоткрыл на миг земляной покров над кладовой природы. Медь, хризотил-асбест, свинец, цинк, никель, титано-магнетит, ртуть, графит, редкие металлы, не говоря уже о золоте и алмазах.

Мало кто знает, что на территории той земли свободно могут разместиться такие государства, как Швейцария и Нидерланды, а плотность населения, правда, до строительства Магистрали, составляла один человек на десять квадратных километров!

Что касается Удоканского месторождения, то оно комплексное. И для получения других элементов, используя опыт того же Норильска, где из руды извлекается до четырнадцати элементов! – нужны глубокие проработки этого вопроса. Нужна и современная техника. Ведь оснащать предприятия, которые

будут давать продукцию в XXI веке, нынешней технологией не просто не разумно, а преступно. Достаточно с нас стыда на весь цивилизованный мир за один только Чернобыль!

Необходимо и тщательно изучить вопросы взаимодействия технологии со средой, которая страшно ранима в этой зоне. Как строить в таких условиях предприятия? Пока неясно. Мы недооценили сейсмику в районе Магистрала и до сих пор пожинаем плоды этой «недооценки». Зачем же, как говорится, «не зная броду – лезть в воду»?

Кроме всего прочего, наша страна не нуждается в меди за счет других месторождений, а Удоканское требуется для мирового рынка. В этом случае нам особенно важно, на каких условиях страны-потребители меди – будут с нами торговать, участвовать в поставке оборудования для предприятий, дадут кредит. Ведь наши капиталовложения на этом участке составят не менее четырех миллиардов рублей. Колоссальная сумма!

– Есть мнение – взять в Удокане лучшие по качеству участки и уйти с Богом с той земли...

– Так рассуждать могут только временщики по психологии, а нам надо все четко рассчитать. На помощь придет наука, что создает все больше новых материалов и способов их использования так же, как и способов передачи электроэнергии, не известные людям до сих пор. Поэтому, я думаю, разумнее всего построить опытно-обогачительное предприятие и на нем все испытывать.

– Одним словом, там, где основа могущества будущей России, все брошено?

– Брошено. И надо восстанавливать несмотря ни на что. Среди других проектов российское правительство имеет в виду и проекты освоения природных богатств нашей с вами родины. К ним все равно вернуться, если не мы и нам «обрубят руки», то другие, идущие следом... А сегодня из-за отсутствия

инвестиций у нас ожидается, например, уменьшение добычи нефти на десятки миллионов тонн. В свое время богатейшая страна Америка и та считала необходимым привлечь иностранный капитал для разработки нефтяных богатств Аляски.

– *Выходит, прирост мощностей, в котором мы практически не принимаем участия?*

– Мы предоставляем рынок. Продать товары и вложить деньги. Но убиваем даже не двух, а несколько «зайцев». Увеличиваем возможности экспортных отраслей и создаем благоприятную обстановку для развития рынка. Поддерживаем инвестициями базовые отрасли. Обеспечиваем товарами и продовольствием народ и такой экономической политикой стабилизируем обстановку. Мне представляется возможным завезти в Россию столько товаров, чтобы они свободно лежали на полках.

– *Но это из области фантастики!*

– Ничего подобного! Но о чем я все время говорю? О том, что все знают, что надо делать, но мало кто знает, что делать *прежде*, а что *потом*. Это моя любимая французская поговорка.

Знаете, чего сегодня катастрофически не хватает России? России не хватает времени, чтобы, высвободив крестьянина и стянув ресурсы в агропром, создать там своими решениями новую экономическую среду. Ведь даже для расширения потребительского рынка необходимо время. У нас там нет даже крупных проектов, заделов. Строек, которые повлияли бы на рынок, мы насчитали на огромной территории России что-то около ста сорока. Из них только» тридцать четыре предполагается ввести в действие в этом году. Надо изменить эти сроки.

Сегодня правительство России готово провести чрезвычайные меры и законодательно. Есть проект закона об иностранных инвестициях, приняты российским парламентом

законы о рыночной инфраструктуре. А вот когда импортные товары будут лежать на полках, надо позаботиться о нашей промышленности. Ведь в чем еще наше катастрофическое неумение хозяйствовать? В том, что блеск долларов и западных витрин создает нездоровый ажиотаж – стремимся, что получше и побыстрее вытащить за рубеж. А нужно *работать*.

Я совершенно уверен, что наших монополистов-производителей надо встряхнуть, да как следует! Встряхнуть так, чтобы они почувствовали, как торговать в условиях *конкуренции* высококачественных и дешевых товаров Запада и «восточных драконов», которые только благодаря конкуренции и пробились на мировой рынок. Кроме пряника – нужна и дубина хорошая. Когда предприятия помучаются, сбывая свою продукцию, им хорошие мысли придут в голову. И о том, что нужно совершенствовать производство, и принимать предложения ученых по техническому прогрессу, и многое другое.

Прямое участие западных инвеститоров, их методы организации проектного и строительного дела – это та школа, которую мы сегодня должны проходить. А деловые люди появятся и у нас. Я в это верю.

– *Значит, «распродажа Отечества» с молотка не состоится?*

– Когда же мы все-таки избавимся от идеологических штампов? Во-первых, мы только говорим о необходимости иностранных инвестиций, но ничего пока не сделали для их реального притока в страну. Во-вторых, кто и почему решил, что продавать предприятия мы собираемся по сметной стоимости, а не по рыночной цене, которая, как известно, может быть во много раз выше. Ну и в-третьих, когда же мы перестанем отгораживаться от мирового опыта?

Вспомним хотя бы послевоенную Германию. Да, американцы скупали тогда за бесценок немецкие марки и вкладывали их в немецкую экономику. А одновременно ввозили в страну новейшие технологии. Проиграл ли от этого немецкий народ? Или, может быть, утратил свою независимость?

– Журнал «Коммерсант» назвал Вас «теневым премьер-министром Межрегиональной группы». Что лично для Вас политическая борьба даже тогда, когда уже, кажется, и сил не остается? Вы убежденный сторонник оппозиции?

– Не оппозиции, а разъяснения позиции. Это точнее. Межрегиональная группа и я как ее представитель сыграли свою роль в разрушении тоталитарной идеологии. По крайней мере, у меня есть убежденность в том, что я ни разу не отступил от своей позиции, не поддался не только на всякого рода соблазны, но и не сделал допустимой попытки сделать круг, чтобы потом вернуться на исходные позиции. И всегда был уверен, что в данном случае непримиримость была важна. Нужно было отчетливо показать, а за что, собственно, идет борьба.

– Вы согласны, что диссидентство как явление подготовило перестройку? Сахарова нам всем подарила судьба. Он пришел, чтобы объединить нас, взять за нас свой крест и нести его до последнего дыхания под улюлюканье съездовской толпы...

– В сущности, сам факт рождения МДГ можно без преувеличения назвать звездным часом демократии в России. Своим влиянием и умонастроениями межрегионалы оказали благотворное влияние на политическую ситуацию в стране, а участием в работе комитетов и комиссий Верховного Совета подготовили радикальные экономические реформы.

– Кажется, впервые в истории парламента вами обоснована идея формирования бюджета как организующей части здоровой финансовой системы «снизу» и начата за него борьба в различных формулировках закона?

– Но ведь я, как и многие мои единомышленники, надеялся, что процесс демократизации пойдет вглубь, удастся сохранить темп преобразований, не допустить сползания к половинчатым действиям. Серьезные просчеты!

Отсутствие опыта творческой законодательной деятельности приводит к тому, что обсуждаются и принимаются законы без глубокого анализа, четкого механизма их реализации, системы подзаконных актов. Нет и правительственных решений, дающих им жизнь. Мало того, само союзное правительство находится в известном смысле в оппозиции к этим законам.

Все законодательные акты и важнейший из них – о собственности – *разрушают* командно-административную систему, отчаянно при этом сопротивляющуюся. А для созидания нужна иная экономическая среда. Но это не осознается.

Иллюзия, что страна и народ продвигаются вместе с демократическими реформами и что такая могучая среда, как технократия, осознает необходимость рационального использования тех огромных прав, которые на нее свалились.

Что касается «леворадикалов», то они создали у народа четкое представление о позициях разных сил и систем, наглядно показали, что попытки компромисса означают либо топтание на месте – либо движение назад. И уход межрегионалов из парламента привел к необратимым процессам. Парламент стал оплотом консерватизма.

...Вы знаете, у меня сейчас такое чувство, может быть, и обостренное всей этой дурацкой историей с «миллиардами» – иначе не скажешь! – но никто не чувствует этой опасности – ни лидеры оппозиции, ни демократы-радикалы, ни народ.

Последствия горьких просчетов этих поистине исторических событий могут оказаться катастрофическими, хотя до сих пор они не замечены общественным мнением Запада. Советологами различных стран им дается поверхностная односторонняя оценка. А все это требует осмысленного взгляда «изнутри», потому что отражает *трагический*, еще не завершившийся процесс перехода тоталитарной системы к рыночным отношениям.

– *Мы с Вами, кажется, отошли далеко от предмета нашего разговора – «сделки века»... Тогда, может быть, вспомним,*

как на II Съезде народных депутатов Вы, опять же первый, потребовали отставки правительства Рыжкова. Сохранилась стенограмма Вашего выступления, которое произвело эффект разорвавшейся бомбы. Год потребовался, чтобы неизбежность этой отставки осознали все, кажется, включая Горбачева...

– Вы обратили внимание, о чем я говорил? О том, что для перехода к рынку нужна совершенно другая финансовая политика, чем та, которую ведет правительство. Тогда я ставил вопрос о военном бюджете. Сегодня он встал с такой остротой, что уже не отмахнуться.

А к «предмету» нашего разговора мы приблизились. Дело все в том, что если год назад была еще *видимость* борьбы за выход из экономического кризиса, то сейчас и видимости нет. Есть открытая откровенная *циничная* борьба за сохранение своей власти. Противостояние очевидно. Покровы спали. Идеологические ухищрения типа «социалистического выбора» еще произносятся, но уже без внутренней убежденности. Мне Горбачев напоминает сейчас некоего жреца с его заклинаниями, который сам ясно видит открывшуюся перед ним бездну.

Борьбой за власть продиктованы и многие указы президента.

– *О том, что процесс перестройки необратим, говорили, кажется, все и на разных уровнях...*

– И еще о том, что у демократических преобразований нет активно противоборствующих сил – армия и военно-промышленный комплекс *уже* существенно влиять на экономику и политику не могут. А коммунистическая партия, «передав», согласно упразднению шестой статьи Конституции свою руководящую роль советам, вообще намерена лишь политическими методами «восстанавливать» свой «пошатнувшийся авторитет» среди народа.

Все это оказалось чистым надувательством! Впрочем, демократические силы всегда знали об этом. И, несмотря на

увещевания, не однажды высказывали тревогу, начиная с трибуны I Съезда. Предупреждал о последствиях грандиозного спектакля, в который вовлечена благодаря телевидению вся страна, и Андрей Дмитриевич Сахаров. Этакое грандиозное шоу, продолжавшееся около двух лет, равного которому в мире не найти...

– *Помните, как Сахаров определил демократические реформы?*

– Помню. Он говорил, что спасение страны – в ее взаимодействии со всем миром и необходимы демократические реформы, затрагивающие все стороны жизни – будущее страны в ориентации на прогресс, науку и личное нравственное возрождение. И нельзя ограничить пути этого возрождения только религиозной и националистической идеологией или какими-нибудь патриархальными устремлениями в духе Руссо.

Никто не должен рассчитывать на быстрое и универсальное решение проблем. Все должны набраться терпения и терпимости, соединяя их, однако, со смелостью и последовательностью мысли.

– *Но он нас предупреждал и о том, что в нашем глубоко циничном, кастовом, больном обществе люди тотально зависимы от государства, и оно проглотит каждого, не поперхнувшись...*

– Сегодня его тревоги полностью подтвердились. События в Прибалтике – это и апогей контрнаступления реакции, и реальное отражение расстановки политических сил.

– *Вы о своем «любимом» зловещем тандеме?*

– Зловещем триумвирате. Военно-промышленном комплексе, работающих на него министерствах и ведомствах и политической монополии партии.

Он претерпевает лишь «косметический ремонт». Несомненно, ослаблены позиции ведомств, никогда уже партии не быть монополистом в области экономики, а тем самым и в области идеологии. Но все организационные структуры, механизмы власти, в том числе экономической, сохранились.

Сам Горбачев – заложник «триумvirата». Созданный им же, по его сценарию и с его участием Верховный Совет – этакий балет политических привидений, приведен им же к полной деградации. К неспособности принимать прогрессивные решения, в которых так нуждается сегодня наше общество! Верховный Совет уже давно выполняет роль некоей *ширмы* для прикрытия реальной власти этих структур, пронизывающих своими щупальцами всю экономику страны на огромной территории, определенным образом взаимодействующих одна с другой, образуя при этом горизонтальные и вертикальные связи.

Президент же, поняв окончательно, что опоры у него нет, пытается создать новые президентские структуры, оказывающиеся «карточным домиком».

– *Но были ли отступления со стороны этих структур, сделанные под напором демократических сил?*

– Тактические – да. Впрочем, к их чести, они довольно стойко их перенесли. А вот стратегия была хоть и примитивней, но намного дальновидней, чем у демократов. И развитие событий предугадано исключительно точно.

Вы не задумывались, отчего это вдруг административные структуры без боя и длительных осад, да еще на альтернативной основе подготовили, приняли и опубликовали закон о местном самоуправлении? Или неожиданно пошли на принятие закона, дающего достаточно широкие и свободные права предприятиям? Да потому, что они в большей степени, чем мы, демократы, осознавали *неготовность* наших предприятий к деятельности, основанной на инициативе и активности.

Трудно и предположить, что при стойкой привычке к де-лежу, предприятия и региональные органы начнут *творчески* подходить к производственной деятельности.

– *Значит, расчет был по-снайперски точен? Под разгово-ры о перестройке и под видом ослабления административных вожжей посеять в стране хаос, а самим, тем временем, отой-ти от лидирующих позиций? Ведь развал в экономике неиз-бежно приведет к развалу в обществе...*

– А там «пошла писать губерния»! Скажется давняя при-вычка к поиску «врагов народа», а ненависть, что гуляет по стране, только и ждет лазейку, чтобы пролиться. Весь тоталитарный режим построен на ненависти. И все рухнет, если мы в ней захлебнемся...

Нарушение же всех хозяйственных связей, политические и экономические эксцессы можно было предвидеть еще в восемьдесят седьмом году, в период созыва XIX партконфе-ренции. Я думаю, что на реформы пошли с расчетом занять места в, так называемых, советах, совмещая партийную и со-ветскую власть. И попрежнему ни за что не отвечать. Одним словом, приспособиться к переходному периоду, сохраняя ведомственные структуры и руководство процессами, проис-ходящими в стране.

Уже тогда для наиболее дальновидных *обреченность* всех реформ на провал была ясна.

– *И вину за развал в экономике и политический разлад в обществе взвалить на демократов. Дескать, «за что боролись, на то и напоролись»?*

– Да. Объявить, что демократизация не дала результатов, а всякие попытки реформ принесли лишь бедствия и разруху. Посему пора возвращаться на «круги своя».

Но сознавая, что им в одиночку не продержаться, даже захватив временно оставленные позиции, они сплотились.

Вытесняя из своей среды радикальные и даже полурадикальные элементы и выдвигая на передний фланг наиболее консервативные.

Поразительна сама степень выживаемости и дальновидности этих структур!

– Недавние события в Прибалтике – это, по-вашему, поражение нашей молодой демократии?

– Поражение. И крупное. И это обстоятельство прекрасно осознано реакционными силами. Впрочем, они давно уже не считаются с парламентом страны в том составе, в каком он существует. И честнее всего ему самораспуститься. Эти силы не обращают особого внимания и на политические движения, новые партии, комитеты, фронты и так далее. И, знаете, почему?

– Догадываюсь.

– Потому что опираются не на силу убеждения, а просто на *силу*. Примитивную. В том числе военную.

– Выходит, не удалось реализовать даже очевидный результат тех преобразований, которые мы назвали «перестройкой – демилитаризацию»?

– Не удалось. Сегодня трудно даже представить, что такая возможность была. Безнаказанность кровавых тбилиских событий привела к повторению их в Вильнюсе и Риге. Уже тогда, в апреле восемьдесят девятого, консервативные силы начали консолидироваться. Сегодня они идут единым строем. Грохот их сапог все явственнее и отчетливей.

– Почему замолчал тогда Собчак? Не довел с комиссией до конца расследование?

– Думаю, что как реалист и юрист он понял – если дело доходит до определенных структур мафии, то в борьбе с ней либо надо опираться на мощную организованную силу – либо понять, что структуры эти пока недосыгаемы. Во всяком случае, на данном историческом этапе. И признать свое поражение...

– Но одиночные выстрелы в Прибалтике прозвучали эхом по всему миру. Их расслышали даже сквозь оглушительные залпы в Персидском заливе.

– Не только расслышали. Они нанесли сокрушительный удар по нашему экономическому сотрудничеству с развитыми странами Западной Европы, Японии, США. Сотрудничеству, которое не только позволило бы нам пережить исключительно сложное время, но и дало бы надежду на технологическое перевооружение, на оживление в экономике.

– Неужели все так беспросветно?

– Есть один момент. Его не мог предугадать самый дальновидный политик-реакционер. Это – стремление республик к суверенитету. Горбачев, несмотря на увеличение своих полномочий, какими не обладает ни один президент в мире, и указы, которыми он осыпает народ, как из «рога изобилия» – не имеет реальной власти. Думаю, он сам это прекрасно понимает в своем агрессивном бессилии.

Реальные же основы политики создаются сегодня в парламентах республик. И никакими «указами» «запретить» национальное возрождение невозможно. Насилие же приводит лишь к братоубийству.

– Вы, известный сторонник суверенитета России и член правительства, говорите о ней? Ведь Россия костью в горле застряла у административной системы.

– Не только о ней. И об Украине. Белоруссии. И, конечно же, о Грузии с Прибалтикой. Но и Россия тоже *колония* тоталитарно-имперского режима. Он погубил ее лучших сынов в застенках ГУЛага. Разграбил природные ресурсы. Восстановление государственности в России – общая часть процесса деколонизации.

Осенью прошлого года была упущена инициатива органов власти России. Вплоть до ноября обстановка еще позволяла реально разделить функции с союзным правительством, не допускать больше положений, когда одни управляют, а другие несут ответственность перед своим народом. Ведь нас стараются обвинить и за критические ситуации, связанные с прошлым!

В октябре на президиуме Совмина России я предлагал приостановить, пусть временно, деятельность союзных органов на ее территории, аргументируя, что это наш *последний* шанс заставить их пойти на передачу ряда функций. Но мое предложение принято не было...

Вслед за тем началась полоса отступления по всем направлениям. Раз за разом у нас буквально вырывали из рук крохи возможностей влиять на экономическую ситуацию в республике, с таким трудом завоеванную возрождением национального самосознания россиян.

Россию упорно, но искусственно противопоставляют другим республикам, что неумолимо ведет к *трагическому* исходу. Совершенно сознательно и целенаправленно проводит такую политику и новый премьер-министр Павлов. Уже первые шаги его говорят о том, что он – «продукт системы» и главная его задача – выполнять возложенные на него Горбачевым функции. А иначе говоря, *жестко противостоять* республикам и, в первую очередь, России. Возникает *национализм* разрушительной силы. Мы еще вкусим его горькие плоды. Общество раскалывается от внутреннего напряжения, как байкальская ледяная глыба...

В такой обстановке время радикальных решений для нас упущено...

26 января

Ожидать ли в Москве танки? Пока известно одно – принят совместный приказ Министерства обороны и МВД, по которому под видом борьбы с преступностью дается право использовать вооруженные силы на улицах городов, в том числе в Москве, меры, предусмотренные режимом чрезвычайного положения.

Эта информация прозвучала на сессии парламента России. О том, кто ее «автор» – сведений нет. «Выступая... один из председателей парламентского комитета...» И все. Но «Российской газете» удалось получить в свое распоряжение этот приказ, за № 493/513, вступающий в силу с первого февраля...

Вот и есть повод подумать о том, в самом ли деле вспыхивающие то там, то в другом месте кровавые конфликты – неожиданность и шок для Горбачева и его окружения? И что во всем этом виноваты безымянные коменданты гарнизонов, которые руководствуются не Конституцией, а уставами гарнизонной и караульной служб?

Не повторился бы на улицах наших городов ужас Вильнюса, Риги, Тбилиси, Баку...

...Спала два часа. Работаю над материалом, вчера записанным на пленку. Дала заголовок «Фильшин атакует!». Вспомнила, позпрошлой осенью газета «Унита» под заголовком «Иль депутате Фильшин ва дечизо аль атако» – «Депутат Фильшин решительно атакует» сообщила:

«Депутат Геннадий Фильшин решительно идет в атаку и предупреждает, что только план чрезвычайных мер может дать результат в экономике и вывести общество из кризиса. Фильшин твердо убежден в том, что экономика еще более будет сдвигаться к “хаосу”, если уровень инвестиций будет оставаться попрежнему низким и не будут приняты сильнодействующие меры к уменьшению дефицита.»

Фильшин кажется пессимистом, когда отмечает, что практически оздоровление экономической системы «блокировано», поскольку вместо того, чтобы дать «большую свободу республикам, регионам, предприятиям на основании закона

о местном самоуправлении, самофинансировании, думают о том, как бы новую систему *втиснуть* в старое ложе». Другими словами, – говорит депутат, – закон предлагает новый *контроль* над старым.

Действуя таким образом, никогда нельзя разрешить тяжелые проблемы, даже если премьер-министр Николай Рыжков будет постоянно повторять: «для того, чтобы вывести страну из кризиса, ни в коем случае нельзя возвращаться на старую дорогу, поскольку она ведет в никуда».

Иначе говоря, следуя русской поговорке: «Сколько ни говори “сахар”, “сахар” – во рту слаще не будет».

...А на нашей родине, в Иркутске, где лежат метровые снега и температура воздуха, по сообщениям синоптиков, переходит по ночам отметку сорок градусов по Цельсию, сегодня состоялся митинг «В защиту Фильшина и демократии». Мне позвонила оттуда по телефону дочь, а из редакции молодежной газеты передали по факсу его резолюцию.

«Последние события свидетельствуют, что в стране происходит правый ползучий переворот, целью которого является возврат в болото тоталитаризма, застоя и провоцирования гражданской войны. Будучи заложником военно-промышленного комплекса и большевиков-полосковцев, Горбачев встал на путь нарушения конституции, удушения демократических завоеваний, дестабилизации экономики и грубого использования военной силы против собственного народа. Союзное правительство Павлова, Язова, Крючкова, Пуго и Кравченко вступило на *опасный* путь. Его агентура спровоцировала конфликт в Прибалтике. Павлов, под видом борьбы с теневой экономикой, грабит народ и подвергает его *унижениям* в период проводимой в настоящее время денежной реформы.

Предпринимается остервенелая атака на средства массовой информации. Пытаются скомпрометировать демократически настроенных руководителей России – Ельцина, Силаева и Фильшина.

Реакция, воспользовавшись ситуацией в Персидском заливе, силится взять реванш за свои поражения и предотвра-

тить дальнейшее разоблачение режима за все семьдесят три года незаконного правления».

...Точнее не скажешь.

28 января

В «Огоньке» неожиданно отказали в публикации нашей с Фильшиным беседы. Причина все та же: «...подождем заключения парламентской комиссии по «делу о 140 миллиардах»». Об этом сказал заведующий отделом внутренней политики журнала Георгий Рожнов. Впрочем, решает не он.

Все ясно. Боятся не попасть «в струю» – вот тебе и независимая пресса! Еще как зависима, и от собственного унижительного страха, в первую очередь. Отсюда всевозможные красноречивые оправдания, вроде: «... для пользы дела». Словом, «и нашим – и вашим».

Мало кому дано иметь мужество, не соотнесенное с выгодой!

30 января

Сегодня в «Российской газете» небольшое интервью с Фильшиным под броским заголовком «Нас хотят запугать». Один из вопросов корреспондента звучит так:

– «Дело Фильшина» очень напоминает историю с АНТом: и цели примерно одинаковые, и силы, раскрутившие скандал, одни и те же. Если АНТ защищали буквально со слезами на глазах, то вашу сделку стараются всячески опорочить. Чем объяснить такое непостоянство союзного правительства?

– Политикой. Республикам всеми правдами и неправдами не хотят давать власть. И никого не волнует, что в результате страдают люди!»

Монополистический центр просто упивается своим законодательным целомудрием последних дней и, кажется, добьет в зародыше рыночные потуги России. В ход пущено все – от старых запретов до нового указа Горбачева, позволяющего КГБ неограниченно вмешиваться еще и в экономику.

Пресса судачит на сто рядов, пугая западными предпринимателями наше робкое воображение – нечто вроде засилия на Руси инородцев – взвоешь тут! Скандал на весь мир.

У Фильшина, слава Богу! – с юмором и в эти дни все в порядке.

«Представляешь, – сказал он мне, – приходит на таможду десять вагонов, битком набитых сторублевками. Вся имеющаяся в стране наличность ограничивается 130 миллиардами. Кто-то подсчитал необходимое для них количество вагонов.

Кому они нужны, такие астрономические суммы? Ни на Западе, ни нашим внутренним теневикам. На них нечего купить у нас в стране.

С какой стороны ни посмотри – сплошная глупость получается. Если же к сказанному добавить бесчисленные нарушения законов, которые выявили эксперты союзного Госбанка и Минфина, то поневоле приходишь к выводу – все так специально и задумывалось, чтобы на первом же контрольно-пропускном пункте схватили за руку. Грязная работа.

А Комитет госбезопасности, как всегда, действовал не по собственной инициативе...»

31 января

«Почти детективную историю со многими вопросами и отсутствием ответов» рассказывает лондонский корреспондент «Известий» Кривопалов. Ведь должна же была, по его словам, «сделка века» как-то аукнуться на Альбионе!

...Подобного рода сообщениями наполнены в эти дни все газеты – и «левые, и правые». Каждый дует в «свою дуду». Можно подумать – на свете нет ничего загадочней «сделки века», а в несчастной России – проблем.

...В моем родном Иркутске мои родные дети получают на руки по «талонам» – и уже не первый год! – триста грамм сливочного масла и один килограмм «мясных продуктов», включая кости для варки супа, в... месяц.

По сообщениям Прокуратуры СССР, которая вкупе с КГБ «намерена проводить расследование», возбуждено уголовное дело. Сегодня информация об этом официальная.

1 февраля.

День рождения Ельцина. Юбилей. Шестьдесят лет. Но в коридорах Белого дома, где я нахожусь, прячется тревога. Геннадий Иннокентьевич сказал мне сегодня буквально следующее:

«Устроили детектив, а в уголовном деле, что завели, никто не будет привлечен даже в качестве свидетеля. В «компетентных органах» шум подняли большой без всяких на то оснований. Нет у них ничего за душой! И ко мне они не могут обратиться как к свидетелю, поскольку никакой сделки между теми организациями, которые я называл, вообще нет.

Только что я говорил с Кравченко по телефону. Предложил встретиться «за круглым столом» во «Времени» в такой компании – Крючков, главный редактор «Советской России» Чикин и я. И мы, вообще говоря, побеседовали бы по душам. И люди поняли бы, кто есть кто и для чего, собственно, все это делается. Мне кажется, это было бы очень полезно для будущего, в том числе и уважаемой организации, чтобы она такими соплями не размазывала бы саму себя...

Пока у нас еще не демократия. Кто-то едко пошутил: «Демократия так же отличается от демократизации, как канал от канализации». Мы ее, демократию, только еще строим.

Но все же на календаре не тридцать седьмой год! Просто так людям заткнуть рот уже нельзя!»

2 февраля.

Вчера на заседании сессии российского парламента, которое больше смахивало на импровизацию, производимую оркестром без дирижера, Иван Силаев, глава правительства России, обвинил союзное в том, что оно, несмотря на подписанное соглашение между центром и Россией, до сих пор не выделило валютные средства на закупку продовольствия.

И добавил, что в этой критической ситуации особенно неуместными выглядят подозрения в незаконных сделках. Ничего противоправного, подчеркнул он, члены правительства не совершали.

И все. Обычный набор обычных «вежливых» слов. А ведь мог бы и защитить своего вице-преьера! Благо, трибуна была. Увы!

4 февраля.

Сообщение в прессе, да так торжественно, как будто орден Ленина вручали: «Присвоить воинское звание генерал-полковника министру внутренних дел СССР тов. Пуго Борису Карловичу».

И подпись: «Президент СССР Михаил Горбачев. Москва. Кремль».

А под указом комментарий одного из руководителей спецслужб, начальника УКГБ по Москве и Московской области Виталия Прилукова по поводу сообщений о запланированной на ближайшие дни тотальной проверке деятельности совместных предприятий:

«Московские чекисты такого задания не получали. Как известно, КГБ привлечен Прокуратурой Союза к следствию по «делу о 140 миллиардах», но это особый разговор.

Домыслы о каких-либо тотальных проверках, облавах с участием чекистов, по-моему, распространяют определенные средства массовой информации. Мы ведем борьбу с организованной преступностью, экономическим саботажем, как того требуют Указы Президента Горбачева. Но эта оперативная работа не имеет ничего общего с повальными обысками, хотя кое-кто пытается представить так».

5 февраля.

Утро. Слякотное, слякотное. Метельное, метельное. Вдруг неожиданно подумалось – семнадцатого июля восемнадцатого года убили зверски не царскую семью – растерзали Россию в тот день и час. И Бог не простил.

6 февраля.

Газеты, что принесла утренняя почта, пестрят заголовками: «Найден человек, разыскиваемый ИНТЕРПОЛом». «Дело о 140 миллиардах продолжается»...

Вчера вечером «по собственной инициативе» начальник следственной части Прокуратуры СССР А. Сбоев и первый заместитель руководителя постоянной следственной группы при прокуратуре СССР В. Калиниченко познакомили группу журналистов с материалами о ходе следствия по уголовному делу № 18/5922-91, известному как «дело о 140 миллиардах».

Ну и цирк же был!.. Оказывается,

...Колин Гиббинс *разыскивается* ИНТЕРПОЛОм по заявлению Национального розыска Великобритании за таможенное и акцизное правонарушение, превышающее триста тысяч фунтов стерлингов. В Англии его ожидает тюрьма. Или, как говорим мы, русские, «плачет по нем тюряга». А в Америке и того пуще – «пожизненное заключение». Нашу страну он посещал, «более сорока раз», в одной из столичных гостиниц имеет постоянный офис и совершил несколько сделок. Следствие считает, что «в данной беспрецедентной по масштабам операции он выступал в качестве прикрытия для западных фирм, не пожелавших афишировать своего участия в сомнительной сделке».

«Материалы свидетельствуют и о другом. Ряд причастных к контракту должностных советских лиц обращались с просьбой о предоставлении им многократных виз для выезда в ЮАР, Швейцарию и Англию, а – цитирую по официальной справке: «за переадресовку этой сделки одному из швейцарских банков, подозреваемому в отмывании денег колумбийской наркомафии, Колин Гиббинс по подписанным им обязательствам должен был открыть счет в швейцарском банке на имя руководителя одной из организаций на сумму три миллиона долларов».

Уф... Еле написала все это, как будто ушат грязных помоев на себя вылила.

Фамилии на пресс-конференции не прозвучало ни одной – ни «должностных советских лиц», ни «руководителя», ни названия «организации».

7 февраля.

В клевете и подозрительности «перещеголяла» всех уважаемая «Советская Россия», любимая газета наших «патриотов и радетелей за народное дело». Не гнушается и «пикантными подробностями», работающими как нельзя лучше на обывателя.

Оказывается, при Поле Пирсоне была вовсе не его спутница – англичанка, которую вместе с ним обыскали «вплоть до швов на одежде» наши доблестные мужчины «в штатском», а «некая московская девица, выполнявшая весьма определенные обязанности при жуликоватом мистере».

О времена! О нравы! На этой странице – фотокопии двух документов. Один из них содержит знаменитые «семь строк Фильшина» вместе с его подписью. А другой? Что это?

9 февраля.

Заявление вице-премьера России Геннадия Фильшина: «В последнее время развернута кампания по дискредитации меня как члена правительства и самой возможности решить сложнейшие проблемы, с которыми столкнулась республика, за счет внешнеэкономической деятельности. При этом характер кампании все в большей степени приобретает черты хорошо известных процессов тридцатых годов, когда выяснение истины умело отодвигалось на задний план, а все внимание сосредотачивалось на том, чтобы ошельмовать неугодных людей, а вместе с ними их дело.

В связи с этим как член правительства России и как народный депутат СССР считаю необходимым заявить следующее.

Сама по себе идея насыщения внутреннего рынка импортными товарами и продовольствием стара, как мир. Наша страна, во всяком случае последние десятилетия, только на этом и держалась. Весь вопрос – чем расплачиваться?

До последнего времени союзное правительство пускало в ход природные ресурсы, прежде всего российские, и благополучно проело двести миллиардов нефтедолларов, так и не

создав в отечественной экономике современные мощности, которые бы работали на потребительский рынок.

Теперь этот источник иссяк. Кинулись искать кредиты. Но под что? Уже сегодня львиная доля валютных поступлений идет на погашение долгов. И даже не самих долгов, а процентов по ним. Минувшим летом страна едва не была объявлена банкротом. Вполне закономерно, что в таких условиях непосредственное привлечение иностранного капитала в отечественную экономику – один из немногих реальных способов борьбы с ее окончательным развалом.

Возникла эта идея не вчера и даже не позавчера, а, как минимум, в начале прошлого года, когда российского правительства в его теперешнем составе еще и в помине не было. Зародилась и оформилась она в недрах союзного правительства и как раз в том виде, за который ухватились нынешние разоблачители, – в форме покупки долларов за рубли по нынешнему курсу.

Надо сказать, что аналогичные проекты предлагались и нам, однако были отвергнуты прежде всего потому, что представляли слишком большую свободу иностранным инвесторам, не позволяли эффективно контролировать их деятельность.

В основу своей политики в этой области российское правительство положило так называемый «План Маршалла»...

Полностью текст Заявления опубликовала сегодня «Российская газета»...

10 февраля.

Девять часов утра. Читаю Геннадия Иннокентьевичу по телефону сводку новостей агентства «POSTFACTUM».

– Депутаты блока «Коммунисты России» собирают подписи российских депутатов по созыву внеочередного съезда с тем, чтобы выразить вотум недоверия Ельцину. Говорят, собрано уже триста подписей.

И еще. Это касается уже комиссии, занимающейся разбирательством сделки. Сообщается, что в ней есть и объективные люди, и заранее ориентированные на Вашу дискре-

дитацию. Все те же представители парламентской группы «Коммунисты России». Они и подняли вопрос о сделке и развели вокруг него разные инсинуации.

Слышу спокойный голос Фильшина:

– Это для меня не новость. А вот «Советская Россия» развела уголовщину. За заведомо искаженное освещение событий ей придется отвечать по суду! Тут есть чем ей ответить. Настаиваю на пресс-конференции.

11 февраля.

Короткий диалог по телефону после обычного приветствия:

– Когда состоится пресс-конференция?

– Не решено. Звони.

– «Огонек» до сих пор выжидает заключения парламентской комиссии. Наш материал уже две недели лежит в редакционном столе.

– Это понятно...

12 февраля.

...За широкими окнами в утреннем тумане вместе с медленно выкатившимся солнцем над Москва-рекой как бы нехотя поднимается морозное снежное утро.

Секретарша приносит на подносе два стакана чая, «забеленных», по нашей просьбе, молоком и исчезает. Бьют часы. И снова тишина. Все, как обычно. Но предчувствие – вижу из окон Белого дома этот пейзаж последний раз.

Сидим с Геннадием Иннокентьевичем в его кабинете в креслах за маленьким и удобным журнальным столиком перед включенным диктофоном. Что-то вроде «мини» пресс-конференции, которая так и не состоялась, несмотря на его просьбы.

– *Начнем с главного. Какие события, лично для Вас, предшествовали разразившемуся скандалу?*

Слухи, как призраки, один страшнее другого, ходят по Европе. Что в них правда, а что откровенная ложь?

– События, которые включают в себя полтора часа времени одиннадцатого января. В этот день в мой кабинет зашел член правительства, министр торговли России Хлыстов с представителями ряда российских «глубинок» из Тюменской, Курганской, Иркутской, Челябинской областей.

Сославшись на ранее имеющуюся договоренность, что в поисках выхода из «товарного голода» мы будем вместе привлекать западных инвесторов для продажи на советские деньги товаров первой необходимости, – а во время командировок в США и ФРГ я пропагандировал этот способ сотрудничества как единственный выход России из тупика в сегодняшних условиях! – он передал мне письмо в адрес Совмина с аналогичной просьбой. Гарантируя при этом и письменно, и устно «чистоту сделки». Не доверять ему, как вы понимаете, не было никаких оснований.

В другом документе, – а они перед вами, – посредническая фирма «Дов Трейдинг Интернейшнл» в лице ее президента Колина Гиббинса подтверждала министерству торговли *готовность* поставить продовольствие, одежду, потребительские товары и технологии для ускорения производства продукции в таких областях, как сельское хозяйство, машиностроение, горнодобывающая промышленность, производство электробытовых приборов, энергетика... в согласованное место и сроки в течение этого года. При этом, «где возможно, стремиться к бартерным сделкам с тем, чтобы сохранить твердую валюту для РСФСР», гарантируя министерству не только контроль за поставками, но и выбор товаров.

В бумаге с обращением в Верховный Совет и Совет Министров России за подписью президентов фирмы «Возрождение Уральской деревни» и вышеназванной посреднической, «основным заказчиком в данной сделке «выступало» Министерство торговли РСФСР.

Сразу и конкретно шла речь о возможности поставки продовольствия на восемьсот миллионов долларов, одежды и обуви на двести двадцать, о которых я вам уже говорил.

Речь шла об обычной сделке, причем не крупномасштабной, хотя заявок от зарубежных партнеров поступило немало. Уже в феврале мы получили, например, предложение на два миллиарда долларов от компании «Интернейшнл Трейд Инк» из Америки, которая также намерена вложить крупные средства в российскую экономику в полном соответствии с нашими условиями. Хотя и эта, не «крупномасштабная», сделка могла бы стать серьезным вкладом в наше бедственное положение и никакого бы ущерба народному хозяйству не нанесла.

Мы даже подсчитали, что реальный коэффициент после вычета налога и торговой скидки составил бы один к трем, один к пяти. Это три-пять процентов общих инвестиций на территории России...

Правительство в моем лице, рассмотрев вот эти документы, выразило поддержку самой идеи между, по сути дела, частными фирмами. И моя подпись стоит под совершенно нейтральным документом.

Можно читать этот текст *вдоль*, можно – *поперек*, но никуда не уйти от того, что он содержит лишь предварительное одобрение намерений сторон и равным счетом никаких юридических обязательств для правительства России. Напротив, в нем совершенно четко изложены ограничения. И это ясно мало-мальски грамотным экономистам. Есть об этом и официальное заключение экспертов, подписанное министром юстиции России Николаем Федоровым.

– *И все-таки, какие ключевые позиции содержат те семь строчек Вашего письма, которые, судя по событиям, войдут в историю криминалистики?*

– Их три. Правительство в моем лице не является ни гарантом, ни посредником, ни, тем более, одной из сторон. Но тем не менее, я уважаю закон и не посчитал нужным рассматривать возможности контракта. Повторяю, он является коммерческой тайной. А ссылка на кредитный трансферт говорит о том, что никакого *обмена валюты* и быть не могло. Деньги

должны быть использованы для строек России. Расплата же с английской фирмой производится частью продукции, произведенной на новых мощностях.

И третье – самое главное. Сделка направлена на обеспечение народа товарами первой необходимости.

...В информации же Прокуратуры СССР говорится, что есть документ с моей подписью, где указаны конкретные шаги по реализации контракта. И мы, вроде бы, обещали «Дов Трейдинг Интернейшнл» беспоплащенный ввоз товарной массы на сумму до десяти миллиардов долларов. Я утверждаю – это *фальшивка*.

В действительности я от руки написал на документе, что поручаю Лыскову создать рабочую группу, которая составила бы список всех регионов, где можно было бы продать импортные товары. И выбирали регионы, где положение самое тяжелое. В Коми, например, шахтеры получают по пятьсот граммов мяса в... месяц.

Если уж я создаю рабочую группу во главе с членом правительства, то, наверное, она не пропустила бы ничего, что могло быть истолковано как нарушение законов.

Но самое интересное было впереди. Сделка, которая состоялась через *два* дня, содержала уже *другие* условия...

Об этом информировали меня уже позднее в парламентской комиссии. И я даже в них не вникаю. По-видимому, они и содержали 140 магических миллиардов.

– *В таком случае, разве юридически Ваше письмо можно было использовать на любой стадии сделки?*

– Нет. Условия, что содержались в письме, были нарушены. И юристы подтвердили это. Я не могу знать, кто их изменил, но повторяю – они были изменены.

Я знаю другое. В Швейцарии, действительно, есть фирмы, которые готовы поставить нам товары и продовольствие на нужную сумму. Они готовы к отправке. Оттуда пришел факс с протоколом о намерениях. Так что сделка может быть продолжена, несмотря на скандал. Это – реальный процесс.

Также возможно, что именно Колин Гиббенс, с которым я, кстати, ни разу не встречался и, естественно, избегал встреч, является посредником и в этой сделке. И связан со швейцарскими фирмами. Повторяю, не исключено.

– Но фигура человека, который, по данным гебистов, несколько раз переходил границу, связан с колумбийской мафией и разыскивается ИНТЕРПОЛом...

– ...и оказывал услуги нашему военно-промышленному комплексу – есть и такие сведения, – вы правы, совершенно одиозна. Тогда нетрудно представить, чьи интересы он мог защищать.

Вот и вся разгадка.

– Значит, это – задуманная по соответствующему сценарию провокация спецслужб, и интуиция Вас не подвела с первой минуты? Занимаясь много лет журналистикой, я могу вспомнить, когда дела подобного рода, раздувшись от объема мыльного пузыря до воздушного шара, с треском лопались. Но и судьбы человеческие уносили с собой. Боже, какой убийственной силы общество мы построили! Вам не страшно, совсем-совсем?

– Дело все в том, что наши грамотные программы стабилизации рынка, конверсии, возрождения села породили у народа вполне обоснованные надежды. А правительство оказалось парализованным. Противоречие между выданными обещаниями и невозможностью их выполнить с каждым днем нарастает. Можно, конечно, делать вид, что все в порядке, сидеть и ждать... Но это не в моем характере. Бег на месте никогда не был моим любимым видом спорта.

Это вам ответ на вопрос, страшно ли мне.

Провокационный же сценарий мне представлялся наиболее вероятным, хотя, естественно, я не могу привести сегодня каких-либо доказательств в отношении английского подданного.

Зато насаждение агентуры в Белом доме – это факт. Инспирированная против меня кампания наглядно показала, что сейфы российского Совмина не гарантируют тайны. Прослеживается, просматривается и легко поступает на Старую площадь, а оттуда и в соответствующие органы печати Старой площади вся наша переписка, и не только секретная, а, так сказать, рабочая, «исходная» документация.

Беззастенчиво передергивая и подтасовывая полученные сведения, партийная пресса и телевидение развернули настоящую травлю.

– Вы говорите о той самой фальшивке, что была «подана» глазами «архивиста» с «необходимым пояснением»: «Из письма мистера Гиббинса российскому правительству и резолюция Фильшина» на страницах «Советской России» седьмого февраля?

– Не только о ней. Но этот «уголок», на котором пишется обычное служебное поручение, был... сфотографирован. Разумеется, его вынули из сейфа для этого. Но главное – эта бумажка чудом сохранилась. И написана не мной, как сообщает об этом «Советская Россия», а заведующим рефертурой по внешнеэкономическим связям Векшеном – он признал свою подпись! – и по другому поводу, не имеющему никакого отношения к «сделке века».

Газета «овладела» и другой бумагой через канал, который легко прослеживается. На ней стоит моя виза: «Для сведения и осмысления». Но ни Ярошенко, ни Новиков, кому она адресована, не видели эту бумагу.

Кроме того, в различных документах очевидны подделки дат.

– Все, что Вы сейчас рассказываете, не просто мерзопакостно. Говорят, каждый век имеет свое средневековье. Так выходит, наше средневековье не завершилось тридцать седьмым, а грядет по нарастающей? Вы можете себе представить, кто и когда занимается этим? Французы говорят, «предают свои»...

– Мы провели служебное расследование. Думаю, что провокация началась с осени. И я даже могу в нужный момент доказать, что действует не один человек, а разработана целая *система* слежки, в которую включены и подслушивающие устройства. И люди, предлагающие миллиарды, тоже ссылались на поддержку этих органов. Готов подтвердить свои слова при свидетелях, назвать имена и даты...

Есть и другие основания считать, что «делка века» – не просто заранее спланированная акция спецслужб, но, и, к великому сожалению, возможно с участием подведомственных Совмину России организаций и отдельных работников.

...Вы знаете, я в какой-то степени фаталист. Все, что произошло – должно было произойти. Впервые в истории страны правительство России выбрано демократическим путем, а не представляет номенклатуру партийного аппарата.

Цель этой акции еще и в дискредитации меня как специалиста и профессионала, человека не только известных взглядов, но и поступков.

Почему, вы думаете, поднят такой скандал вокруг никому не видимых миллиардов, той «шкуры неубитого медведя»? Так оголтело кинулась на него пресса? Я не говорю о «Советской России», которая давно показала миру свое истинное лицо. Но ведь и в «Известиях» основные положения моей беседы с корреспондентом Жагелем «Мы должны позаботиться о России» – исключены. Я вынужден был поставить об этом в известность редакцию. А материал все равно был опубликован. Видите, что делают! Ничем не гнушаются.

Главное в скандале – ударить по инициативе, по российскому правительству, а заодно и по Ельцину. Известно, что «короля играет свита». Неважно, *что* подумают о них профессионалы и деловые люди Запада, с которыми мы только-только начали налаживать связи. Не пущать! Бить по рукам! Как же – посягнули на священную корову – уже проводят разграничения функций с центром. А там – не приведи, Господи – само решит распоряжаться продажей своих ресурсов на внешнем рынке – караул!

Наши союзные структуры и Горбачев, кажется, вообще утратили способность *предвидеть* результаты своих действий. Доведя вместе с правительством Рыжкова-Павлова страну буквально до голода и нищенства, они препятствуют тому, что Россия ищет выход.

И в очередной раз ей не позволили найти его, так же, как обманули и изъяли валютные средства для импорта товаров первой необходимости.

Если и дальше будет так душиться любое действие, направленное на активизацию внешнеэкономических связей, – последствия для страны непредсказуемы. И скандалы, искусственно раздуваемые, не придадут западным партнерам готовности помочь нам.

Преследовалась цель и запугать российское правительство, заставить работать «с оглядкой». Показать, *кто* сегодня контролирует ситуацию в Совмине. И методы грязные. Хотя я вполне допускаю мысль, что и среди наших посреднических фирм и организаций есть люди, нечистые на руку.

– Насколько я знаю, Вы не из пугливых. Вспомнить хотя бы перипетии предвыборной борьбы в Иркутске. Уж что только не делала коммунистическая номенклатура, чтобы опорочить Вас...

– Я-то не из пугливых. И нервы крепкие. Мало того, дискредитация моего имени вряд ли выгодна тем, кто организовал эту кампанию. Огромными усилиями в сибирском регионе, который я представляю, произошла, может быть, на людских бедах и нищете, – консолидация сил. Делаются первые шаги к потребительскому рынку, к конверсии, внешнеэкономическим связям. Но кому-то не живется без конфронтации и уж сильно хочется подкинуть дров в тлеющий костер.

– С уходом демократов из союзного парламента на хозяйственную работу там образовалась явная брешь. Все реже слышен голос тех, кто говорил правду...

– Зато все настойчивее те, кто сам ведет острейшую политическую борьбу, не гнушаясь фальшивками и провокациями. Это они стараются убедить народ, что «сначала экономика, а политика – потом». А ведь яснее ясного – без политической борьбы экономические сдвиги в обществе невозможны.

– *XX век называют веком России. Кажется, она не сказала еще своего слова. Как, по-Вашему, есть возможность пойти ей мирным путем саморазвития? Или произойдет непоправимое – силовое давление национального движения, какое мы наблюдаем в других республиках?*

– Я не пророк. Хотя прогнозы мои неутешительные. Диктатура, которая стоит у дверей, вызовет на местах противостояние до уровня невиданного. Людям дали глоток *свободы*. Они не позволят отнять его. И возврат к прошлому невозможен при любом повороте событий.

Однако, последствия прибалтийской трагедии непредсказуемы. Либо укрепится *реакция*, возникнет странный и противоестественный *симбиоз*, и это будет трагедией для общества. Либо – дана *передышка* республикам. В том числе России.

Как и помощь Запада, передышка нам нужна еще и для того, чтобы не пытаться заставлять работать предприятия по старой схеме, по указке. Это мы уже «проходили». И делить нечего. Все разделили. И бюджеты все отдали. Просить не у кого.

Худо-бедно, а мы все-таки меняем в республике экономическую среду, которая уже давно не вписывалась в цивилизованный мир. Сделаны первые шаги – делегированы права регионам. Они начинают понимать, что выше их интересов у правительства интересов нет. И брать на себя ответственность. Появились первые ростки самоуправления. Начался процесс акционирования крупных предприятий.

И если Судьба даст России какое-то время продержаться, мы реализовали бы программу потребительского рынка и возрождения городов, а с помощью той акции, о которой

я рассказал, терпеливо довели бы ведущие экономические структуры до дееспособности.

Напор реакции надо выдержать, несмотря ни на что. А Россия выбрала свой путь бесповоротно.

13 февраля.

Сижку, не поднимая головы, за письменным столом. Движет надежда – на что? Или точнее, почти детская вера в разумность мира.

Вспоминаю, Геннадий Иннокентьевич рассказывал недавно о своих корнях. Он – из лихой казацкой вольницы, наложившей, несомненно, отпечаток и на характер, и на судьбу.

...В прошлом веке молодой кубанский казак Иван Фильшин с отрядом таких же служивых людей, как и он сам, прибыл на юг Читинской области в станицу Акша. Надо сказать, с одной целью – «живота не пожалеть для защиты границ отечества». Там и женился. На красавице-монголке. С них и ведет отсчет забайкальский род Фильшиных.

И дед Алексей Иванович был казаком, и отец Иннокентий Алексеевич унаследовал от родителей не только смуглость материнской кожи, темный цвет глаз и волос, но и «фамильную» профессию мужчин рода. На памяти сына, возможно, дедовы брюки с лампасами и «задиристая» кубанка, в которой отец гарцевал на коне.

И мама Анастасия Ильинична из казацкого рода Железняковых.

Вообще, их род известен в истории. Во время гражданской войны Фильшины, составлявшие большую часть жителей Акши, оказались по разные стороны баррикад. Одни служили в Красной армии, другие – перешли на сторону белых, а в Чите до сих пор стоит памятник командиру партизанского отряда Георгию Фильшину.

...Родился Геннадий Иннокентьевич в Забайкалье, в станице Малита. Это неподалеку от Акши. Репрессии тридцатых годов еще в самом их начале докатились от центра страны до забайкальской станицы.

Арестовали отца. Единственное обвинение против него – принадлежность к офицерскому сословию – и то оказалось ложным. Отец был простым казаком, но многое знал, умел, тянулся к грамоте.

Вскоре был выпущен, видимо, из-за малых детей в семье. Но ему запретили не только учиться на родине, но и работать. Так они оказались в Иркутске...

...Уже к вечеру звоню Фильшину в кабинет узнать новости. Слышу:

– Работаешь?

– Работаю.

– Правильно делаешь. Но будь готова...

Я так и не спросила ни о чем больше, а вечером программа «Время» сообщила о его отставке.

14 февраля.

Под заголовком «Продолжается «отстрел» правительства. Явлинский, Фильшин... Кто еще на мушке?» «Российская газета», которая старается по возможности объективно освещать события, публикует «Заявление заместителя Председателя Совета Министров РСФСР Г. И. Фильшина об отставке»:

«Председателю Совета министров РСФСР

И. С. Силаеву

Уважаемый Иван Степанович!

Антиправительственная политическая кампания, развернутая определенными силами вокруг моего имени, еще раз убеждает меня, что планомерно осуществляется заранее разработанный сценарий по дискредитации не только отдельных членов Совета Министров РСФСР, но и в целом программ и действий российского руководства в области стабилизации экономики.

В это неблагоприятное дело, по всей вероятности, включены специальные службы, часть работников аппарата. Вся моя служебная переписка отслеживается, передается по отлаженным десятилетиями каналам и преднамеренно искажается в подконтрольной центральным органам прессе.

Сегодня я уже не имею возможности полноценно выполнять свои служебные обязанности, затрачивая много времени на разъяснение очевидных истин, на дезавуирование беспочвенных, грубых нападок.

В такой обстановке не вижу другого способа выразить протест против, как стало теперь очевидным, антидемократической провокационной кампании, кроме как подать заявление о моей отставке. Этим поступком я хочу привлечь внимание общественности к тревожным событиям, происходящим в стране.

Прошу принять отставку.

Г. И. Фильшин

...Продолжаю внимательно следить за работой российского парламента. Сегодня в повестке пленарного заседания сессии значилось сообщение «по проверке фактов сделки российских организаций с иностранными фирмами», то есть тех «фактов», которые называют «делом Фильшина».

Однако председатель парламентской комиссии Александр Починок заявил, что «по ряду чисто технических причин, – и он подчеркнул это, – отсутствие стенограммы, позднее представление ряда документов и так далее, – комиссия не готова к сообщению, хотя мнение ее по этому поводу сформировано».

Решено перенести «дело Фильшина» на следующее заседание.

15 февраля.

К девяти часам утра еду в Белый дом. Вчера по телефону Александр Починок клятвенно обещал выдать мне на руки «заключение по делу о 140 миллиардах». «Огонек» все еще ждет, чтобы «решить с публикацией». Надо же Фильшину, в конце концов, защитить свою честь, несмотря на отставку! Многие факты скрыты от общества и лежат «за семью печатями».

По иронии судьбы, народный депутат России Починок – конкурент в предвыборной борьбе того самого президента

межотраслевой ассоциации «Возрождение Уральской деревни» Свиридова, имя которого фигурирует в «деле». Об этом я узнаю случайно от жены Починка, которая вместе с ним работает над «заключением». Кажется, она тоже экономист, но какое отношение имеет к парламентской комиссии? Непонятно. Поистине, «пути Господни неисповедимы»...

В кабинете его нет. Слышу, как секретарша говорит кому-то в телефонную трубку: «Сегодня Саша не спал всю ночь». Напротив по коридору – просторная приемная. За столом, уронив голову на руки, – Починок. В противоположном углу, тоже за столом, не известный мне мужчина. Сидят молча и почти не шевелясь.

Первая реакция Починка на мое появление:

- Заключение еще не готово.
- Буду ждать.
- Долго придется это делать.
- Сколько придется.

Мы выходим с ним в коридор, и он плотно прикрывает за нами дверь. Останавливается. Я тоже. Почти шепотом:

– Документ правее с каждым часом. Через несколько дней ожидается свержение российского правительства...

Именно так. Слово в слово. Доходит ли до меня сразу смысл сказанного? Кажется, нет. И вообще, чего ради такие откровения? Может, разыгрывает?

Поднимаю глаза и вижу воспаленные от бессонницы, покрасневшие его глаза, смотрящие даже не на меня, а куда-то сквозь, тонкую, юношескую шею, смешные, совсем по-детски оттопыренные уши. Передо мной стоит не председатель парламентской комиссии по делу, которое нашумело на весь мир, а мальчишка с полными ужаса глазами.

Он так и произносит это полузабытое с далеких времен октябрьского переворота, знакомое нам лишь по истории слово «свержение». Только в другом сочетании. Тогда это звучало как «свержение Временного правительства», сейчас – «российского». И, глядя на него, я начинаю понимать, что не шутит.

Комната, куда он приводит меня и тут же исчезает, завалена бумагами в полном смысле слова. Они всюду – на столах, под столами, на окне, с текстом и без. Компьютер. Машинка. На стенках провода. Стаканы с недопитым остывшим чаем. Здесь ночью работала комиссия по «делу Фильшина».

Сажусь на стул, стоящий у стенки, поодаль от столов и бумаг. И так сижу пять, десять, двадцать минут, не шелохнувшись. Может, западня? Тишина и никого. Тишина давящая и настороженная. А рука тянется к телефонной трубке. Кабинет Фильшина в другом «отсеке» Белого дома. Но линия – прямая. Набираю номер и передаю Геннадию Иннокентьевичу слова Починка. Он чувствует мое состояние:

– Ничего не бойся.

А я и не боюсь. Ну, может быть, чуть-чуть, самую чуточку. Только жуть как неприятно – и почему такая тишина и разбросанные документы? Особенно почему-то мне не нравятся провода. Обычно они вмонтированы в стенку, а тут на виду.

Десять, одиннадцать, двенадцать часов. Не притрагиваюсь даже к газете, что лежит с края стола. Неожиданно в комнату вбегает мужчина, полноватый такой и белесый, в сером костюме. Кажется, член комиссии, как поняла, она еще заседает где-то рядом. Но не спрашивать же, кто?

На мой вопрос, скоро ли будет готово «заключение», охотно отвечает:

– Еще до половины не дошли. «Фильшингейт» расследуем.

Не скрываю своего удивления – на шестнадцать ноль-ноль назначено закрытое заседание Верховного Совета, где и должна быть, наконец, заслушана информация комиссии.

– А мы всю ночь работали, – откровенничает он, роясь в бумагах. – Переделывали «заклучение».

– Почему?

– Разные, знаете ли, мнения.

И исчезает так же внезапно, как появился. Ну и стервец!

Только в пятнадцать тридцать в комнату заходит Починок и, не говоря ни единого слова, молча, почти на ходу «отлистывает» мне в руки пятнадцать страниц «заключения по делу...»

Через минуту я уже мчусь по лабиринтам Белого дома. Нескоро я позабуду эту дорогу. Длинные, нескончаемые коридоры с неожиданными тупиками и поворотами, ведущими, кажется, в никуда. Блуждаю, снова вхожу на ту же лестницу, по которой только что поднималась, и снова тупик.

Наконец – столик охраны. Милиционер сидит у зажженной лампы, несмотря на дневной свет, Спрашиваю, где кабинет вице-преьера.

– Фильшина уже нет. – Он косится на меня настороженно и добавляет почему-то:

– И дорога эта к Храму не ведет.

Я показываю ему мысленно язык, выскакиваю в соседний коридор, сбегая вниз по лестнице. Наконец, широкие стеклянные двери знакомой мне приемной. Передаю Геннадию Иннокентьевичу в руки документ за десять минут до «закрытого парламентского слушания»...

...На улице падает мокрый февральский снег и кружит, кружит с криком и гвалтом воронье над крышей Белого дома. Стою, мерзну на автобусной остановке напротив, а на память приходят слова молитвы:

«Боже, осени добрым и светлым разумом наших пастырей, а народ – мужеством и терпением, положи конец смуте и всеобщему умопомрачению, даруй всем правду истинную и бескорыстие непритворное, отврати позор от России...»

Но «места нам нет в ошалевшей от боли России и Господь не услышит – зови – не зови».

21 февраля.

Борис Ельцин в своем выступлении по телевидению потребовал отставки Президента Горбачева.

А сегодня Ельцин завершил двухдневную поездку в Ярославскую область. После выступления в зале Дворца моторостроителей, он отвечал на записки из зала. Одна из них прозвучала так:

«Комментируя на днях по телевидению «дело о 140 миллиардах», Вы назвали это «крючкотворством» Крючкова и попутно признали вину Фильшина. Не лучше ли с Вашей стороны привлечь виновных к ответственности, чем занимать туманную позицию?»

– Моя позиция не туманная, а совершенно четкая, – ответил Ельцин. – Сделка эта не состоялась. Ее прервали. Но то, что Фильшин в этом виновен, это факт. Он подписал первый документ – гарантию правительства, разрешение на заключение такой сделки с несуществующей фирмой. А потому никто вины с Фильшина не снимает. Он сам это почувствовал и подал в отставку.

И еще один вопрос из зала:

– Не кажется ли Вам, что с целью стабилизации обстановки в стране в отставку должен уйти не только Президент Горбачев, но и Вы?

– Такой вариант возможен, – ответил Ельцин.

...«Тридцать дней февраля» на этом закончились. Впереди страну и всех нас ждали другие события – одно значительнее другого.

Но тогда, «в феврале, покровитель Козерога Сатурн, после двух лет пребывания с вами, – покинет вас». Такой прогноз английский астролог Джонатан Кейнер опубликовал в лондонском журнале «Вумен». Фильшин родился в «ночь под Рождество» – седьмого января, по гороскопу он – Козерог. .

Забавная деталь, не правда ли? Вот и не верь после этого звездам на небе!

Послесловие

...Сначала небольшой «штрих» из уст очевидца «первого дня февраля». Недаром говорят – «истина – в подробностях».

Рассказывает бывший начальник Главного управления таможенного контроля при Совете министров СССР Виталий Константинович Бояров:

«В один из январских дней зимы девяносто первого года в подмосковный санаторий «Сосны», где я отдыхал, совершенно неожиданно приехали мои заместители Позбенко и Гурьянов и с ними начальник управления Гутин и сообщили следующее.

В Шереметьево-2 перед вылетом лондонского рейса в таможне появились гебисты. Указав на одного из пассажиров, они велели произвести досмотр его багажа и изъять все имеющиеся у него документы. А после законченной операции потребовали от таможенного управления бумагу, где дело изображалось бы так, будто документы обнаружены у пассажира совершенно *случайно*, при обычном таможенном досмотре.

– Без Вас я ничего подписывать не стал, – сказал мне Позбенко. – Никаких документов в глаза не видел. Спросил у начальника таможни, он тоже ничего не знает.

Только он это произнес, как в нашем номере раздался телефонный звонок. Снимаю трубку. На проводе генерал-лейтенант Прилуков, заместитель Крючкова и начальник Главного управления КГБ по Москве и Московской области. Голос радостный, веселый:

– Поздравляю, Виталий Константинович, – таможня сделала огромное депо.

– Не понимаю, какое дело?

– Ну, как же, как же! Товарищ Крючков уже и товарищу Павлову доложил, что таможенники проявили бдительность, обнаружили у иностранца ценные документы.

– Да нет, вы нас напрасно хвалите, никаких документов мы не обнаруживали, а потому ничего подписывать не будем.

Пауза.

– Так мне и доложить товарищу Крючкову?

– Так и доложите.

Через десять минут снова звонок. Опять Прилуков:

– Владимир Александрович просил передать, что он не понимает вашей позиции. Но если у вас такие отношения с... российским руководством, что вы не можете подписать бумаги, то и не надо, мы справимся сами».

И справились. Но, подбросив в общество очередной «захватывающий сюжет», «дело Фильшина», по истечении срока для дискредитации коммерческого проекта, спустили на тормозах. Однако и сами себя «высекли». Даже такой опытный следователь, как Калининченко, пользовавшийся до этого известностью профессионала, не замешанного в политических играх, допустил, кажется, самый большой в своей жизни промах, заявив, что не может дать правовой оценки расследуемым обстоятельствам. А ведь это является элементарным условием для возбуждения уголовного дела!

В экономическом преступлении так никто уличен и не был. Но цель была достигнута. Потерпела поражение не просто одна из противоборствующих политических команд – суть не в этом.

Россия неумолимо двигалась к пропасти. Власти забили тревогу – денежная эмиссия грозила достигнуть к концу года 150 миллиардов. Кажется, впервые признались, что солидарны с прогнозом аналитиков ЦРУ – «экономическое положение Союза в этом году будет значительно худшим, чем в прошлом».

Наш «замороженный» рубль напоминал... Снегурочку – его старались истратить, не внося в дом. Впору было считать спасителем любого, кто смог бы куда-нибудь пристроить наши обесценивающиеся заработки, и задавать себе классический вопрос: «а был ли мальчик?»

Фильшин оказался в очередной раз прав. И правоту его прогнозов, когда я перечитываю заново сегодня страницы дневника, блестяще доказало Время. Мы пришли туда, куда стремились.

...После августовского путча пресса зашумела о рассекречивании архивов Старой площади.

Прошла зима и мартовским днем, заручившись письмом-просьбой на имя Председателя Комитета по делам архивов при правительстве Российской Федерации Пихоя – ознакомить с документами по «делу о 140 миллиардах», – подпи-

санным нынешним редактором журнала «Огонек», с сердечным трепетом, полная надежд я переступила порог «святая Святых».

За порогом читального зала, куда вошла в сопровождении сотрудника, меня встретила милая приветливая женщина и, выслушав мою просьбу, вежливо и спокойно сказала, что на основании указа Бориса Ельцина от 14 января сего года «О защите государственных секретов» закрыты все материалы ЦК КПСС, начиная с 1981 года. А с теми, что «проходили» с 1961, желающие могут ознакомиться лишь по описи, то есть посмотреть повестку дня. Вся деятельность международного отдела, все документы КГБ и ГРУ, вся внешняя политика КПСС с 1961 по 1981 – сплошная тайна...

– А «дело Фильшина» еще вообще «тепленькое» и находится там, где родилось... в Комитете госбезопасности или как его теперь называть?

Но вы не огорчайтесь. В соседнем с нами здании сейчас работает комиссия российской прокуратуры – только им все дозволено. Попробуйте счастья. Свяжитесь с ними. Желаю успеха, – и она вполне доброжелательно и сочувственно улыбнулась мне.

Как бы ни назывался сегодня Комитет госбезопасности, но нигде в мире нет подобного образования.

Понимаю, после того, как стали доступнее российские архивы, в Европе разразилось несколько скандалов, связанных с обнаружением ранее неизвестных исторических фактов. Правительству не понравился весь этот шум, и решили ужесточить доступ к архивным документам. Словом, взялись за старое.

Правда, не для всех. Каким, например, ключом английский журналист Тим Себастиан, бывший корреспондент Би-Би-Си в Москве, отомкнул сейфы «со ста папками бежевого цвета, охватывающими период с 1979 по 1986 годы» и «обслужен», по его собственному признанию, «по высшему разряду» там, где простого журналиста пускают только «на порог»?

О том, что данные из текущего архива нашей дипломатии «уплыли за границу», сообщали газеты. Как тут не вспомнить

протоколы допросов арестованных членов ГКЧП, попавшие в ФРГ. Дело «Шпигеля» до сих пор не раскрыто.

Правда, кое-что мне удалось узнать и это «кое-что» не последнее в «фильшинском деле».

...В Чехословакии опубликованы документы, рассказывающие о попытке страны присоединиться к «плану Маршалла» восстановления послевоенной Европы. Сталин в ультимативной форме потребовал от Чехословакии отказаться от «плана Маршалла», решив, что осуществление этого плана воспрепятствует распространению советской модели социализма в странах Восточной Европы. Перед Прагой был зажжен красный свет.

Архивные документы позволяют увидеть и механизм формирования позиции Кремля в те годы, сравнить с днем сегодняшним, что тоже немаловажно. Обнаружена записка академика В. М. Варги Молотову, в которой ученый писал, что для современного капитализма, американского в том числе, характерны кризисы перепроизводства, и если СССР будет открыт для «плана Маршалла», то американская экономика получит новый рынок и «оттянет» таким образом наступление кризиса у себя дома, что, разумеется, замедлит загнивание и кризис капитализма. На письме академика резолюция Молотова: «Очень важно – разослать всем членам Политбюро». А еще у кого-то возникают в наши дни сомнения – вмешивалась ли партия в экономику?

Фильшин прав – в поисках «самобытного, особого пути» мы топчемся в самом начале торной, избитой в пыль дороги, по которой до нас прошло чуть ли не полмира.

Все «чудеса» – шведское, японское, французское, бельгийское, не говоря уже о западно-германском не обходились без помощи со стороны. Ни одна реформа!

Но с нашей агрессивной психологией – вдруг ограбят, обманут, разденут до нитки, отнимут природные богатства? – если не изменимся, путь в мировой рынок для нас закрыт. Неужели неясно до сих пор, что «там» с нищими и дело не имеют.

Все прошедшие десятилетия «план Маршалла» у нас не называли иначе, как «пресловутый». А ему присуща удивительная объединяющая сила! Уже вскоре после исторической лекции государственного секретаря США генерала Маршалла перед студентами Гарвардского университета 5 июня 1947 года послевоенная Европа всего за пятьсот дней перешагнула довоенный уровень производства.

«Витая в воздухе», по выражению бывшего вице-премьера России, он получает свое неожиданное продолжение, когда еще не высохли чернила на отставке Фильшина...

Сообщение в прессе: «Григорий Явлинский, создавший в соавторстве с Шаталиным план пятьсот-дневного блицкачка к капитализму в СССР, находится в Америке в связи с разработкой поддерживаемого США «плана Маршалла» для советского общества».

Правда, после «нобелевской речи» президента Горбачева, – а она по времени совпала с пребыванием в Гарвардском университете «команды» Явлинского, американский политолог Джеймс А. Дорн сказал, что «...новая программа для СССР, получившая название “плана Маршалла”, как помощь правительству, которое выдвигает тезис “больше социализма”, не вылечит заболевания социалистических идей, от которых люди страдали более семидесяти лет. Причина расцвета Японии и Западной Германии в послевоенный период не в поддержке других государств. Это стало возможным в результате экономических и правовых реформ, которые освободили экономику от власти государства».

Уже после августовского путча посетивший нашу страну тогдашний министр экономики, финансов и бюджета, а позже премьер-министр Франции, Береговуа выступил с предложением разработать для нас программу по типу «плана Маршалла». Подобную помощь предлагал и министр иностранных дел Чехо-Словакии Иржи Динстбир. А совсем недавно ведущий экономист Всемирного банка Лоуренс Саммерс прямо заявил, что России нужен «план Маршалла», а не парад «воздушных мостов», имея в виду помощь Запада не тем, кто

стоит с протянутой рукой, а тем, кто готов средства эти пустить в производство...

Мы и сами понимаем, что разрыв, который образовался между нами и цивилизованными странами столь велик, что порой кажется, что мы отстали навсегда. И участие Запада, его технических достижений, капитала в одной связке с нашим интеллектуальным потенциалом, могло бы стать условием для преодоления этого разрыва. Если еще не поздно, если еще не поздно...

Заканчиваю писать этот материал за три дня до открытия VII Съезда народных депутатов России.

На исходе первый этап посткоммунистического развития. Говорят, «поле после битвы принадлежит мародерам». Может быть, и обидно так говорить, но то, что российская власть, раздираемая внутренними противоречиями, сама превратилась во взрывоопасный фактор, ясно всем – не надо быть политиком. Как и другое – «гайдаровская либерализация» цен без производственной стратегии с самого начала была лишена смысла. Получилось, что до сих пор проводится большевистская политика «перераспределения», осуществляемая налогами, ценами и всем остальным. Без производственной программы цены обречены на катастрофический рост, а он приводит лишь к социальным конфликтам.

Где сейчас разработки Явлинского и его «команды», которая, как красиво было заявлено, «на новой исторической спирали обращает свой взор к методу, который помог тогда и может помочь сейчас»?

Или, действительно, политические интриги и дележ министерских портфелей в моей истерзанной России, на территории которой уже льется кровь, преобладают над здравым рассудком? Очевидно одно – «гайдаровский прорыв» цели не достиг, а пропасть теперь между властью и народом только увеличилась: там – свои проблемы, своя жизнь «наверху», а у нас – свои. А важнейшая из проблем – где купить утром молоко для ребенка? Такая, знаете ли, проблема...

Что ждет нас? Если можно было бы заглянуть в будущее и пролистать календарь как бы назад. Но это еще никому не удавалось.

...Имя Фильшина сошло с политической арены, как и предсказывали злопыхатели. Скоро год, как он в ссылке, правда почетной – в Австрии. Работает там в российском торгпредстве.

Несколько дней назад в «Новостях» промелькнуло сообщение, что в Иркутске австрийцы строят для сибиряков дома по своему методу. И даже показали в кадре наш родной город и кварталы новых домов.

Опять «дело Фильшина»? Если это так, то помоги ему, Бог! А я за него молиться стану, чтоб «он вернулся...»

Москва. Россия 27 ноября 1992 г.

ДНЕВНИКИ. ВОСПОМИНАНИЯ. ДОКУМЕНТЫ

«Дорогая, бесконечно дорогая...»

Несколько лет тому назад в Архив Русского Зарубежья Никита Алексеевич Струве, живущий в Париже, передал сто пятьдесят четыре письма Евгении Казимировны Герцык к ее подруге Вере Степановне Гриневич, которая с двадцать второго года жила в Софии, затем с двадцать восьмого семь лет в Париже и снова в Софии.

Письма в оба конца шли вплоть до мая сорок первого года...

Пути подруг разошлись в двадцать втором году, когда Вера Гриневич после гибели двух сыновей покидает свой крымский дом в Судаке и уплывает пароходом из Феодосии через Батум и Трапезунд в Болгарию.

Евгения Герцык остается в России, где проживает тяжелые годы в Крыму, на Кавказе, в Курской области с семьей брата до своего ухода из жизни в грозном сорок четвертом...

Ее воспоминания, написанные в тридцатые годы, изданы впервые парижским издательством YMCA–press в семьдесят третьем году (фрагментарно), затем в девяносто шестом «Московским рабочим» и в две тысячи седьмом году «Молодой гвардией» в книге «Лики и образы».

В этих воспоминаниях есть глава «Вера». Любимая подруга, близкий ей по духу человек, хотя и не оставила литературного наследства, но была тесно связана с литературно-философской элитой Серебряного века. Ее письма к Василию Розанову, Алексею Ремизову, Вячеславу Иванову, Николаю Бердяеву и другим хранятся сегодня во многих архивах мира...

В начале XX века она пыталась создать систему религиозного воспитания детей: составила каталог для детского чтения, организовала школу в Москве. Кроме того, постоянно помогала нуждающимся литераторам.

Все ее замыслы осуществлялись при материальной поддержке мужа, полтавского финансиста и промышленника Павла Ивановича Гриневича, судьба которого после революции неизвестна...

Отрывки из писем Евгении Герцык публиковались и в парижских «Современных записках» в самые рискованные для автора годы – тридцать шестой и тридцать седьмой, как «Письма оттуда», имея в виду Россию. Все имена были зашифрованы, а сама она в этих письмах значилась как «госпожа Х».

Евгения Казимировна сама не пострадала, живя в те годы в России, но был расстрелян племянник – старший сын сестры Аделаиды – Даниил Жуковский...

Дискуссия же вокруг этих писем захватила многих известных людей: Ходасевича, Адамовича, Вишняка и других. Марина Цветаева упоминает о них в послании к Анатолию Штейгеру; многие герои этих писем были знакомы ей лично.

А Глеб Струве уже в пятидесятом году в книге «Русская литература в изгнании» не забыл упомянуть их важность для будущих историков*.

Татьяна Жуковская

* Письма двух подруг Е.К. Герцык и В.С. Гриневич подготовлены к печати для будущей книги при участии сотрудницы Архива Русского Зарубежья М.А. Котенко при использовании частного архива Герцыков-Жуковских – *Ред.*

**Евгения Герцык –
Вере Гриневич.
СССР – Франция.
Станица Зеленчукская – Париж**

27/X 1934

Вера моя, моя самая близкая. На днях твое письмо оконч<енное> второго – письмо со страшными твоими предположениями. Благодарю тебя, что ты прямо, не скрывая своих мыслей, делишься ими со мной – всегда, всегда поступай так. Верю, всей душой, что пока минет нас этот страшный час разлуки последней, что доктор прав и что это не то. Насколько я знаю, именно такие опухоли не болят – болят другие, невинные... Я убеждена почему-то глубоко, что не от этой болезни ты умрешь, хотя ты сама уж не первый раз предполагаешь ее и помнишь, дорогая, как на юге определилось, что причина недомогания другая, так и здесь это выяснится окончательно. Но какая мука не участвовать вблизи в твоих тревогах и в радости, когда они рассеются – мука узнавать все это чуть не через месяц.

Пиши мне сейчас же, хоть кратко, не оставляй меня в неведении. И не могу передать тебе, дорогая, как мне непереносима мысль, что тебя не станет, как ты и далекая, и недоступная, мне нужнее и ближе всех. Писала тебе десять дней назад, а твое письмо в Москву поручила Дале¹ достать, так что жду его с радостным интересом. Там узнаю больше про Димины² научные дела, да?

Родная моя, хотелось бы знать, какой доктор у тебя, доверяешь ли ему вполне? В каком состоянии кишечник сейчас, после лечения? Голубка моя, я в каком-то изнеможении усталости: очень суетливые дни и чувствую, что не выражу сейчас полновесным словом всю драгоценность твою для меня – а о другом говорить сейчас не хочется. Все равно пошлю так, не откладывая. Вложу листок Далин, чтобы ты увидела интенсивность его страданий творческих. Стихи, которые ему

не удалась – это обращение ослепшего и мучающегося этим к слепорожденному, призывы, чтобы тот понял эту муку, понял, что значит видеть и утратить это.

Это, конечно, образ для его собственных переживаний. Есть сильные строчки, но в общем неудачно³. Но сегодня другое письмо, с другим, уже удавшимся стихом, и мучится, и блаженствует он в этой области, в то время как материальные, служебные дела его не двигаются с места.

А Ника⁴ пишет мне о своей новой жизни в общежитии, радуется ей, увлечен одним товарищем из крестьян, его прямо-той, простотой, умением работать, разнообразием интересов. Все они трое живут теперь врозь, и это усложняет переписку. Дмитрий⁵ один в маленьком городке под Москвой, заведует лабораторией при больнице. При свидании нашем он трогал меня молодостью духа, философскими и литературными интересами своими и любовным отношением. Сейчас им всем трудно материально: Даля уже давно без заработка и жизнь врозь дороже, но Ника только что получила стипендию! Мне все так интересно про вашу жизнь, про Димину приятельницу и так далее. Жду с нетерпением продолжения Марины⁶. Простой раз я писала тебе, критикуя ее мемуарные странички об Аде, но ты пойми, что я глубоко восхищена талантливостью ее и завидую сейчас этому дару *больше всего*: умению воссоздать прошлое! До чего хочется мне написать о тебе в нашей юности⁷. Но чувствую полное бессилие, неумение. И еще беспомыслие свое! Я не помню конкретных слов, сцен, картин...

Недавно в газете читала о стопятидесятилетнем грузине, который помнит вступление русских в Тифлис в 1801 году и двенадцатый год помнит. А я, как я грущу, Вера, голубка, что погибли все наши ранние письма – ничего, ничего не сохранилось, а по ним я могла бы что-нибудь воссоздать. Вспоминаю, как Миля⁸ писала о ваших юных днях в Судаке. Вот со слов Спенд<иаровой>⁹ черточки этой нашей «родины»: все освещено электричеством, симфонический оркестр, звуковое кино, в киосках сдаются на прокат велосипеда, автомобили

ходят в Нов<ый> Св<ет>, с Полынной горы планеры спускаются на пустырь около тебя...

Мы, дорогая, обдумываем наш отъезд, выбираем город – нужно или университетский для Вероники¹⁰ (она еще в последнем классе сейчас), или вблизи от Москвы. Она мучится выбором профессии – все инженерные и математические отпадают. Трудно остановиться, когда нет определенного призвания.

Боба¹¹ в отпуску сейчас, и мы, пользуясь этим, стараемся как-нибудь сделать Любу¹² подвижней, поворачивать на бок, раскачивать ноги, для того чтобы можно было посидеть. Но сильный отек ног, и они как-будто опадают немного, когда они, наоборот, не спущены, а высоко подняты. Боюсь думать, что будет дальше, сколько это будет длиться. Настроение ее колеблется между подъемом (в связи с написанием стихов) и отчаянием, когда обнаруживается еще новое ухудшение (сейчас – бедро, которое раньше не болело). Боба читает ей воспоминания Веры Фигнер¹³ – она очень увлечена и ищет аналогию со своей судьбой.

Погода чудесная – днем жарко, ночью мороз. Но нужно готовиться к зиме, эти дни хожу с Вероникой к портному, который шьет ей первое взрослое зимнее пальто (из материи и подкладки, купленных благодаря тебе) и еще много хлопот, поэтому я усталая и такая бездарная. Очень скоро напишу тебе опять, а ты пиши, пиши все о себе, моя Вера, моя родная, всей [любовью] с тобою.

Хорош<ие> стихи Гронск<ого>¹⁴, и сам он хороший.

¹ *Даля* – Даниил Дмитриевич Жуковский (1909–1938), племянник Е.К., старший сын Аделаиды Герцык и Дмитрия Жуковского. Математик, поэт, создатель своей теории поэтики (не опубликована). 1 июня 1936 года арестован по доносу, в феврале 1938 года расстрелян в Орловской тюрьме.

² *Дима* – Гриневиц Людмила Павловна, дочь В.С. Гриневиц. В эмиграции зарабатывала писанием икон. В 1930-х в Париже занялась изучением физики, высшей математики и написала научный труд, поощряемый м-м Кюри.

³ Стихи Даниила Жуковского опубликованы в книге «Таинства игры. Аделаида Герцык и ее дети» (М., 2007).

Указанное стихотворение вошло в «Венок сонетов» IV стихом:

IV

*К ослепшему прирав, слепорождённый
Напряг свой слух (а сказ лился журча).
И так тянулись к ниточке луча
Два слитых сгустка боли обнажённой,*

*Порыв двух сил, бессильем ущемлённый:
Все передать и все приять! С плеча
Два, хлещущих друг друга, палача
Вдвоем бороли мрак необоренный:*

*Узнай, как глаз касания легки! –
За пальцами протянутой руки
Вдруг ощутишь в просторе озарённом,*

*Как кружит летней зелени метель,
И все постичь, чего твоя досель
На слышит мысль, кольшась в бездне сонной.*

В архиве имеются варианты.

⁴ Ника – Никита Дмитриевич Жуковский (1913–1995), младший сын А.К. и Д.Е. Жуковских. Врач, в 1934 – студент медицинского института г. Иваново.

⁵ Дмитрий – Дмитрий Евгеньевич Жуковский (1866–1943), отец мальчиков. Издатель, переводчик, ученый-биолог. Окончил Гейдельбергский университет. После освобождения из вологодской ссылки в 1930 году он был также под наблюдением ОГПУ и должен был получать разрешение на проживание в том или другом месте. С 1932 до лета 1934 года мальчики с отцом жили в Иваново. Летом 1934 Даниил уехал в Москву, а Д.Е. Жуковскому ГПУ также предложило сменить место жительства. Он перебрался в г. Ногинск Московской области. Это был вариант жительства наиболее подходящий для Д.Е. Жуковского, т.к. кроме работы в лаборатории он мог ездить в Москву, получал научные иностранные статьи и книги для перевода.

⁶ Речь идет об эссе Марины Цветаевой «Живое о живом» (Совр. Зап., 1933, 51), написанном на смерть Максимилиана Волошина, где есть упоминание об Аделаиде Герцык (Адя).

⁷ Е.К. Герцык в это время обдумывала написание мемуаров. В дальнейшем в них вошла глава «Вера» о В.С. Гриневич.

⁸ Миля – Эмилия Степановна, одна из сестер В.С. Гриневич (урожд. Романовская). В детстве сестры Романовские жили в Симферополе и Судаке, где их отец С.Г. Романовский был комендантом Судакской генуэзской крепости.

⁹ Спендиарова Варвара Леонидовна, вдова композитора А.А. Спендиарова, сохранившая дом в Судаке и ездившая туда из Москвы каждое лето. Герцыки же, покинув Судак в 1928 году никогда уже там не бывали. В мемуарах Е.К. Герцык, которые выходили трижды (1973 – Умса-пресс; 1997 – Московский рабочий; 2007 – Молодая гвардия), облик Судака 1930-х годов дан со слов Спендиаровой.

¹⁰ Вероника – Вероника Владимировна Герцык (1916–1976), дочь брата, В.К. Герцыка. В будущем почвовед.

¹¹ Боба – Владимир Казимирович Герцык (1885– 1976), сводный брат сестер Герцык. Лесничий. Единственный кормилец в семье.

¹² Люба – Любовь Александровна Герцык (урожд. Жуковская; 1890–1943), жена В.К. Герцыка, мать Вероники. Тяжело болела полиартритом с 1917 до самой смерти. Уход за ней осуществляли Евгения Казимировна и Вероника. Побуждаемая к творчеству Евгенией Казимировной, в этот период Л.А. увлеклась написанием стихов и, в частности, венка сонетов, который опубликован в наши дни.

¹³ *Воспоминания Веры Фигнер* – Фигнер (в замуж. Филиппова) Вера Николаевна (1852–1942), революционерка-народоволка, писательница. Полн. собр. соч., т. 1–7. М., 1932: (Процесс 14-ти. Воспоминания. 1932; Т.1 – Запечатленный труд; Т. 2 – Когда часы жизни остановились; Т. 3 – «После Шлиссельбургской крепости».

¹⁴ *Гронский* Николай Павлович (1909– 21 ноября 1934), поэт. Окончил юридический факультет в Париже, на филологическом защитил диссертацию о Державине. Встречаясь в Медоне с Мариной Цветаевой, они вместе неоднократно заходили к В.С. Гриневич (см. кн. «Марина Цветаева. Николай Гронский. Несколько ударов сердца», М., 2004) и видимо стихи Гронского были у последней в рукописи. После смерти молодого поэта вышла его поэма «Беладонна» и статья Марины Цветаевой «Поэт-альпинист», где она писала: «О Гронском же по прочтении поэмы хочется сказать: он не пишет, как Державин, он дышит как Державин, тем же воздухом и на ту же глубину вздоха.»

Совпадение: Через три недели после этого письма Гронский трагически погиб в парижском метро (21 ноября).

14/XI 1934

Дорогой мой друг, писала тебе тридцатого, после твоего так встревожившего меня письма и все жду от Дали пере-сылки твоего письма в Москву, но он на некоторое время поехал к отцу. Пиши мне, дорогая, и все о своем здоровье. У нас неделю провела наша бывшая кисловодская соседка и друг и залила нас такой любовью, заботой, от которых мы совсем отвыкли в нашей такой уединенной жизни. У меня как раз случился грипп, и она отстранила меня от плиты и др<угих> дел. Она волнующе напоминает мне тебя своей духовной щедростью и ненасытностью, и при этом знакомые мне по Валерии¹ разговоры о ее трагических отношениях с взрослым сыном.

Я воспользовалась своим лежанием, чтобы написать несколько писем, связанных с будущим переездом нашим, получить разные сведения. Это наш животрепещущий вопрос. Вероника окончила первую четверть, как обычно «премированная». Сейчас читает «Преступление и наказание», которое проходят в классе. Люба довольно бодра, хотя ничего не двигается в ее состоянии.

Погода все такая же чудесная, все листья опали, и обнажилась цепь снегов, хотя из-за хат ее невозможно увидеть целиком. Прижимаюсь к тебе всей нежностью, всегда помню и жду писем. Твоя Женя.

Почтовая карточка. Адрес: Mme Grinevich 110 rue Thiss, Boulogne sur Seine.

¹ Валерия Дмитриевна Жуковская (урожд. Богданович; 1860 – 1937), мать Любы, Василисы и Алексея Жуковских. Последний жил в Средней Азии и разногласия с матерью были, главным образом, связаны с неурядицами в семье (отношения с невесткой).

В.Д. Жуковская, внучатная племянница М. Глинки, в молодости обладала красивым голосом, училась у и неоднократно концертировала в городах России и Германии. В последние годы жизни ослепла.

18/XI 1934

Дорогая, бесконечно дорогая, наконец получила пересланное мне из Москвы письмо, то, в котором впервые зарождались твои подозрения. Вчитываюсь в него и в следующее, и такая мучительная тревога в душе. Ведь последнее отправлено полтора месяца назад (первого октября), и так многое могло определиться за это время: что показал рентгеновский снимок, сделала ты его? Как жестоко, невыразимо жестоко, что я не только не с тобою, но месяцы, месяцы промежутков между письмами. Умоляю тебя, пиши мне хоть открытки, но чаще. Так щемит сердце тон твоего письма, что-то невыразимое, что между строк.

И все же, моя любимая, не обманывающей любовью *чувствую*, верю, что ты не покидаешь меня, что ты *будешь* жить, что предположения твои ошибочны, что рака нет. Только бы узнать, что показало исследование, и увериться, что ты крепнешь, что лечение идет впрок. Пиши мне обо всех явлениях болезненных, держи меня в курсе. Ты не должна огорчаться своей немощью, слабостью – она ведь так неизбежна у нас всех, а ты всегда, вспомни – в самую молодость была годами совсем без сил!

Я тоже вот сейчас от маленькой простуды обессилила совершенно, и помощь нашей кисловодской соседки, прогостившей у нас неделю, была мне так кстати. Так трогало, что она преодолела все трудности пути, расходов, только чтобы наговориться, и заливала нас своей восторженной и преданной любовью. При этом она нас абсолютно не стесняла, так как все формы опрощения и нужды ей знакомы, и она и до сих пор в Ленинграде существует почти только на штопку чулок, которую она делает артистически.

Конечно, перечинила, перештопала нас, сидя около Любы и рассказывая без конца о разных судьбах и семьях: у нее дар в очередях на улицах создавать друзей, находить несчастных, которым нужна помощь. За эту ее болтливость многие свысока смотрят на нее как на «нетактичную». Мы же все любим

ее. Для Любы такие разговоры и отвлечения от себя были радостным событием: она почувствовала, что не умерла для общения, и это лишний стимул к тому, чтобы ковать наш переезд.

Последнее время получаем письма, требующие от нас участия и критики в творчестве разных людей. Таня Спендиарова¹ после тяжелых любовных переживаний внезапно записала детские стихи – ее как бы вернул к жизни ее прелестный мальчик (стихи – пересказ его стихов по большей части) – их уже набралось на целый сборник, и она умоляет детальной критики. Стихи очень милые в этом трудном и так редко удающемся жанре. Хочется, чтобы она преодолела свое женское и отдалась сыну и творчеству.

У моей милой Али Арендт тоже родился сын², после того она месяц умирала, но ожила и пишет мне слабой и счастливой рукой, как она уже вся в мыслях об искусстве и хочет, чтобы сын не страдал от искусства, как и искусство от сына и верит в возможность такой гармонии! Ты права, что у меня все – женщины и девушки на пути, но Даля, например, перезнакомился теперь с массой интересной творческой молодежи – муж<чинами>. Впрочем и с пожилыми, но все же идущими вперед, не застывшими. Его последнее письмо (пишет через каждые 2-3 дня и всегда с сенсациями) взволновало меня близостью к моим настроениям.

Перед тем он писал по поводу статьи Марины: "...Мамины и Максины черты характ<тера> – как бы это сказать – оказались у нее так прочно вдавленными в эпоху символизма – этой типичной тогда, по-видимому, духовной игры и словесных ухищрений, что первое впечатление такое: да, такая была эпоха, так жили люди, так они говорили, а теперь это немыслимо, это звучит почти... пошло. А между тем эта черта маминого характера – неопределимая – как она проявлялась в общении с людьми – она не может стать устарелой, превратиться в курьез прошлого, она всегда останется живой, дорогой; неужели нельзя было так дать ее, чтобы не было вовсе этой зависимости от эпохи?

Мама была жива еще в двадцать пятом г<оду>, когда уж давно говорили не так, как в эпоху девятьсот-пятнадцатого г<одов>, но и общение с людьми оставалось полно тем же, и это вовсе не значило, что ее манера «устарела». Увидеть эту ее черту, вне данной эпохи, просто как общечеловеческую...». Выписываю так длинно, чтобы ты почувствовала его восприятие и сказала, соглашаешься ли? Любя Маринино творчество, я бы даже и ей прочла эту критику отсюда. Потом Даля пошел со статьей к Асе Цветаевой³. Там было несколько человек близких, и общее впечатление было грусти, чуждости, на лице Аси он увидел такую скорбь, что почувствовал за ней глубокую трагедию расхождения путей.

Конечно, тут дело не в удачной или неудачной статье, а в самом глубоком. Вот эту сцену, дорогая, конечно, при свидании не нужно ни за что передавать. Я же с полным оптимизмом верю в *мгновенное* понимание, мгновенное сплавление душ, когда встреча *произойдет*.

20/XI.

Со дня на день я задерживала письмо, все надеясь, что придет от тебя, и все нет... родная, ведь последние написанные тобою строки – пятьдесят четыре дня назад! Умоляю тебя, пиши хоть самые маленькие открытки, но чтобы я не была без вестей. Заставляю себя думать, что это молчание не заключает в себе плохого, что это случайность, стараюсь угадать, как живешь, как идут твои дни. Мне было очень интересно и дорого услышать о Лидии⁴, и радуюсь их бодрости, здоровью и успеху.

Ну, конечно, и говорить нечего, как меня захватывало все, что сообщалось о свидании Димы с учеными⁵. Удивительная творческая женщина! Не устаю это повторять и себе, и близким. Как радостно, что человеческий дух может так, на полпути, вдруг повернуть по совсем неизведанным тропам. Из той же области внезапно открывшееся Любино поэтическое творчество, которое все совершенствуется. Теперь она, Даля, его бывшая Ася⁶, все почему-то разом увлеклись писанием

венка сонетов, этой труднейшей формы. Ася прислала нам свой для критики, но у меня нет времени и охоты пристальней вчитываться.

Чувствую себя очень слабой последнюю неделю, потому что, несмотря на неизменно чудную погоду, вдруг возобновился процесс, лихорадило и очень ослабило, но сейчас уж закончился, как всегда у меня очень быстро и благополучно. А Ляля Мер<анвил>⁷ умерла – подробностей никаких не знаю. Так кончилась их семья! О стольком еще хотелось бы говорить с тобой, моя так нежно, так болезненно любимая, но лучше пошлю скорее, а потом опять напишу. Обнимаю со всей неустанющей моей жаждой тебя. Пиши, пиши – все, все интересно.

¹ Детские стихи Т.А. Спендиаровой – Спендиарова Татьяна Александровна (1902–1990), дочь композитора А.А. Спендиарова, поэтесса, переводчица.

² Ариадна Александровна Арндт (1905–1999), скульптор, теософка. В 1920-е годы чтобы познакомиться с Е.К. Герцык, написавшей эссе об Эдгаре По, она пошла пешком из Симферополя в Судак. В сентябре 1936 года у А.А. Арндт и скульптора А. Айзенштадта родился сын Юрий Андреевич Арндт, будущий палеонтолог.

³ Анастасия Ивановна Цветаева (1894–1993), писательница, сестра Марины Цветаевой. В первый раз была арестована в 1934 году после поездки в Италию к Горькому, в рамках которой заезжала в Медон под Парижем к сестре. В своих «Воспоминаниях» А.И. Цветаева описывает последнюю их встречу.

⁴ Лидия Юдифовна Бердяева (1874–1945), жена философа Н.А. Бердяева, жившая с мужем, сестрой и матерью в Клараме под Парижем. В 1934 в Париже вышла книга Бердяева «Судьба человека в современном мире (К пониманию нашей эпохи)». Из дневников Л.Ю. Бердяевой («Профессия – жена философа» (М., 2000) можно узнать о многочисленных беседах и выступлениях ее мужа, Н.А. Бердяева в эти годы. В 1999 году в «Новом мире» состоялась публикация «Не верю в пространство и время разъединяющие нас...» Письма Л.Ю. Бердяевой к Е.К. Герцык. 1921–1927».

⁵ Димы с учеными – Дочь В.С. Гриневиц, Людмила Павловна Гриневиц, в эмиграции занялась научной работой, была связана с Мм Кюри. Для заработка писала иконы.

⁶ Ася – Раиса Моисеевна Гинзбург (1907–1965), поэтесса и дет-

«ДОРОГАЯ, БЕСКОНЕЧНО ДОРОГАЯ...»

ская писательница, родом из Феодосии. В 1929–30 – гражданская жена Д.Д. Жуковского.

⁷ Ляля Меранвил – жительница Судака. Из многочисленных сестер Меранвил она умерла последней.

**Вера Гриневич –
Евгению Герцык.
Франция – СССР.
Париж – Зеленчукская**

14. XI 1934

Моя любимая, единственная – такой всегда умиротворяющей радостью неожиданно скорое получен<ие> письма от тебя от двадцать седьмого, и только удивляюсь твоей неисчерпаемой светлости при всей невероятной трудности вашей жизни – вот уж поистине «сильна как смерть любовь, питающая твой дух». Надеюсь, что ты без задержек получ<ила> мое последнее письмо от тридцать первого с выдерж<ками> из «Былого»¹, кот<орые>, вероятно, будут интересны Дале. В след<ующий> раз пришлю о Вяч<еславе> Ив<анове> из статьи Голен<ищева>-Кут<узова>² – его большого поклонника, но и он, к сожалению, жалуется, что произвед<ения> Вяч<еслава> И<вановича> последнего периода нам почти что недоступны.

Мне случилось ознакомиться по рукописи, до меня случайно дошедшей, с замечательным его лирич<еским> циклом – “Человек”, свидетельствующим о единстве людского рода, о древнем и новом Адаме-Кадмоне, но я не смею говор<ить> подробнее об этой поэме, столь важной для понимания духовного пути поэта, руководствуясь лишь первонач<альным> поверхностн<ым> впечатлением.

Появление в печати новых стих<отворений> В<ячеслава> Ив<анова> мы ждем с понятн<ым> нетерпением. С Гол<енищевым>-Кут<узовым> я встретилась раз в Clamare

четыре года назад – он тогда жил в Париже по окончании Белгр<адского> универ<ситета> по слав<истике> (писал стихи оч<ень> подражающие Вяч<еслав>у), затем он получил кафедру русск<ой> слав<истики> в Белгр<аде>. – Мне все не удастся узнать о Вяч<еславе> – только м.б. Лидия³ что-ниб<удь> знает – но ей я все не соберусь написать с тех пор, как она была у меня в начале сент<ября>. Понаслышке знаю, что у них все пока, слава Богу, все “all right». Вчера неожиданно обрадовал меня своим посещением Лев Ис<акович> – в ответ на мое огромное письмо (четыре листа) о тебе, вернее выдержки из твоих моск<их> впечатл<ений> прошлого и этого лета...

Какой необыкновенно трогат<ательный> добрый, благостный старичок – и как трудно это совместить с его надрывной скепт<ической> философ<ией>. Но хоть мне и не удавалось эти годы углубиться в его парадоксальн<ые> мысли, излагаемые им таким удивительно ясным, красивым языком, но требующим недоступной мне филос<офской> эрудиции, в конечном выводе несомненно, что он неуклонно стремится к пониманию Део⁴. Вот из его ст<атьи> в Сов<ременных> Зап<исках> (но чаще печатают его в Revue Philos<orphique>) “О втором измерении мышления”⁵: “Все средневековье, вся сосредоточ<енность> и глубокая дух<овная> работа средневековья была направлена на то, чтобы разумно объяснить заключавшуюся в Св<ятом> Писании тайну.

И так устроен человек, что когда он над чем-нибудь много потрудится, ему начинает казаться, что то, к чему он стремился есть самое главное в жизни, что ему и другим больше всего на свете нужно. Казалось бы, что самое существ<енное> то, что Б<ог> принял человек<еский> образ, что Б<ог> открылся, показался, пришел к людям, как в Св<ятом> Пис<ании> и рассказывается. Но “мышление” ценило не то, что в Св<ятом> Пис<ании> рассказано, а то, что оно само могло выдумать: оно и Св<ятое> Пис<ание> только пот<ому> и приняло, что могло понять и объяснить его, т.е. показать, что библи<ейское> повествов<ание> ничуть не оскорбляет и

не противоречит тем принципам, кот<орым> человек от века покорился и провозгласил навеки нерушимым:

...“Бога не нужно объяснять и нельзя совсем оправдывать”. Это и хотел сказать Оккам. И этого никто не услышал и если я теперь вспомнил о никем не услышанных словах, то вовсе не потому, что надеюсь обратить на них внимание и проложить им путь к сердцам людей. Тут кроется какая-то великая и странная загадка. Существуют слова, кот<орые> осуждены на то, чтоб не быть услышанными. И вместе с тем кому-то или чему-то нужно, чтобы эти слова время от времени произносились во всеуслышание. Древний и таиств<енный> образ: глас вопиющего в пустыне. Быть может не так уж бессмысленно и бесполезно, хоть изредка напоминать людям о тех “вестниках истин”, голоса кот<орых> обладали чудодейственной силой превращать людные места в пустыни.

...Истина потому и есть истина, что она превращает одним появлением своим людные города в безлюдные пустыни. Когда истина осеняет человека, он сразу чувствует, что “все”, “люди”, т.е. те, которые превращают пустыню в населенные места, обладают даром или ничем необъяснимой силой убивать истину. Оттого Дост<оевский> в минуты просветления с таким ужасом и отвращением говорил о “всемстве”.

Оттого Плотин вещал о бегстве единого к Единому. Оттого все так победоносно торжествовавшие “теории” познания были несть теориями, скрывавшими от нас истину. Нужно уйти от них к тем древним и блаженным людям, которые по словам Платона, были лучше нас и стояли ближе к Богу – их же “мышление” свободно парило в том измерении, кот<орое> нам становится – и то оч<ень> редко – доступным после тягчайших “*exercitia spiritualis*”.

Так, заканчив<ает> размышл<ения> о втором измерении Л<ев> И<саакович>, и невольно хочется спросить, что мешает ему уйти к тем “древним и блаж<енным> людям”, которые стояли ближе к Б<огу>, чем все великие и близкие ему мыслители?!

* Духовные упражнения (*фр.*)

Но сперва он говорил о более конкрет<ных> вещах – одобрит<ельно> и сочувственно относясь к той разумной необходимости примирения, кот<орой> веет от твоих писем, и выражал надежду на то, что время и жизнь сами собой приведут к нормальн<ому> порядку вещей.

На вопрос же лично ему, чем он теперь занят, ответил, что все Киркегардом⁶, в кот<ором> нашел, наконец, своего “двойника” и кот<орого> узнал только последние годы, не подозревая прежде о его существ<овании>. Главная у них тема – толкование Библ<блейского> Бога – но об этом он не распространялся, очевидно считая, что это не тема для мимолетной беседы, а тем более с таким профаном, как я. Об изд<ании> своего труда по-русски он и не думает ввиду полного безденежья рус<ских> издат<ельств>. Только в Revue Philos<orphique> иногда помещает свои статьи. Большой (сравнит<ельно>) успех имел его “На весах Иова”⁷ в Англии – оч<ень> хороший перевод – но все эти переводы ничего не дают, пот<ому> что нет защиты <авторских прав>. Две его книги (Ницше и Дост<оевский> и еще другая ранняя) вышли в Япон<ии>⁸, но тоже безвозмездно. Все больше завоевывает сейчас европейскую известность Н<иколай> А<лександрович>, особенно его “Le Nouveau Moyen Age” – во фр<анцузском> перев<оде> – за год разошлось около трех тысяч экземп<ляров>. Никто из русск<их> мыслителей не имел такого распространения в Евр<опе>, как Н.А.⁹

На прощание он, оправдываясь и извиняясь, что так мало – оставил пятьдесят фр<анков> и просил передать тебе и Дмитр<ию> все хорошие и сердечные пожелания и память. Оч<ень> трогательна эта его неизменная доброта, т<ем> б<олее>, что сам он с женой¹⁰ живет оч<ень> скромно – в двух комнатках и, когда она занята массажем, сам ходит за провизией и стряпает – конечно, все это так просто и так не может нарушать его внутр<енний> замок и богатства его мира. Лишь бы иметь свою отдельную келью и больше ни-

* «Новое средневековье» (фр.)

чего ему не нужно. Я хочу просить тебя написать ему хоть несколько ласковых строк, чтоб он чувствовал, что ты его не забываешь и любишь.

15-го. Опять, дорогая, любимая, закончу наскоро письмо, чтоб не задерживать ответ, тем более, что у меня 4 письма на очереди и все не легкие. – О своем здоровье могу тебя порадовать и успокоить – все как будто внутри наладилось, могу больше есть, обходиться без согрев<ающих> компрессов, и силы немного прибавились. Поэтому откладываю рентгенов<ский> снимок, т<ем> б<олее>, что все равно ничего предпринять было бы нельзя. Конечно презумпция опухоли остается, но, очевидно, не угрожающ<его> пока характера – как столько лет было у Евг<ении> Ант<оновны>, но думать об этом не стоит, вопрос же конца – неизбежен рано или поздно.

Повторяю, что хотелось бы только продержаться на ногах, пока не устроится Дима. Эти дни кончат печатание краткого изложения – в пятьдесят страниц, но вместе с тем отрывается для исполнения небольших заказов икон. Плохо то, что она вообще разбивается по мелочам и легко теряет нить <...>

Жду любимых стихов – они мне оч<ень> близки, и хочу послать их Зине, кот<орая> всем интересуется и ценит письма. Жду сообщения, как адресов<ать> в Сулимов argent* тебе? Уверена ли, что там не пропадет и достаточно ли хороший торгсин там? Надо ли надписыв<ать> над письмом “бывш<ий> Баталпашинск?

¹ Былое. Сборники по новейшей русской истории. Под ред. В.Л. Бурцева, П., 1933, № 1 – 2.

² Голенищев-Кутузов И.Н. Лирика Вячеслава Иванова // Совр. Зап., 1930, 43. Голенищев-Кутузов Илья Николаевич (1886–196), литературовед-западник, переводчик, поэт. Эмигрировал в 1920-м году: Болгария, Югославия, Париж и снова Югославия, где преподавал в Белградском и Загребском университетах (1934–1939). В 1956 году вернулся в СССР, где работал в ИМЛИ АН СССР, читал

* Деньги (фр.)

лекции в МГУ, возглавлял издание «Памятники литературы».

³ Лидия Бердяева переписывалась с Лидией Вячесл. Ивановой, дочерью В.И. Иванова.

⁴ Лев Исаакович Шестов (наст. фамилия Шварцман; 1866–1938), литературный критик и философ. С Герцыками его связывала давняя дружба.

⁵ Део

⁶ Лев Шестов. О втором измерении мышления // Совр. Зап., 1930, 43. Плотину посвящена более ранняя работа Шестова «Неистовые речи (по поводу экстазов Плотина) – Версты, 1926, 1. *Плотин* (205 – 270), древнегреческий философ-идеалист, основатель неоплатонизма. Его учение изложено в «Эннеадах».

⁷ *Киркегард*, Киркегор, Кьеркогор (Kierkegaard; 1813–1855), датский теолог, философ-идеалист и писатель. Часто писал под различными псевдонимами. 15 декабря 1934 года Лев Шестов выступал в Институте славяноведения с лекцией к курсу «Кьеркегор и Достоевский». Впоследствии у Шестова вышли статьи о К.: Киркегард и Достоевский // Путь, 1935, 50; Киркегард – религиозный философ // Рус. Зап., 1938, 3. Посмертно его книга «Киркегард и экзистенциальная философия. Париж, 1930.

⁸ Шестов Лев. На весах Иова // Совр. Зап., П., 1929. Незадолго до этого в Берлине вышли на немецком языке в виде книги.

⁹ Н.А. – Бердяев Николай Александрович. В ноября декабре 1934 года Бердяев читал также цикл лекций на заседаниях Религиозно-философской академии на тему «Русское национальное сознание».

¹⁰ *жена Шестова* – Анна Елеазаровна Березовская (1870–1962), врач, массажистка. Лев Шестов долго скрывал от киевских родных свой брак с русской, поэтому большую часть жизни семья жила за границей (до смерти отца).

**Евгения Герцык –
Вере Гриневич.
СССР – Болгария.
Курск – Москва – София**

29.1.1939. Курская область

Родная моя, непрестанно думаю о тебе и тоскую по тебе. Скоро напишу свой адрес. Сейч^ас у нас на каникулы В^ероника и наслаждается снежной и солнечной зимой. Бегает на лыжах, а я потихоньку плетусь за ней. Для нее это впервой, а мною забыто, как детский сон. Оч^ень нам радостно от нее. Она в увлечении ботаникой и др^угим, но худа страшно, так ч^то мы стараемся отпоить ее молоком. Мечтаем с нею, ч^то весной я поеду к ней, но для эт^ого мне надо приставить кого-ниб^{удь} к Любе – здесь с эт^им оч^ень трудно. Ищем, кого бы выписать. Обнимаю тебя, и знай, ч^то всегда во всем ты самая близкая. Умоляю, береги себя.

*Почтовая карточка. Адрес: София, Журналистская, 17.
Штampы: 19. 1. 39 Курск; 6. 11. 39. Sofia.*

6.2.1939

Моя голубка Вера, я писала тебе в конце янв^аря, а сегодня мы провожаем В^еронику после ее каникул, и в грустн^ом настроении разлуки стремлюсь к тебе. Я писала тебе, как она всем здесь восхищалась – незнакомой северной зимой, катаньем в санях, лыжами, увиденными лисицами и зайцами. За эти две нед^{ели} удалось ее немного подправить, и пугающей худобы уже нет. Увлекается англ^{ийским}, и по вечерам мы всегда читали с ней по-англ^{ийски}. Мечтаю теперь весной к ней, в М^оскву. М^ожет б^{ыть}, и Ника к тому вр^емени приедет. Когда-то я узнаю, как твой старший внук проводит эту зиму, учится, крепнет. А главное,

с трепетом думаю о твоём здоровье, обо всяких гриппах и т.д. Всеми последними силами люблю тебя, помню, думаю. Береги себя, родная!

Почтовая карточка. Адрес тот же. Штampы: 9. 2. 39. Москва; Неясные цифры. Sofia.

3.III.1939

Опять долго, долго не писала тебе, любимая. Все по-прежнему – ещё длится зима со своими трудностями и болезнями. После отъезда Вер<оники> (о пребыв<ании> кот<орой> я писала тебе) мы все переболели гриппом, а у Любы он длится до сих пор с разными осложнениями и измучил и ее, и нас. Я устала от всего и от однообразия этого всего и жажду уехать на время. Какая-то полоса бездарности и бездвижности душевной все длится и длится у меня. Может быть весеннее пробужд<ение> природы сдвинет и меня. Нам строится домик на опушке леса, и там будет то, чего много-много лет не было – близости к природе. Не можем и поверить, ч<то> будет и у нас свой уютный home*. Многие собираются приехать – Соня¹ и др<ругие>.

Людмила² мечтает осуществ<ить> свою давнюю мечту – в Ясную Поляну, а потом к нам. У нее ведь особенный культ Толстого. Но, конечно, из этих многих приедут оч<ень> немногие – всегда это так трудно. Обнимаю тебя горячо. Неизменно с тобою. Когда-то, когда узнаю о тебе, получу твои строчки. Так тяжело!

Почтовая карточка. Адрес тот же. Штampы: 5. 3. 39. Москва; 13. III. 39. Sofia.

¹ Соня – Герье Софья Владимировна (1878–1956), дочь историка В.И. Герье, переводчица, автор итальянско-русского словаря, преподаватель. Подруга Е.К. Герцык с юности. После революции председатель Теософского общества в СССР, подвергалась высылке

* Дом (англ.)

«ДОРОГАЯ, БЕСКОНЕЧНО ДОРОГАЯ...»

в Казахстан и Тарусу, куда к ней неоднократно приезжала Е.К. Герцык (в 1933, 1934, 1936, 1937).

² Людмила – Эرارская Людмила Владимировна (1890–1964), актриса. Знакомая Герцыков с пореволюционных лет (1917–1921), когда она с С.Я. Парнок жила рядом с Герцыками, переживая общие беды. Известно, что двоюродная сестра Л.В. Эرارской, поэтесса Т. Вечерка, была женой Б. Толстого. М.б. отсюда ее культ Льва Толстого. С 1930-х годов до смерти работала в кукольном театре.

29.4.1939 Курская область

Только сейчас попала на почту, и ты поймешь меня, родная, с каким бесконечным волнением увидела твой почерк. Не могу даже писать – дрожит рука. Сейч<ас> только вот о чем: пиши мне в Москву <...> Буду там с пятнадцатого мая. <...> ... милого Л.И.

Почтовая карточка. Вырван кусок. Штампы: 2. 5. 39. Москва; 12. У. 39. Sofia.

7.5.1939

Моя дорогая, я уже написала тебе, как была счастлива, получ<ив> твою откр<ытку>. Пиши в М<оскву>, почт<овое> отд<еление> – буду там с пятнадцатого мая месяц. Туда же, дорогая, хорошо, если бы Дима послала пятьдесят f<rank'ов>¹, если они вернулись – в М<оскве> всегда так нужны лишние рубли. Надеюсь съехаться там с Никой². Оч<ень> ему трудно последн<ее> время. Пишет: «Я сейч<ас> хуже, чем когда-либо. Ненавижу себя. Ничто не радует, не интересует. Жду от жизни пощечины, ч<то>бы стать другим» и т.д. и т.д. Я ему пишу, ч<то> это самоосуждение – признак роста, ч<то> то и плохо, ч<то> он был всегда слишком безмятежен, спокоен. Дм<итрий> пишет, ч<то> Ника оч<ень> беспорядочен, не справляется с делами и т.д. Конечно, ему бы идти по научн<ому> пути, а он сам захот<ел> практическ<ой> работы в деревне. Кроме того, беспокоит нас увлечение его

ничтожной девочкой-сестрой в его больнице. Ну вот я и оч<ень> хочу повидаться. От Дали лично мы оч<ень> давно не имеем писем³.

Многое печалит, томит. Все мне интересно, голубка, про тебя и твою семью. Ах, как сочувствую уговорам Дика⁴, чтобы ты писала о прошлом. О чем ты начала? Хотела тебе написать о здешней весне, о чудесных цветах, но уже нет места, да и сижу дома – грипп опять. Обнимаю.

Почтовая карточка. Штampы: 9. 5. 39 Москва; 15. У. 39. Sofia.

¹ В.С. Гриневиц и ее дочь Дима, продолжавшая жить в Париже, по мере возможностей продолжали оказывать финансовую поддержку семье Герцык.

² Н.Д. Жуковский к этому времени кончил Медицинский институт и работал в деревне Кукобой Ярославской области.

³ Д.Д. Жуковский арестованный 1 июня 1936 года сидел в Орловской тюрьме и был расстрелян в феврале 1938 года, о чем семье не сообщили.

⁴ Дик – младший внук В.С. Гриневиц, учившийся в русско-французской гимназии г. Софии. Он уговаривал бабушку писать воспоминания.

25.5.1939

Дорогая моя, любимая. Как всегда поездка моя откладывалась, и вот только сейч<ас> еду. Отчасти это хорошо, пот<ому> ч<то> за это время я вылечилась на нашем чудном степном воздухе (даже не уходя далеко от нашей хаты) – перестала кашлять и температурить. В цветущей степи и в лесу (ландыши, соловьи) сейч<ас> упоительно, и нет охоты в город. Но все равно домашние дела не дают мне ходить туда (далеко), и пока я не уеду, я не освобожусь от Любы и хозяйства. Приехала старушка, жена брата Валерии, бывшая с нею в последние ее дни – она заменит меня при Любе. Трудно было устроить, чтобы кто-ниб<удь> стряпал обед – все женщ<ины> в поле. Наконец, я завела чугунки, и при мне уж хозяйка наша стала варить суп и кашу рано утром в своей русск<ой> печи. Дней

десять было страшно жарко в наших комнатухах, и мне буквально делалось дурно, когда я возилась с Любой. Зато какой чудесный домик строится нам на опушке леса с большими окнами, балконом. Так давно этого не было.

Последнее время у нас было непривычно людно: съехались ботаники, геохимики – и самые среди них интересные и темпераментные – женщины. Наперебой приносили нам букеты цветов, помогали на нашем огороде и рассказывали о своих работах – некоторые из них уже с именами. Оч<ень> радуюсь, ч<то> Боба работает в таком окружении. Он тоже увлекается лесными посевами, зарывается в литературу, совещается с ботаниками. Как освежающе эти науки о природе – и не уводящие от жизни, а все время связывающиеся с нуждами ее. Я думаю, такая же и Димина работа.

Моя родная, я получила твою вторую грустную открытку уже пятнадцатого и так рвалась тогда же ответить тебе. Пережила и почувствовала ее глубоко и если бы сидела с тобою рядом, рука в руку, сумела бы расшептать твою боль. Мы вдвоем пережили бы все это. О, как понимаю боль одиночества, отчуждения, инородности самых близких. И как старость и слабость не дает встретиться с теми, кто, м.б., так же одиноки и так же удручены окружающим.

Но верь, родная, ч<то> жизнь прожита не даром, что во многих душах искры, зароненные тобою, жили и живут и текут в общее пламя. Я так это чувств<овала>, когда писала о тебе¹. Я тоже, как и ты, часто чувствую личное угасание, старость свою и тогда особенно тоскую по тебе, друг до конца. Все, ч<то> я сказала бы тебе сейчас, прозвучало бы неуверенно (усталость), но втайне я верю в связь всего со всем (по-гетевски) и в вечную жизнь чел<овеческого> духа, и это мое утешение.

Ах, Вера, как мне хотелось бы знать, что и как ты написала! И если только силы есть – пиши хоть по капельке. Это будет и меня побуждать. Оч<ень> жду твоего письма и что-ниб<удь> о Л<ьве> И<сааковиче>². Обнимаю нежно, берегу в себе неизменно. Ж<еня>.

Кончаю в М<оскве>, где второй день отдыхаю, как в санатории, в уютной, тихой квартирке, провожаю и встречаю Веронику с экзаменов.

Жду тебя, любимый друг.

¹ К этому времени Е.К. уже написала и отправила подруге несколько глав воспоминаний о детстве и юности. Среди них и глава «Вера» о В.С. Гриневич. См. в кн. Евгения Герцык. Лики и образы. М., «Молодая гвардия», 2007.

² Лев Шестов умер в Париже 20 ноября 1938 года. В письме В.С. приводит отрывки из статей его памяти.

***Вера Гриневич –
Евгению Герцык.
София – Москва***

12 мая 1939

Сейчас твоя откр<ытка> от 29. 1У с таким волнующим извещением, что едешь наконец в М<оскву>, и что я могу наконец послать тебе письмо. Моя голубка родная, если б только могла я хоть сотую долю передать из того, что сгустилось в душе за это долгое время. И если б ты знала, как от одной возможности поделиться с тобой более полно – наполняет мою душу радостным подъемом. “Все в душе угнетенной моей пробудилось” – Но где же силы?! Я так обнищала духом, так ослабла, что только вера в твою всепоглощающую любовь и проникновение бодрит меня и дает веру, что как бы плохо я ни писала – ты все воспримешь и преобразишь.

Из моих двух предыдущих открыток в К<урск> ты уже знаешь главное фактич<еское> о нас, теперь же мне хочется говорить с тобой о том “нашем”, чем я ни с кем делиться не могу... Побуждаемая твоим примером я принялась, по настойчивой просьбе Дика, писать свои воспом<инания>. Но как непосильно стало это мне! С перерывами по неск<олько> недель я кое-как справилась со вступлением и первыми

впечатл<ениями> детства в Суд<аке> – отчасти то, что я и тебе писала.

Конечно, не надеюсь или даже не верю, что у меня хватит сил изложить хотя бы в самых общих и плохих чертах главные этапы моей жизни – но самый процесс восстановления в памяти прошлого и подведение ему итогов – дает мне большое удовлетворение, заполняя пустоту и несостоятельность моего настоящего здесь, и помогает мне очистить и приготовить себя к концу, кот<орый> хоть и медленно, но все ускоряясь близится. В то же время, присланные тобой страницы меня вдохновляют, и я отвожу душу на вас обеих в те ранние годы, когда я вас только начинала узнавать. И вот по поводу них я хочу снова высказать тебе, как я все больше оцениваю и твое мастерство изложения, и то очарование, кот<орым> исполнен образ вас обеих. Я только бесконечно сокрушаюсь о том, что не могу с достаточной силой убедить тебя в необычайной литерат<урно> историч<еской> ценности твоих записок.

Какими чудесными выходят у тебя эти две девочки, подруги, почти близнецы, и в то же время такие различные – при всем твоём казалось простым сдержанном повествовании. Как вопреки окружающей такой серенькой среде и мирных провинциальных условиях – выросли вы обе, как два андерсеновские “утенка”: – ни на кого не похожие и все сами в себе “творящие”. – Я всегда любила всякие автобиограф<афичные>, личные воспомин<ания> и дневники, а пока у меня большой выбор для сравнения, и я без малейшего пристрастия (даже наоборот, – я всегда особенно требовательна к тем, кого люблю) – скажу, что твои воспом<инания> выделяются среди лучших и увековечат тебя и Адю.

Я беру для сравнения воспомин<ания> Марины¹, также и Ремиз<овские>² и, хотя нахожу их художественнее и красочнее твоих, но у тебя нахожу превосходство в противоположном – по сдержанности, насыщенности и отточенности стиля целомудреннее и глубже. У Марины, как и у Ремиз<ова>, так и у Башкирц<евой>³ – в центре только их “я” и его отдельности от других. У тебя же все личное, даже самое интимное,

растворено в человек<еском> бытии, слито и проникнуто духом эпохи. И такая сжатость, теснота слов, что не только нельзя выбросить ни одного лишнего слова без ущерба главн<ому> смыслу, но и заменить другим.

Вот почему твои воспоминания, когда ты их доведешь до конца, хотя бы и периодом символизма – будут нужны всем своим проникновением в тайны человек<еской> души и ее судьбы. И пот<ому>, дорогой мой бесценный друг, я так заклинаю тебя продолжать начатое, помни при этом, что это твой “посмертный” долг перед Адей, завещавшей его тебе своим слишком ранним уходом, и исполнение его должно стоять у тебя впереди всех и всего. Но я боюсь, что мое мнение, как профана, не может убедить тебя, т<ем> б<олее>, что ты так страдаешь “недооценкой” себя, а пот<ому> я горячо умоляю тебя разрешить мне подрергнуть критике твои записки такому высокому авторитету в области историколит<ературной>критики, как Биц<илли>⁴. Он не только объективнейший, строгий и утонченный критик, но всесторонний эрудит в области общеевроп<ейской> литер<атуры>. И я обещаю тебе передать тебе в точности, ничего не скрывая, его оценку. Ты не поверишь, как мне самой этого хочется для того, чтоб с его помощью еще лучше понять все значение твоих воспомин<аний>.

Я занялась перепиской их в тетрадь и вижу, как впечатление выигрывает от цельного изложения, не разбросанного по письмам. Милая, любимая, позволь мне это, ведь он тебя не знает и такой ... человек, стоящий в стороне от всяких течений, кружков и политики, что будет судить о тебе, как о всяком незнакомом ему литераторе. Только хочу напомнить, что ты или не прислала мне или пропала с письмом глава перед вашим переездом в Севаст<ополь>, где ты начинаешь прямо об Аде. Сейчас я хочу еще о другом.

15-го

Пятый день пишу поглощенная только тобой и в отчаянии, что так медлю и запаздываю, т.к. ты можешь даром

пройти на почту, если приедешь к пятнадцатому в М<оскву>. Прости, голубка, что закончу только рассказом о том, как умер наш дорогой несравненный Лев Ис<аакович> и как его оплакив<ают> друзья.

“Покидая его в последний раз, – пишет Шлецер⁵, – я уходил, однако, со смутной тревогой: он показался мне ещё более похудевшим, физич<ически> ослабевшим, до истощения; но ум его был по-прежнему так остр, напряжение душевных сил так сильно, столь страстно звучала его речь, когда беседа касалась излюбленных его тем, что не верилось в близкую опасность, кот<орая> таилась именно в этом внутр<еннем> пламени, сжигавшем его немощное тело...”

Смерть наступила внезапно. Около двух нед<ель> назад Л.И. заболел бронхит<ом>. По совету врачей его перевели в клинику. Температура вскоре спала, начал<ось> поправл<ение>. В субб<оту> веч<ером> его навестила жена, ничто не предвещ<ало> близкого конца. В этот день впервые появился аппетит. Он заснул и провел спокойн<ую> ночь. Около восьми ч<асов> ут<ра> проснулся, на зов подошла сиделка, пожелала доброго утра, поставила градусник. Л.И. повернулся на бок к стене и вдруг перестал дышать. Он умер от разрыва сердца...

Л<ев> И<саакович> был не из тех философов, кот<орым> удается уйти от действит<ельности>, замыкаясь в кругу своих мыслей. Он не в состоянии был и, главное, не хотел “вознестись” над преходящим, чтобы понять его. И в последние годы он реагир<овал> на него с еще большей чуткостью и силой, чем раньше. Все то, что сейчас вокруг нас происходит, вся мерзость, грозящая нас захлестнуть, ускорила его смерть, нарушив хрупкое равновесие, кот<орое> кое-как поддерживалось между его могучим духом и изнемогающей плотью...

В предисл<овии > к “Философии трагедии” он приводит слова Бел<инского>, требовавшего ответа за все жертвы истории и отказывавш<егося> от будущего благополуч<ия>, купленного ценою страданий.⁶ Эти слова Бел<инского> поразительно соответствов<али> насущнейшей потребности и

всему мироощущению Л<ьва> Ис<ааковича>. Для него прошлого как такового не существовало: оно было настоящим; насилие и несправедливость, учиненные над Сократом, во все не являлись историч<еским> событием, кот<орое>имело место более двадцать век<ов> тому назад. Событие это произошло здесь, на глазах Л.И., оно все еще длилось и будет длиться, если только не совершится чуда, и “бывшее станет небывшим”. Эта мысль об уничтож<ении> не последствий факта, а самого факта – дерзновеннейший вызов, когда-либо брошенный разуму (как справедливо указ<ал> Берд<яев> в своей речи в Рел<игиозно> фил<ософском> общ<естве>?) находилась в глубокой тесной связи с душевн<ым> строем Л.И., с тем, что можно было бы назвать его антиисторичностью, с исключительно своеобразным восприятием им времени и пространст<ва>, благодаря кот<орому> и Сократ, и Паскаль, и Спиноза, и Киркег<ард> становились в полном реальном смысле слова его современниками.

Рассказ<ывал> же он с каким удивлением прочел он однажды: “гениаль<ный> немец Ницше”. Никогда ему не приходило в голову, что Ницше немец: Н<ицше> был его другом, страстные поиски и борьбу он делил; и вовсе не гениальн<ый> писатель и филос<оф>, а живой, безмерно несчастный”. – В последнее время Л.И. стал усиленно заниматься индусск<ими> философами. Из бесед с ним становилось ясным, что он совершенно не считался с ист<орией> и географией, не обращал внимания, что эти люди были индусами, писали на чуждом ему языке, что способ их мышления и выражения был отличен от нашего. Да, отличен, – соглашался он мимоходом, – но не в этом дело. И Л.И. быстро открыл в них новых друзей и соратников в борьбе: ведь движимы они были тем же порывом, искали того же, к чему стремился и сам Л.И. и дорогие его сердцу мыслители Запада – спасению.

Личная его судьба, как будто, не была трагична в том смысле, кот<орое> он придавал этому слову, прилагая его к Ницше и Киркегарду. И однако “Философия трагедии” – страшная книга и могла быть написана лишь человеком ис-

пытавшим безисходность. Л<ев> И<саакович> испытал ее действительно, мне кажется, он знал ее не спекулятивно, а упершись сам в глухую стену, потому именно, что Ниц<ше> и Дост<оевский> вовсе не были гениальн<ыми> авторами великих творений, а живыми людьми, такими же, с кот<орой> он встречался в обычной жизни, быть мож<ет> даже не более несчастными, но острее осознававшими основную трагичность чело<веческой> жизни и отчаянно борющимися. И безумие Н<ицше> было и его, Л<ьва> И<сааковича> безумием; метания Паскаля – его метаниями; отчаяние Киркег<арда>, потерявшего свою невесту – его отчаянием”...

А вот, дорогая, как пиш<ет> Ал<ексей> Мих<айлович> Р<емизов>. “Последнее напечат<анное> Л.И. – о Берд<яеве>⁸; последний разсвет – на рю Буало: окна клиники против нашего окна. Это судьба. И этой судьбой однажды соединило нас на всю жизнь... “Человек” – я говорю о человеческом мире – пропадает именно от своей тупой “разумности” и холодной “расчетливости”, этот самообманывающийся, непогрешимый игрок! А что это так, не надо и смотреть, чтоб почувствовать, что твориться кругом, какое бездонное горе разливается по миру в этом море заочных бесспорных приговоров, теоретич<> программ, без слуха к живой трепещущей жизни.

Ш<естов>ское “безумие, апофеоз беспочвенности” был вызов именно этой мировой бездушной машинности, этому подлинно бесчувственному идолу “логизирующему сухарю”, для кот<орого> горячее человеческ<ое> сердце с его безграничной волей к чудесам – сапогом! – : “дважды два четыре!. Как один из старших братьев не учил меня житейской мудрости на манер гофмановского кота Мурра: воображаете, какая выходила ерунда! И еще потому мне было легко с ним и свободно, – вот кто не деревяшка, не эти безулыбные, лишённые юмора трезвые люди, среди кот<орых> дышать нечем! “Беспросветно умен” – так отозвался о Ш<естове> Розанов⁹, а я скажу и “бездонно сердечен” – это тоже дар: чувствовать без слов и решать без расчета”¹⁰

Милая, дорогая, сейчас меня прервала твоя открытка от седьмого. Итак, ты едешь, но при этом смущает приписка, что сидишь дома, грипп опять! Ах, моя любимая, как невероятно трудна твоя жизнь, а к тому же еще и бедный милый Ника. – “Es ist eine alte Geschichte” и всем приходится ее изживать в молодые лучшие годы. И еще грустнее от твоих слов, что «лично вы давно не имели от Дали писем» и «много печалит, томит». Зачем, зачем не могу делить все трудности с вами!! А тут еще боюсь, что и письмом этим навею на тебя печаль.

Но, дорогая, одно дело – печаль от преходящего, от частностей жизни, и другое – мировая печаль, кот<орой> болеют души великих, как Л<ьва> И<саковича>... О Н<иколае> А<лександровиче> давно нич<его> не знаю, но он читает, пишет, живо отклик<ается>, его переводят¹¹. Спешу сейчас же отправить это письмо, чтобы продолжить в следующем, через неделю, и сегодня же напишу Диме о деньгах и, если их не вернули, то чтоб немедленно послали тебе в Москву, хотя и безумно жаль, что так мала сумма. Ах, как много мог помочь, делать добра Вадя¹², еслиб не отошел от меня, не поддался всецело Нине, не погрузился в материю и пустоту...

Милая, из М<осквы> жду от тебя только кратких открыток, п<отому> ч<то> ты должна всю себя отдавать самым близким в М<оскве>, особенно Нике, Веронике, да и стольким другим. Кто заменит тебя при Любе? Какой ты ее оставила? Твоя вся навеки. Вера

¹ С 1934 года Марина Цветаева стала регулярно печатать в периодике эссе, либо вспоминая семейные истории («Хлыстовки», «Дом у старого Пимена», «Мать и музыка», «Открытие музея» и т.д.), либо посмертные портреты и характеристики друзей («Живое о живом», «Пленный дух», «Нездешний вечер» и т.д.). Гриневич посылала выписки из поэтических эссе Цветаевой в СССР подруге. Далее многое распространялось в списках из этого канала.

² Ремизов А.М. уже в 1920-е годы публиковал неоднократно книги автобиографического характера: «Шумы города» (Ревель, 1921), роман-хроника «Взвихренная Русь», «Кукха: Розановы пись-

* Эта старая история (нем.)

ма» (Б., 1923); книга этюдов и зарисовок «Россия в письменах» (Б., 1922). Ремизов Алексей Михайлович (1877–1957), прозаик. В эмиграции с 1920 года. С В.С. Гриневич был связан еще в 1910-е годы. Ее письма к Ремизову 1907 года есть в РГАЛИ, а открытки эмигрантского периода хранятся в Амхерсте (США).

³ Дневник русской художницы Марии Башкирцевой, изданный сперва на французском языке (1887), а затем и на русском (1893) был излюбленным женским чтением поколения сестер Герцык и В.С. Гриневич. Марии Башкирцевой (1858–1884), рано умершей талантливой художнице, Марина Цветаева посвятила свой первый поэтический сборник «Вечерний альбом».

⁴ Бицилли Петр Михайлович (1879–1953), приват-доцент всеобщей истории Новороссийского университета. Эмигрировал в Сербию, с 1924 в Болгарии, преподавал в Софийском университете. Автор статей в журналах «Звено», «Числа», «Русские записки». Скончался в Софии.

⁵ Шлёцер Б.Ф. // Последние новости. 1939, 13 января. Шлёцер Борис Федорович (1881–1969), муз. и лит. критик, философ, переводчик, журналист.

⁶ В предисловии к книге «Достоевский и Ницше (Философия трагедии)» (1902) Лев Шестов в связи с размышлением о романе Лермонтова «Герой нашего времени» упоминает статью В. Белинского об этом романе.

⁷ Возможно автор имел ввиду речь Бердяева в Религиозно-философской академии, заседания которой проходили в Париже по адресу 10, Бульвар Монпарнас, 15е.

⁸ *Шестов Лев.* Николай Бердяев // Совр. Зап., 1938, 67. Бердяев в свою очередь

⁹ *Розанов В.В.* Новые вкусы в философии // Новое время. 1905. 17 сент., № 10612. – Рецензия на кн. Шестова «Апофеоз беспочвенности». В эмиграции Шестов опубликовал статью «В.В. Розанов (Путь. 1930, 22).

¹⁰ *Ремизов А.М.* Памяти Льва Шестова // Вестник, 1938, 127.

¹¹ Н.А. Бердяев, живший в Кламаре под Парижем, действительно, больше других русских мыслителей пользовался успехом на западе.

¹² Вадим Павлович Гриневич, сын В.С. Гриневич, живший с ней в Софии. Занимался вопросами психологии. Нина – его жена, стоматолог.

Юрий Завадовский

Как я стал востоковедом *Билибин и Восток*

Ивана Яковлевича Билибина все знают преимущественно как знатока русского искусства, как создателя своего, билибинского, русского стиля. Мало кому, возможно, известен его интерес к Востоку, к восточной тематике, восточному пейзажу и в особенности к тем деталям, накопление которых и составляет специфику Востока. Даже в его русских стилизациях часто присутствуют восточные мотивы, органически переплетаясь с первыми в одно целое.

Этот интерес у него был глубок и сочетался с отличными знаниями и неутомимыми поисками для уточнения деталей. Мне пришлось соприкоснуться именно с этой стороной его творческой деятельности.

Знакомство с Иваном Яковлевичем у нас было семейное и началось в Крыму. Моя мать Александра Александровна Завадовская, урожденная Белелюбская, проводила там летние сезоны с родителями и рассказала мне, что у них часто бывал гимназист Ваня Билибин, который в то время писал крымские пейзажи, тот самый, который потом стал знаменитым художником. Это было так давно — вероятно, в конце прошлого столетия, когда Крым был еще русским Востоком.

Когда же волею судеб мы все очутились в двадцатых-тридцатых годах двадцатого века в Париже, то матери предстояло решить вопрос: учить ли меня живописи, либо предоставить мне право стремиться к востоковедению. Оба эти направления весьма прельщали меня, но нужно было получить совет от компетентного лица. Иван Яковлевич был, без всякого сомнения, *the right man in the right place**. И он сказал: «Нет. Искусство не кормит, пусть идет по востоковедению». Его слова стали решающими. Он понимал, что нелегко приходилось в те годы работать во Франции русскому художнику, даже с мировым именем.

И я пошел учиться в Школу живых восточных языков. С тех пор, несмотря на разницу лет, между маститым художником и юным востоковедом завязалась настоящая дружба, основанная на моем интересе к живописи и интересе к Востоку. Всегда бывал очень рад и горд, когда художник расспрашивал меня о деталях восточных реалий или даже поручал разыскать в библиотеке что-нибудь ему нужное по восточной тематике.

Билибины занимали большую мастерскую с застекленными окнами возле остановки метро «Пастер», на бульваре того же имени. Зимой там топились буржуйка, но бывало настолько холодно, что гостей просили не раздеваться.

До Парижа Билибин жил в Египте, и привез оттуда восточные набойки (калем-кары), коптские иконы с черными мадоннами, арабские лубки (ксилографии) и множество интересных для будущего ориенталиста вещей, относящихся главным образом к народному искусству Востока. Все это украшало стены его мастерской. Привез оттуда и свои акварели — виды Египта и Палестины. Вероятно, редко кто представляет себе Билибина, как акварелиста-пейзажиста.

Не знаю, сохранились ли теперь эти работы, на которых запечатлено столько солнца и неподдельного Востока. В свое время они мне нравились больше всего другого.

* Подходящий человек на своем месте (англ.).

Когда вместе с французским издателем Дюшартром, пропагандировавшим народное искусство во всех его проявлениях, Иван Яковлевич устроил выставку русского и восточного лубка, то и он, и я дали на нее экспонаты из своих собраний. Но меня он особо привлек к переводам легенд на лубках и даче пояснений к ним.

После выставки он подарил мне многокрасочного воина, оседлавшего льва (оба с громадными усами!), который у меня висит дома в Новых Черемушках. (Этот лубок, изображающий персонажа из народного эпического романа Бени-Хилаль, я даже опубликовал с комментариями в чешском журнале «*Nový Orient Arabsku lidové obrázky*» в пятьдесят первом году.)

Для издательства «Натан» Билибин сделал ряд иллюстраций к «Тысяче и одной ночи», от которых у меня сохранился оттиск вида базара в Самарканде с собственноручной дарственной надписью «страдающего в острой форме эпистолофобией Ивана Билибина». Дело в том, что я был тогда на Востоке, и оттиск для меня передан моей матери в Париже. С тех пор я побывал в Самарканде реальном, но билибинский сказочный Самарканд ни в одной детали не противоречит действительности и ее духу.

На тему арабских сказок Иван Яковлевич создал также серию цветных панно для украшения школ. Он подарил мне одно из них, которое было забраковано издателем и не отпечатано в красках; оно изображает Джина, явившегося Аладину после того, как тот покрутил лампу. Мотивировка отказа издателя: джин слишком страшен для детей!

В пору моей молодости огромное общеобразовательное значение имели для меня билибинские «среды». Иван Яковлевич показывал в этот день свои новые работы, а иногда и кое-что из старого. Работы ставились на мольберт, и все подходило смотреть.

Тогда же демонстрировала свои произведения и жена Ивана Яковлевича, художница Щекотихина-Потоцкая. Она много расписывала фарфора для Севрской мануфактуры и выставляла его тут же в мастерской.

Помню, в особенности эффектен был сервиз с рыбами. В эти дни бывали завсегдатаи, одним из которых стал я сам. Среди них был старичок Сергей Кондаков, сын знаменитого Никодима Павловича, крупнейшего русского византолога, умершего в эмиграции в Чехословакии, где был основан в его память *Seminarium Kondakovianum**.

Посещали «билибинские среды» и русские художники, критики искусства и литературы, писатели и поэты и просто интересные и талантливые люди.

С писателями Ладинским и Корсаком говорили о Египте, где они тоже жили, и знали еще там Билибина. Режиссер и литератор Николай Евреинов устраивал нам русскую диктовку, и первое место мы разделили *ex alquo*** с Иваном Яковлевичем. Фразы были вроде: «воробышек прыгает с камешка на камешек», «попадья потчевала подъячего ветчиной» и тому прочее.

У Билибиных собирались люди со всех концов эмигрантской диаспоры — ученый из тропических джунглей или бородач-водоискатель с рогатиной с самой северной оконечности Норвегии. Не помню фамилии последнего, но он произвел на всех нас впечатление. Рогатина его поворачивалась вниз, и он обнаруживал спрятанную под ковром монетку, так как в городе нельзя было проверить его способ на родниках.

Реже бывали иностранцы. Больше всех нас очаровали персидские танцоры и фокусники Меджид и его прелестная подружка Нахиде. Он скандировал нараспев мистические двустишия Джелаладина Руми, а я переводил. В то время я был очень увлечен персидской поэзией и читал как раз это произведение в Сорбонне под руководством профессора Минорского.

Кто только не перебывал у Билибиных! И какая-то монгольская принцесса, и американский профессор Уиттимор,

* Сборник статей по археологии и византиноведению. Издавался Институтом имени Н.П. Кондакова в Праге (1925-1939) и в Белграде (1939-1940).

** Поровну (*лат.*).

директор Чикагского византийского института, реставрировавшего мозаики Святой Софии и Кахриэ-Джами в Константинополе. Он разыскал для этого последних мозаичистов в Италии, помнивших секреты строителей Равенны, передававшиеся от отца к сыну.

Помню, однажды кто-то привел молодого американца хорошо подвыпившего. Его научили малоприличной русской песенке, и он ее, ко всеобщему удовольствию, спел. Этим его знания русского языка исчерпывались.

Мы вышли с «билибинской среды» вместе, говоря по-английски, и на прощание я спросил его имя. «Эрнест», — отвечал он. Только потом я узнал: это был Хемингуэй!

Как-то католики заказали Ивану Яковлевичу рисунок для митры епископа монсеньора Шапталя по византийскому образцу. Иван Яковлевич рассказывал, как ему надо было дать указания относительно красок монахине, которая вышивала митру. Он не ожидал, что ему лично придется с ней говорить.

Монахиня оказалась кармелиткой, замурованной в келье, из которой нельзя выйти и в которую нельзя войти. Пришлось с ней говорить через окошечко в стене.

Но все это были случайные заработки. На чужбине русскому художнику приходилось нелегко, и Иван Яковлевич все время вспоминал родину и подумывал о возвращении домой.

Последней каплей, переполнившей чашу его долготерпения, была размолвка с французским издательством. Издатель предложил Билибину офранцузить свою фамилию для иллюстрации к какой-то книге на ура-патриотическую тему. Художник дерзко ответил, что с удовольствием примет фамилию Мерд, то есть дерьмо.

После этого случая Билибин через некоторое время пришел к моей матери и объявил, что уезжает в Россию, и даже «по генеральскому чину», и не знает, примет ли его теперь Александра Александровна.

Конечно, она приняла его, конечно, поздравила и пожелала доброго пути. Тогда она не знала, что и сама после войны последует за ним, и оба они упокоятся в родной земле...

Сергей Пестов

Странное христианство Елены Чудиновой*

Роман «Лилея»** – продолжение «Ларца». Главная идея книги, насколько можно понять авторский замысел, – утверждение ценности христианской веры и необходимость ее отстаивания. В сравнении с «Ларцом», «Лилея» производит впечатление книги, более свободной от оккультных наслоений, хотя и не до конца. Тем важнее посмотреть, каким христианство представлено в романе.

Завязка сюжета такова. После приключений, описанных в «Ларце», прошли годы, его герои выросли. Нелли вышла замуж за Филиппа Роскофа, они мирно живут в усадьбе, и у них растёт сын Платон. Тем временем во Франции бушует революция, и оттуда в Россию проникают агенты санкюлотов с целью убить Филиппа и похитить его сына, нужного им в качестве заложника, чтобы захватить отца Филиппа – Антуана де Роскофа, возглавляющего отряды противников революции. Филиппа отравляют, но, перепутав, вместо Платона похищают Романа, младшего брата Нелли, и она, даже не дождавшись похорон любимого мужа, бросается в погоню за похитителями. В конце книги все закончится благополучно – и Романа найдут, и Филипп окажется живым:

* Начало в № 237. Печатается в сокращении – *Ред.*

** М.: Лепта, 2006.

Параша, уже знакомая нам подруга Нелли, прежде чем отправиться вместе с ней в дорогу, успела напоить Филиппа лекарственными снадобьями, так что в отсутствие жены он очнулся.

Действие переносится в революционную Францию, куда три подруги, знакомые нам по «Ларцу», отправились на поиски Романа. Снова перед нами динамичное повествование, но теперь приключения происходят в гуще исторических событий. Мы видим Париж и французскую провинцию в дни террора, жестоких якобинцев и сочувствующую им городскую толпу, бедствующую, но готовую соучаствовать в революционном кровопролитии. Наконец, мы видим восставшую против революционных властителей Бретань и тех, кто сопротивляется новым властителям – шуанов, противостоящих революции крестьянских повстанцев, предводительствуемых дворянами-роялистами.

Зная предыдущие книги Елены Чудиновой, ясно, на чьей стороне ее симпатии и где писательница ищет пружины, движущие событиями. Причину революции, конечно же, автор видит в происках тайных сил, а в нравах и вкусах революционной эпохи герои романа, прошедшие через борьбу с Хомутабалом, видят, естественно, возрождение языческих нравов Финикии. В связи с этим автор уделяет христианству, как кажется, больше внимания, нежели оккультным представлениям.

К началу повествования Нелли даже утратила дактиломантные способности, определявшие сюжетное развитие «Ларца». Впрочем, знакомый нам по предыдущему роману оккультный мотив мистики крови постоянно присутствует и в «Лилее», и даже покушение санкюлотских агентов на Филиппа Роскофа трактуется как охота на «чистую кровь».

Католицизм, тем более преследуемый, для Чудиновой не «латинская ересь», не вероучение, враждебное православию по своей природе, как для некоторых авторов, а часть единого, но расколовшегося христианства. «Католики теперь в гоненьях, прямо как первые христиане. Ежели они и не правы в чем, кровь мученическая многое смыть может».

Подобные высказывания автора и ее героев резко диссонируют с антикатолическими заявлениями иных «православных патриотов», и в то же время могут вызвать одобрительные отклики, как католиков, так и тех православных, что положительно воспринимают идею межконфессионального диалога. Но торопиться с выводами о том, что стоит за такими суждениями, не стоит.

Описываемые события показаны схематично: все революционеры изверги, все монархисты благородны и почти идеальны. Упоминая о революционных жестокостях, «автор заверяет читателя своим словом, что ни единой мерзости о революции Французской он не выдумал из собственной головы». Мерзостей тогда хватало с избытком, и все-таки вместо клятвенных заверений не мешало бы привести ссылку на источники. Они бы нашлись, но без них авторские клятвы недостаточны.

То, что творилось во Франции под революционными лозунгами, сейчас мы можем трезво оценивать, опираясь не только на воспоминания, написанные спустя больше или меньше времени после самих событий. На документальной основе мы знаем и о том, сколь жестокими были карательные акции якобинцев не только против восставших, но и против всего лишь «подозрительных» крестьян, которых каратели уничтожали поголовно, целыми семьями и деревнями.

К сожалению, жестокость гражданских войн никогда не бывает односторонней. И если в книге Бретань названа «краем жестоким, но не злым», то это определение не вызвало бы возражений, если бы писательница не старалась смягчить или оправдать трагическими обстоятельствами и военной необходимостью жестокость положительных персонажей, воюющих в другом лагере. Вопреки авторскому замыслу, жестокость не всегда выглядит вынужденной.

Бретонцы, суровые крестьяне и моряки, верные Церкви и старинным обычаям, описаны с большой симпатией и заставляют вспомнить Пастера, мечтавшего иметь веру бретонского крестьянина, а еще лучше – бретонской кре-

стьянки. Воюющие в Бретани роялисты являют собой в романе пример гармоничного единства сословий, дворянства и простонародья. «Крестьяне? Дворяне? По одежде было не разобрать».

Чудинова старается уверить читателя, что описанные ею аристократы благородны, но хотелось бы уточнить: считают ли эти герои романа допустимым рыцарское отношение к поверженному противнику, без чего о благородстве говорить невозможно?

С симпатией описана аристократка, приучившая своего жеребца насмерть затаптывать врагов, и получающая от этого удовольствие. Эта героиня признается: «...хотела б я вытравить из сердца все иные чувства, кроме жажды мщенья! Зачем они, только ненавидеть мешают!».

Якобинцы демонизированы, и они действительно были жестоки, но почему садизм их противницы писательницу не настораживает? Только ли потому, что «на войне, как на войне», и врагов не жалко? Или же потому, что здесь мы видим воплощение озвученной некогда отцом Модестом теории о здоровой и нездоровой жестокости?

То, что роялисты и шуаны убивают в качестве мести за многочисленных жертв террора, дела не меняет: почти все жестокости оправдываются необходимостью ответного возмездия.

«Санкюлоты похвалялись безболезненностью своей адской машины. Однако ж король Людовик умирал, теща толпу своими муками». Революционные властители в романе осуждаются за массовое внедрение гильотины, и король вызывает дополнительное сочувствие, как казненный с ее помощью. Да, расправа была отвратительной. Но не мешало бы помнить, что сам Людовик XVI не возражал против нового орудия казни и даже усовершенствовал его, предложив форму лезвия – косой срез. Не рой другому яму...

«Лилея» полемически заострена по отношению к тем книгам о Великой Французской революции, которые десятилетиями были наиболее доступными для русского читателя.

Елена Чудинова обвиняет в невежестве и Виктора Гюго, иначе смотревшего на революцию, и Оноре де Бальзака, роман которого «Шуаны, или Бретань в 1799 году» в советские годы был чуть ли не единственным произведением о сопротивлении бретонской провинции парижским республиканцам, написанным монархистом.

Основанием для чудиновских упреков служит незнание писателями тех подробностей шуанских военных приемов, которые держались в тайне от посторонних, например, способов передачи сигналов на дальние расстояния с помощью ветряных мельниц. Ну, на то и военная тайна, чтобы о ней не распространяться даже спустя годы после окончания боев.

Собственные же проколы Чудинова не замечает. Так, герои романа упоминают расположенное на северо-востоке от Франции Бельгийское королевство, которому предстояло возникнуть только в 1830 году. В описываемое же время земли нынешней Бельгии были провинцией Австрии.

Ларошжаклен, один из предводителей шуанов, в беседе с Нелли излагает свои суждения о единстве монархии, дворянства и христианства. «Франция-Краса, возлюбленная дочь Церкви, жива, покуда вздымается потир. Без потира нет и помазания на царство, если нет помазанника, нет и предстоятеля за Францию перед Господом, нет короля. Но и без дворянства короля также не бывает, король – плоть от плоти дворянского сословия. Священный порядок на земле держится струеньем благородной крови». Но дворянства нет без дуэлей: «Дуэль всегда запрещали, но она всегда жила. Ее исчезновение будет главным признаком смерти дворянства».

Сознают ли герои Чудиновой противоречие? Без монархии, по Ларошжаклену, нет полноценной церковности, без дворянства – монархии, но дворянства нет без дуэлей, а значит – без прощения обид. Как же быть с прощением? Без него нет христианства. Конечно, среди многих людей, называющих себя христианами, распространено самооправдание: можно прощать личных врагов, но не врагов веры и отечества.

Но чудиновские дворяне и личных врагов прощать не хотят. Монархическая церковность по Чудиновой противоречит и другим заповедям, например, заповеди «не убий», но, должно быть, для писательницы дуэль, как и казнь – не убийство. А если нельзя жить, стерпевши оскорбление (например, «подставив вторую щеку», чтобы избежать разрастания конфликта), то, видимо, надо застрелиться. Тоже проблематично с точки зрения христианства...

Столь вольное обращение с заповедями роднит излюбленных Чудиновой дворян-роялистов с теми самыми революционными вольтерьянцами, против которых они, казалось бы, борются.

Да и в самом деле, кто они? Верующие католики, которым вера дорога независимо от извлекаемых из нее выгод, или циники, прагматически использующие религию в земных интересах? Ведь и Вольтер не возражал против использования религиозных представлений для управления народными массами. А на вольтерьянстве, прямо скажем, выросли не только революционеры, но и их противники, многие из которых стали демонстрировать верность Церкви уже после революции.

Поэтому мы вправе заподозрить чудиновских аристократов-роялистов в том, что в католицизме их привлекает возможность с его помощью религиозно обосновать устраивающий их социальный порядок. А еще – казаться «своими» для бретонских крестьян и мореходов, чья вера была искренней.

Поэтому трудно избавиться от подозрений, что обе враждующие стороны, каждая по-своему, стараются искоренить христианство. Одни – прямо отрицая и пытаясь уничтожить, а другие – обескровливая его изнутри, сохраняя старинную эстетику и организационную форму, но подменяя суть веры собственными идеологическими конструкциями.

И когда герои «Лилеи» рассуждают о Евхаристии, снова, как и после прочтения памятных страниц «Держателя знака» и «Ларца», приходится обратить внимание на то, что трактовка Таинства в романах Елены Чудиновой не похожа на его понимание Церковью. Рассуждения персонажей о смысле

того, что совершается во время литургии, основаны не столько на понимании того, Чья Кровь в Чаше, сколько на оккультно-языческой мистике крови, навязчиво присутствующей в книгах Чудиновой.

Подобно подмене смысла Евхаристии, христианство в романе подменяется вполне земной идеологией, использующей христианскую терминологию.

Причины того, почему массы французов, терпя голод и жестокости, все-таки революцию поддержали, из «Лилей» понять невозможно. Согласно писательнице, почему-то, то ли по собственной глупости и порочности, то ли подпавав под дурное влияние злых сил, а скорее всего, будучи отравлены вредоносной галльской кровью, все эти люди впали в массовое безумие и встали на путь зла. Более внятного объяснения нам не представлено.

Думается, однако, что гораздо объективнее и пронизательнее, сравнительно с автором «Лилей», был Чарльз Диккенс. В «Повести о двух городах» он трезво изобразил мерзости революционного насилия, но там же показал и тяжелую жизнь тех французов, которые не от хорошей жизни поверили революционным обещаниям. Но Диккенс и в самом деле смотрел на вещи по-христиански.

Причины революционного террора были ужасны не только и даже не столько тем, что его творили злодеи, а тем, что люди, искренне хотевшие сделать как лучше, избрали неверные ориентиры и еще более несостоятельные пути к ним. В итоге они оказались одержимыми злом, на путь которого вступили незаметно, шаг за шагом.

Но для писательницы организаторы революции – изначально порочные люди с садистскими наклонностями. Так проще, не надо ломать голову. О том, что противники революционного террора способны столь же незаметно сползать в такую же бездну, автору, видимо, думать не хочется.

По ходу повествования роялисты поют старинную песню, сложенную английскими монархистами, сопротивлявшимся

Кромвелю. В этой песне тем, кто отказывается пить за короля, желают «удавиться и в ад напрямиком провалиться». Все-таки равнодушна Елена Чудинова и ее героини к самоубийствам, и в «Лилее» без их упоминания не обошлось!

Отметим, что, по мнению героев романа во времена Людовика Святого различия между православной и католической традициями еще не разошлись безвозвратно, и сам Людовик, по версии автора, хочет примирения восточных и западных братьев. Да и отец Модест хотел бы, чтобы православные могли молитвенно обращаться к западному святому.

Через рассказ о Людовике Святом можно попытаться увидеть, чего автор ждет от христианства и христиан. Описывая суровое детство будущего короля и характер религиозности, в которой тот воспитывался, автор подчеркивает, что благочестивая мать-королева внушала ему страх перед грехом сильнее, чем любовь к Христу. Заповедь королевы «лучше в гроб, чем в смертный грех» отрицать невозможно, ощущать смертоносность греха необходимо, но можно ли стать святым только лишь на одном страхе, если запугивание гробом не уравновешивается Радостной Вестью о Спасении?

И хорошо бы уточнить, на самом ли деле автор романа считает смертным грехом убийство?

В книге много говорится о справедливости короля Людовика Святого, его молитвенных и аскетических наклонностях, о том, как он заботился о подданных. Но на первом плане – король-крестоносец, возобновивший крестовые походы на Восток.

Это закономерно для романа, в котором войнам за веру уделено больше внимания, чем содержанию веры. Король обрисован с большой симпатией, но почему он не только храбрый воин и справедливый правитель, но и святой, из романа понять трудно. Того, что он во время Великого поста вместо вина пил пиво, для святости недостаточно.

Впрочем, раскрыть святость художественными средствами, в самом деле, чрезвычайно трудно, здесь упрекать автора

не стоило бы. Только хотелось бы больше уверенности, что для автора святость хотя бы не всегда равнозначна воинственности.

Кульминация повествования – главы, изображающие перенесение мощей короля Людовика Святого, спасаемых от революционных осквернителей. Во время перенесения по следам шествия вырастают белые лилии – геральдический символ королевской власти во Франции, с ним связано и название романа. Красиво. Чтобы сохранить мощи, их переправляют в Россию, и перенесением занимается уже знакомое нам по «Ларцу» «Воинство» при личном участии отца Модеста.

В конце романа автор рассказывает о том, что перенесенные в Россию мощи были положены в Москве в католическом храме Святого Людовика, доньше действующем на Лубянке, но потом исчезли оттуда. В исчезновении писательница обвиняет не только безбожников, в XX веке уничтожавших святых по всей России, но и современных католиков, которые, дескать, «не дорожат нынче благородной стариною». Смысл подобных обвинений станет понятным чуть позже, когда мы коснемся проблематики другого известного чудиновского романа.

Вот только французский историк Жан ле Гофф в книге «Людовик IX Святой»^{*} рассказывает историю мощей иначе. Он подробно перечисляет не только документально зафиксированные, но и гипотетические перемещения мощей и их частиц. О том же, что мощи полностью или частично могли попасть в Россию, ле Гофф не упоминает ничего.

Положительный образ Великой Французской революции, внедрившийся советским образованием, теперь заменен однозначно отрицательным. Схема схемы стоит, обе не дают понять реальность в ее сложности, в итоге история в очередной раз подменяется мифом.

Миф, предлагаемый романом «Лилея», выдает за христианство не столько оккультизм, как в «Держателе» или «Лар-

* М.: Ладомир, 2001, стр. 237-241

це», сколько идеологию, согласно которой одну из временных и относительных форм организации общества следует считать выражением вечных законов мироздания. Перед нами разновидность утопического сознания, только здесь вместо мечтаний о светлом будущем нам предложено любование светлым прошлым.

«Мечеть Парижской Богородицы (Мечеть Нотр-Дам: 2048 год)»*, антиутопия о жизни в Европе, попавшей под власть мусульман – самая известная книга Елены Чудиновой. Кажется бы, роману, одно время активно обсуждавшемуся, здесь можно бы и не уделять много внимания. Но мы уже знаем, что все книги Чудиновой перекликаются, и после знакомства с ними смысловое содержание «Мечети» видится яснее.

Проблемы, вызванные бурным наплывом масс мусульманских эмигрантов в страны Европы, распространением ислама за пределами его традиционных регионов, и, наконец, ростом терроризма под мусульманскими лозунгами, реальны. Но в романе анализ не придуманных проблем, сопровождающих столкновение масс людей с различными верованиями, ментальностью и образом жизни подменен эмоциональной реакцией на них.

Реальная власть в мусульманской Европе, согласно прогнозу автора, принадлежит не мусульманам-европейцам, оттесненным на задний план, а арабам и другим иммигрантам. Французы-мусульмане показаны исключительно карьеристами и приспособленцами, прислуживающими новым повелителям из корысти или за страх, но ни в коем случае не за совесть, убежденных мусульман среди них в романе не видно. А ведь у автора, обеспокоенного распространением ислама среди потомственных европейцев, хотелось бы видеть проникновения в психологию людей, для которых ислам стал внутренним убеждением, а не только соблюдением правил игры.

* М.: Лепта, 2005

В романе, как и в других книгах Чудиновой, чувствуется симпатия к Франции. Непонятно только, как она уживается в сознании автора, мыслящего этническими стереотипами, с теориями о расовой нечистокровности французов, знакомыми нам по «Ларцу». Ну, а в суждениях о других народах герои Чудиновой не церемонятся. Наиболее неприязненно изображены чеченцы, но и остальные мусульмане не лучше. «Своих мозгов у них никогда не было, они не способны ни на что. Кроме убийства. Прожили двадцатый век нефтяными пивками, не производили, не изобретали». Это об арабах.

Противники исламских захватчиков настолько их не любят, что игнорируют арабские цифры и пользуются исключительно римскими. Вообще-то цифры, в Европе традиционно называемые арабскими и давно ставшие европейскими, на самом деле индийского происхождения, у арабов же совсем другие цифры. Интересно, готовы ли положительные герои романа, в пику арабам, отказаться и от алгебры?

И негоже нам, живущим в основном за счет экспорта нефти и газа, обзывать кого бы то ни было «нефтяными пивками»...

Оплотом, устоявшим перед мусульманами, в романе является Россия, к ней прислонилась оставшаяся католической Польша. И Чудинова, и некоторые другие авторы надеются, что Россию и весь мир спасет православие. Это было бы замечательно, вот только полагать, что православие в современной России уже утвердилось окончательно, у нас пока нет достаточных оснований. Герои Чудиновой, кстати, и это понимают.

То, что произошло в России XX века, не дает нам права утверждать, что большинство народа не отшатнется от христианства при новых гонениях, а может быть, и без гонений. «Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле?» (Лк 18:8).

Поэтому, почему бы и не рассмотреть вероятность того, что ислам сможет утвердиться в России, враждебной устоявшей перед искушениями Европе? Елене Чудиновой хорошо

известно, что на рубеже тысячелетий в России, как и в Западной Европе, появилось много новообращенных мусульман, этнических русских по происхождению.

Менее известно, что многие из них вовсе не собираются играть роль второразрядных помощников арабов или пакистанцев. Нет, неофиты ислама уже мечтают о превращении России в великую исламскую державу, перед которой мир, включая мусульманские страны и народы, будет трепетать. По словам одного такого молодого мусульманина, русского национал-радикала, «раньше мы гоняли на рынках нерусских торговцев за то, что они мусульмане, а теперь – за то, что плохие мусульмане».

Придя к власти, подобные радикалы не останутся без поддержки, ведь идея возрождения имперского величия ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ популярна. В этом случае мы сможем увидеть толпы карьеристов, спешащих в мечеть, согласно новой генеральной линии. Боюсь, что среди них окажется и немало нынешних поклонников творчества Елены Чудиновой.

Вторым народом, вызывающим авторские симпатии, и оставшимся оплотом православия, в книге представлены сербы, переселившиеся в Россию после того, как Сербия оказалась полностью захвачена мусульманской Албанией.

Одна из главных героинь, София Севазмиу (Гринберг), дочь российского предпринимателя еврейского происхождения, в детстве была захвачена заложницей чеченскими террористами, отрезавшими ей два пальца.

Кстати, еврейское происхождение героини не мешает книге содержать антисемитские выпады. «После Второй мировой, когда ошарашенное Гитлером человечество страшилось как чумы обвинений в антисемитизме, поляки были единственной нацией, не впавшей во всеобщую рефлекссию. Лет за десять они потихоньку выдавили из страны еврейство – момент был уж больно удачен, ведь фашисты его изрядно поубавили. Когда еще дождешься такого случая?»

Свою жизнь София посвятила мести своим мучителям и всем, кто с ними связан, и со временем стала одним из руко-

водителей антиисламского подполья, организатором террора против мусульман.

Психологический комплекс, при котором заложники испытывают солидарность со своими мучителями, обычно называют «стокгольмским синдромом». София рассказывает, что с ней долго работали психологи, чтобы избавиться от его последствий, и теперь она способна «находить жизненные силы лишь в ненависти». Но не проявляется ли тот же синдром в том, что жертва становится похожей на своего мучителя?

Я уже вижу гневное возмущение: да как можно упрекать жертву, пострадавшую от бандитов, нет – хуже, чем бандитов? Действительно, главной героиней Елена Чудинова вывела жертву гнуснейших мерзавцев, имеющую прототипом подлинно существующую девочку, пострадавшую от бандитов. Правда, на словах писательница высказывает пожелание, что «реальная девочка ни в чем не повторит судьбы моей Софии», и даже надеется, что «ей не попадетсЯ эта книга». Но и мы, со всей силой желая реальной жертве максимально исцелиться от травм, говорим не о ней, а о том образе, который получился у писательницы.

Как мы знаем, оплот армейской дедовщины – старослужащие солдаты, те самые, что совсем недавно сами были ее жертвами. Желание мести они вымещают не на своих мучителях, а на новичках, и так становятся такими же, как предыдущие мучители. Вот и София в изображении Чудиновой не обычная мстительница, она усвоила психологию своих мучителей. Не верите?

Каковы взгляды Софии на жизнь, мы можем узнать не только из эпизодов, где она действует по ходу развития сюжета, но и из ее бесед с другими героями романа. Один из них – отец Лотар, катакомбный священник-лефеврист, которого, между прочим, София называет СВЯТЫМ ОТЦОМ! И тот, как и отец Модест, не возражает.

На вопрос отца Лотара: «Вы никогда не убивали детей?», София отвечает: «Увы... Глупо не убивать их... Они и не дети

в нашем смысле слова. Просто особи, не достигшие взрослого размера... Вы скажете, попади их ребенок в добрые руки, его можно воспитать нормальным человеком... Они рады-раде-хоньки, чтобы мы думали именно так... Они почитают себя мастерами евгеники. Кого с кем скрестить для лучшего потомства... Только в итоге всех их генетических упражнений результат почему-то один – убийца и бандит... Надо душить в колыбели, а еще лучше – в утробе. А еще лучше – в семени».

По словам героини, ее останавливает только нежелание походить на своих врагов, но это только слова, она уже похожа на них. Поэтому плохо верится, что София сдержится, если ей подвернется ребенок.

Автора возмущает, когда плохое отношение к мусульманам называют расизмом, ведь «ислам – не национальность, ислам – религия». Но героиня ненавидит людей по факту рождения, а не только по религиозной принадлежности, и признание героини перечеркивает заявление автора.

В одной из глав «Мечети» повествуется о том, как юная София убила эстонку, снайпершу, воевавшую в Чечне за деньги. Стремление отомстить пособнице своих мучителей понятно, но в глазах героини, да и автора, чье отношение к эстонцам нам уже известно, за военные преступления одного человека в ответе весь нелюбимый народ, так что, убивая снайпершу, героиня (и автор) целится во всех эстонцев. Убийству предшествует воспитательная беседа, в ходе которой София Севазмиу вываливает на собеседницу набор знакомых антиэстонских стереотипов. Например, она упрекает эстонцев за Гартуский мир двадцатого года и уличает их в отсутствии значительной культуры. («Назови на спор хоть одного гениального эстонца...»)

Бессмысленно предвзятым людям называть имена всемирно известных эстонцев. Один только Арво Пярт внес в православную культуру куда более весомый вклад, чем авторы некоторых книг, выпущенных издательством «Лепта» в серии «Роман-миссия». Перечень талантливых эстонцев был бы длинным, но зачем метать бисер? Все равно реакция на эстон-

ские имена будет напоминать эпизод из старого советского фильма, где украинский националист возмущается висящим в гимназии портретом Пушкина: «Понавешали кацапов!».

Но даже если тот или иной народ не дал миру великих имен, что из того? Неужели ценность человека определяется только тем, сколько у него именитых соотечественников?

Воинственная героиня «Мечети», живущая ненавистью – сестра воинствующей шуанки из «Лилей», также живущей ненавистью. «Мечеть» и «Лилея», рисующие совершенно разные времена и события, созвучны, они и создавались примерно в одно время. В «Лилее» есть и прямой переход к теме «Мечети» – слова Антуана де Роскофа: «коли санкюлоты нас сейчас не dokonчат, так вновь хлынут и сарацины».

Борющиеся с исламистскими завоевателями участники Сопrotивления именуется Маки в память французских партизан Второй Мировой войны, но для автора актуальнее воспоминания о другой эпохе: борьбу новых подпольщиков писательница мыслит продолжением борьбы шуанов с якобинцами. Столь разнородные враги, как исламисты и якобинцы, в глазах автора сливаются, солдаты мусульманской армии, подобно якобинцам, даже одеты в синие мундиры. Оплотом же Сопrotивления, как и в годы революции, остается Бретань, а один из командиров подпольщиков действует под именем предводителя шуанов Ларошжаклена.

Елена Чудинова уловила важное созвучие описанных в ее романах эпох, хотя и не осознала в полноте его подлинный смысл. Ведь современный исламский радикализм – не обычный фанатизм, старый, как мир. Нет, в лице нынешних террористов мир столкнулся с исламской разновидностью идеологии революционного радикализма. Радикальный исламизм противостоит не только Западу и России, но и консервативным и умеренным мусульманским режимам.

Правда, различия между распространенными в мусульманском обществе идеологиями автор не считает существенными, все мусульмане для нее сливаются в общую массу. Однако писательница верно ощутила, что вариант ислама, по-

казанный в ее романе, чужд и враждебен чаяниям исламских интеллектуалов, стремящихся сочетать свою веру с европейским образом жизни и западной культурой. «Образованные, с европейским лоском, весьма удачно орнаментирующим мусульманский быт... Они думали, что лет через сто Европа просто проснется в одно прекрасное утро полностью исламской... Могли ли они знать, что много раньше... темные толпы вскипят... Разольются смертоносным потоком, движению которого им, просвещенным европейцам во втором или третьем поколении, придется покориться, чтобы не утонуть самим.

Только потому и возникли Маки и катакомбы, что нетерпение черни вырвалось наружу слишком рано».

Значит, в романе показано не столько противостояние религий по типу бывших модными в конце XX века рассуждений Хантингтона о «Конфликте цивилизаций», сколько последствия социального взрыва?

Писательнице, судя по некоторым высказываниям, хотелось бы уйти от социологического анализа проблемы, но факты упрямы. В силу обстоятельств, а именно – вероисповедания «черни», этот взрыв принял облик «исламской революции», но в принципе мог бы вдохновиться и другими доступными массам лозунгами. Не только русский бунт бывает бессмысленным и беспощадным.

А то, что плодами революции, как видно из романа, воспользовались не «массы», а численно ограниченная мусульманская верхушка, взобравшаяся наверх по трупам мусульманской «черни», восставшей, а затем оставшейся внизу – не новость, это итог большинства революций. Недовольство замороженной «черни» при необходимости можно перенаправить на «неверных», это тоже не новость.

Если подпольщики ведут неравную вооруженную борьбу с мусульманскими захватчиками, в основном террористическую, то единственной в Европе реальной духовной альтернативой исламу в романе названы ушедшие в катакомбы идеализированные, описанные с большой симпатией лефевристы – католические фундаменталисты, последователи ар-

хиепископа Марселя Лефевра, вставшего в оппозицию Ватикану после Второго Ватиканского собора, решения которого вызвали у него недовольство.

Симпатии Елены Чудиновой к лефевристам основаны на тесном общении с ними, их глазами автор смотрит на религиозную жизнь Европы. Скорее всего, именно этим, судя по роману, да и по публицистике, объясняется то, что автор имеет смутное, ограниченное и предвзятое представление о том, как живет современная христианская Европа за пределами лефевровских кругов.

Кстати, где в «Мечети» православные западноевропейцы? Их там нет совсем!

Католицизм после Второго Ватиканского собора в книге именуется «неокатолицизмом» и изображается карикатурно. По версии Чудиновой, «неокатолики» совершенно не способны стоять за веру, поэтому Папа Римский в две тысячи тридцать первом году официально распустил Церковь, так что лефевристы остались в оккупированной Европе единственными католиками. Послесоборная месса, переведенная на национальные языки и несколько отредактированная, но сохранившая свой смысл, в книге названа «фальшивой».

На каком основании, ведь подлинность совершаемого на ней Таинства ни один самый рьяный лефеврист, кажется, не отрицал? Или мы не в курсе, и они это все-таки отрицают? Но это означает, что для противников соборных решений детальные подробности мессы, относящиеся к форме богослужения, важнее его сути.

Некоторые страницы позволяют согласиться с таким предположением. Вспоминая время своего обучения в лефевристской семинарии, отец Лотар вспоминает и учебный алтарь – макет, перед которым семинаристы отрабатывали красивые жесты и изящные движения. Можно подумать, что нам рассказывают то ли о балетной школе, то ли об обучении какому-то непонятному магическому ритуалу. Красота и отработанность формы необходима, ведь форма, как известно – функция содержания, но во имя чего, а вернее, Кого Церко-

вью выработана и отточена красота богослужения – уходит на задний план.

Трудно избавиться от ощущения, что столь старательная забота о внешней красоте – самоцель, заслоняющая смысл мессы. По-русски такая забота о форме называется обрядо-верием.

Упоминания о Папе Римском Иоанне Павле II в романе не только несправедливы, но и непристойны. По утверждению героев книги, Папа Иоанн Павел II, оказывается, не давал отлучать от Церкви масонов и коммунистов. Вообще-то и те, и другие давно уже были отлучены от Церкви. Кто еще не забыл, именно этого Папу советские пропагандисты ненавидели, пожалуй, больше многих других понтификов. Отрицательное же отношение Католической Церкви к масонству общеизвестно, и еще раз было подтверждено в «Декларации о масонских объединениях», принятой как раз при этом Папе в восемьдесят третьем году.

Автор «Мечети» или ее информаторы, видимо, не считают грехом лжесвидетельство. Но простой лжи оказалось мало. На том основании, что Папа Иоанн Павел II пытался применить к лефевристам дисциплинарные меры за их раскольнические действия, в книге он назван «Антихристом». Тут слов нет...

Мир помнит покушение на Папу Иоанна Павла II, совершенное турецким террористом Али Агджой тринадцатого мая восемьдесят первого года на Площади Святого Петра. Другое покушение на того же Папу, имевшее место в годом позже в Фатиме, практически не вспоминается. Тогда покушавшимся был лефеврист, и он, как помнится, был признан больным.

Но если так, то характер болезни явно был усугублен ненавистью, возвращенной в лефевристских кругах. Знать об этом не мешало бы тем, кто всерьез воспринимает лицемерные вздохи о притеснениях «истинных католиков» Ватиканом.

Между тем, второе покушение было замято. Очевидно, Ватикан совершил жест доброй воли, не желая усугублять

наметившийся раскол, тем более что в первые годы понтификата Иоанна Павла II по инициативе Папы шли переговоры с Марселем Лефевром о разрешении конфликта. Конфликт обострился позднее, в восемьдесят восьмом, когда Лефевр самовольно рукоположил епископов, что по всем церковным нормам явилось актом раскола.

Саму Чудинову, судя по ее высказываниям, факт покушения на неугодного ей Папу, да и на любого человека, к которому она испытывает враждебность, вряд ли может смутить. В одном из интервью писательница с восторгом отозвалась о том, как лефевристы силой захватили одну из парижских церквей, отобрав у «неокатоликов», а кюре этого храма «вышвырнули на помойку».

Кто, называя себя «христианином», готов так обращаться с человеком, тем более со священником, созрел и для более кровавого насилия. Но тогда пусть и не скулит, получив сдачи.

Правда, физической сдачи тогда не последовало. Ватикан, обвиняемый Чудиновой в отступлении от христианства, во взаимоотношениях с лефевристами проявил гораздо больше христианского смирения, чем они сами, и не стал прибегать к помощи полиции, хотя по земным законам имел на это полное право.

Лефевристы кажутся Чудиновой мужественными рыцарями веры. Но упомянутый парижский эпизод, которым она восторгается, свидетельствует не о мужестве, а о наглости безнаказанности.

Вспоминаются слова Иосифа Бродского:

*Обычно тот, кто плюёт на Бога,
Плюёт сначала на человека.*

Это из его «Речи о пролитом молоке», удивительно современной спустя сорок лет после написания...

Наверно, называть Иосифа Бродского церковным человеком было бы натяжкой, но сдается, он лучше чувствовал

христианство, нежели Елена Чудинова, во всяком случае, такой вывод напрашивается из сравнения текстов двух авторов.

Кто-то с этим не согласится, ведь многим представляется, что верующие должны сначала беспокоиться о том, как бы не прогневить Бога, а потом уже и о людях, поэтому последовательность должна быть обратной, нежели отмечено Бродским.

Но в христианстве отношение к Богу не противопоставлено отношению к человеку. Христос, соединивший Бога и человека, хотя и назвал заповедь о любви к ближнему второй после заповеди о любви к Богу, но уподобил ее этой заповеди (Мф. 22:38-40). Евангельскую истину, выраженную в словах Христа: «так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф. 25:40), Иосиф Бродский высказал своими словами. Поэт понимал то, чего не хотят понять ни секулярные гуманисты, отрицающие религиозные основы человечности, ни псевдохристиане, чья религиозность игнорирует человека.

Люди, не вызывающие симпатий у автора «Мечети», изображены оскорбительно и непристойно. Среди них много наших узнаваемых современников, которых герои романа вспоминают как виновников сложившейся в середине XXI века ситуации. Такова, среди других, «высокая худая женщина с модной прической на седых волосах, ... журналистка», писавшая репортажи из Чечни. То, что о ней написано, желающие могут прочитать сами, цитировать омерзительно, тем более после убийства ее прототипа.

Отец Лотар в беседе с юным участником Сопrotивления высказывает важную мысль, пожалуй, наиболее глубокую в романе. Священник советует юноше лучше знать мышление своих противников и не замыкаться в тюрьме своих представлений. «Человек, замурававший себя в стенах собственного мировоззрения, ограничивает маневренность своей мысли».

К сожалению, автор не следует совету своего героя. Неприятие писательницей чужих позиций больше похоже на нежелание понять подлинную точку зрения ненавистных для нее людей, чем на осознанное и понимающее отрицание неприемлемых суждений.

По словам Елены Чудиновой, перед лицом терроризма и исламской экспансии ей «очень хотелось написать объединяюще христианскую книгу». Желание похвальное, но книга, враждебная «неокатоликам» и протестантам, представляющая истинными католиками раскольническую группировку, очень похожую на секту, не может быть объединяющей. И хотя писательница часто повторяет, что с западными христианами мы «в одной лодке», с подавляющим большинством из них делить место в лодке ей явно не хотелось бы.

А самое забавное здесь то, что стремление объединять христиан – это и есть ненавистный Чудиновой экуменизм. В наше время отрицание экуменизма в некоторых православных кругах стало чуть ли не проявлением хорошего тона, а само это слово для его противников превратилось в ругательство. Ругани в адрес экуменизма много и на страницах «Мечети», и она настолько неконкретна, что пора спросить: да знает ли сама Чудинова, что это такое?

А между тем противники экуменизма давно уже создали свой экуменизм, основанный на принципе: «против кого дружим?». «Мечеть» – одно из выражений такого экуменизма, вырастающего из дружбы отрицающих экуменизм представителей разных конфессий.

Читатели романов Елены Чудиновой вряд ли подозревают, что священник, которому писательница в конце «Ларца» выразила благодарность «за знания, без коих мой священнослужитель [отец Модест] захромал бы на обе ноги» («Ларец»), принадлежит не к Русской Православной Церкви, а к одной из многочисленных «альтернативных православных церквей», самозванных и самодельных. А до этого он был одним из наиболее активных русских лефевристов.

Тот, кто был раскольников в католичестве, затем стал раскольников и в православии, сначала хромал на одну ногу, потом захромал на другую. Логично и закономерно. Заодно признание автора объясняет, каким оккультным духом могут надыхаться те, кто примут такого пастыря за

обычного православного священника и вздумают его слушаться.

«Чистоту веры» слишком часто отстаивают именно те, чьи вероучительные проповеди сомнительны или малограмотны.

Однажды на телевидении проходило ток-шоу, посвященное проблеме ухода молодежи в секты. После того, как в аудитории было заслушано письмо женщины, чья дочь ушла в одну из сектантских раскольнических группировок, претендующих на истинно-чистое православие, участвовавший в телепередаче священник сделал вывод: мотивацией поступков дочери является гордость. Девушке мало было прийти к вере и жить по-христиански, ей захотелось «крутизны», принадлежности к «духовной элите».

Поиск не столько истины в вере, сколько «крутизны», характерен для многих неофитов. Очень часто те из новообращенных, кто проходил через оккультные увлечения, придя в Церковь, ищут особо «суровых» старцев и претендуют на строгую ортодоксальность. Сама эта тяга у таких неофитов в контексте их духовного пути является симптомом былых увлечений, не до конца изжитых.

Духовные болезни разнообразны, и никто не может считать себя от них застрахованным. Но часто, наблюдая очень разных людей, чьи духовные поиски различны и даже противоположны, можно заметить, что глубинная мотивация их выбора сходна, а то и одинакова. И тогда становится ясно, что между теми, кто ищет в христианстве «крутизны» и сугубой традиционности, и теми, кто отказался от традиций христианской культуры и ушел «на страну далече», в нехристианские религии, в том числе и в ислам, разница невелика.

Часто к исламу обращаются те из бывших христиан, кому современное христианство, обоснованно или надуманно, кажется обмирщенным и пресным.

Помню интервью шведа, ушедшего в ислам из католицизма после того, как мессу стали служить на понятных родных языках. Непонятный арабский язык, звучащий в мечетях, для этого человека оказался важнее Христа. Зна-

чит, и раньше для него в католицизме важнее Христа было звучание латыни.

При чтении рассуждений героев Чудиновой о ценности латыни, не уважаемой «неокатоликами», этот швед вспоминается постоянно, его претензии к католицизму после Второго Ватикана очень напоминали претензии героев «Мечети».

Им, как и упомянутому мусульманину, главной ценностью в христианстве видится не его суть, а то, что лежит на поверхности – эстетика и традиционная форма. Причем, как оказалось, и традиционную форму можно отвергнуть ради другой формы, лишь бы она тоже была традиционной и казалась неизменной.

Большая правда звучит в словах упрека, брошенных мужем Софии, борцом с исламистами, своему отцу, православному священнику: «Если бы ты миссионерствовал вчера, сегодня мне не пришлось бы покупать оружие».

Но как идти с проповедью к тем, кого ты привык воспринимать как врагов? К тем, кого, включая детей, ненавидишь и хочешь уничтожать? Слишком многие христиане не относятся серьезно к тому, что даже врагов нам заповедано любить, но без этого нет христианства. И не надо говорить, что, мол, эта заповедь распространяется только на личных врагов. Смысл хотя бы притчи о добром самарянине, помимо многого иного, в том, что дальний и даже враг может стать ближним.

Некоторые из эпизодов «Мечети» позволяют увидеть, что автор, хотя бы теоретически, понимает ценность прощения, милосердия. Серб Слободан не любит французов за роль, сыгранную Францией во время Косовского конфликта, но умирает за освобождение французов и прощает их перед смертью. Мстя мусульманам, он не испытывает удовольствия, и здесь проявилась правда христианского взгляда на вещи, преодолевающая идеологическую схему романа, хотя бы и не до конца.

И все-таки прощение, доступное героям романа – избирательное, оно тонет в описании ненависти. И эта ненависть не просто вызвана злом, которому герои Чудиновой сопротивляются. Увы, персонажи «Мечети» ненавистью страстно

одержимы, а значит – поражены и морально побеждены тем злом, на которое их ненависть внешне направлена.

Кульминация романа – восстание, поднятое борцами Сопротивления, чтобы помешать мусульманским карателям уничтожить загнанных в гетто «неверных». В ходе восстания подпольщики и лефевристы захватывают Собор Парижской Богоматери, превращенный в мечеть, отец Лотар его освящает и служит там мессу. А затем, не имея возможности одержать окончательную победу, повстанцы взрывают собор, чтобы он снова не был осквернен мусульманами. Символично, что одна из боевых схваток происходит на мосту, носящем имя короля Людовика Святого, да и сам бой его участниками рассматривается как новый крестовый поход.

Выглядит впечатляюще. Но трудное решение – разрушить святыню, чтобы не допустить ее осквернения, – сопоставимое с самоубийством, герои романа принимают что-то очень легко и быстро. София и отец Лотар сами погибают при взрыве.

Теми читателями, кому из романов Чудиновой знакома только «Мечеть», описание захвата собора может быть воспринято как рассказ о героическом самопожертвовании. Но те, кто прочитал и другие ее книги, не забыли о том, как часто в них повторяется тема самоубийства.

Она, как и тема крови, слишком уж значима для автора. Пафос самоубийства у героев Чудиновой смешивается с пафосом самопожертвования, но это только роднит их психологию с мироощущением «шахидов», используемых мусульманскими террористами живых бомб.

Елена Чудинова совершенно права, когда напоминает о том, что храм – нечто большее, чем памятник истории и культуры. Понятен ее пафос: лучше уничтожить храм, чем дать его осквернить. Но христианский храм, превращенный в мечеть, снова может стать церковью, на Балканах это уже не раз происходило. А сколько храмов России, превращенных в склады и антирелигиозные музеи, было очищено от скверны в конце XX века! Их уничтожение осквернителями когда-то только приветствовалось...

Кстати, почему-то в захваченном исламистами Риме Собор Святого Петра не превращен в мечеть, а уничтожен вместе с Ватиканом, который мусульмане «давно сровняли с землей и теперь свозят туда мусор со всего Рима». Парижская Сен-Шапель также уничтожена, а не стала мечетью. Здесь у кого-то логическая неувязочка, то ли у мусульман, завладевших историческим наследием христианской Европы, то ли у рассказчицы. Не одно ли дело уничтожения христианского наследия сообща делают герои Чудиновой – и исламисты, и те, кто им противостоит?

Современную западную цивилизацию, в значительной степени утратившую свои христианские основы, часто называют цивилизацией смерти. Но и герои Чудиновой в ответ на распад западной цивилизации, изначально христианской, предлагают не жизнь, а героическую, но смерть. Закономерно, что один из положительных героев романа называет Софию Севазмиу «архетипом Смерти», на что та не возражает и произносит монолог о взаимосвязанности любви к жизни и готовности к смерти. «Христианин не должен бояться смерти».

Да, не должен. Но не должен и служить смерти. Христианство неотделимо от самопожертвования, но несовместимо с проповедью саморазрушения, поэтому называть «Мечеть Парижской Богородицы» христианским романом не хочется.

Книги, подобные романам Чудиновой, не только неспособны противостоять духовному распаду, но и сами являются его проявлением.

Многие современные христиане распространяют и рекламируют книги Елены Чудиновой в надежде, что они послужат делу христианской проповеди. Впрочем, не все православные священнослужители согласны с таким суждением. Один из них, прочитав «Мечеть», сказал, что роман написан человеком, незнакомым с Евангелием.

Чем сомнительнее богословие автора, тем сильнее пафос обличения еретиков и претензии на строгую веру. Очень часто гневное недовольство чужим грехом порождено своим соб-

ственным грехом, не обязательно осознаваемым. Не потому ли Чудинова так гневно ополчилась на ислам, что этика исламского экстремизма, прикрытая христианской терминологией, уже угнездилась в ее душе?

Хочешь понять человека – посмотри, каким он рисует образ своего врага.

Рассуждая о терроризме, не следует забывать и о тех мусульманах, которые реально боролись против экстремизма, и продолжают противостоять исламистам-радикалам. Их немало, разве не вели они борьбу против талибов в Афганистане? С разумными мусульманами возможен диалог. Отказ от диалога ведет к собственной ограниченности, к «замуровыванию себя в стенах собственного мировоззрения», наконец, к невежественной нетерпимости, способной разрушить Европу под видом ее защиты.

В наше время, может быть, как ни в какое другое, необходимость раскрытия перед мусульманами духовных глубин христианства и ценностей европейской культуры становится вопросом выживания европейской цивилизации, чаще именуемой просто западной. Россия – ее неотъемлемая часть, здесь Елена Чудинова абсолютно права.

Но без диалога культур проповедь не получится. Да и кем мусульмане увидят христиан – экстремистами, прикрывающими собственную ограниченность фразами о защите христианской цивилизации, или же братьями и сестрами Шарля де Фуко, Матери Терезы Калькуттской и Жана Ванье?

Упомянутые имена для Чудиновой, судя по ее статьям на злобу дня, чужды. Например, в статье «Полумесячный поход», где Чудинова излагает свое представление о текущих проблемах Католической Церкви, она иронически отзывается о католических подвижниках XX века. «Зачем новым католикам Бернар Клервосский? Есть хорошие новые святые, гуманисты: Максимилиан Кольби, Мать Тереза и так далее».

Можно понять, чем Чудиновой не по нраву пришлось Тереза из Калькутты. Она всего-навсего всю жизнь заботилась

о нищих, больных и голодных, какая скука! Даже ни одному иноверцу голову не отрубила. Но чем ей не угодил святой Максимилиан Кольбе (вовсе не Кольби!), узник Освенцима, добровольно разделивший муки обреченных на смерть? Он-то был католиком весьма традиционно-консервативным.

Впрочем, даже в распространении ислама в современной протестантской Дании, согласно рассуждениям писательницы виновен «обновленный католицизм» (статья «Полумесячный поход»).

Хотя Чудинова постоянно ругает коммунистов, ее мировосприятие пропитано старыми советскими стереотипами тридцатых годов: всюду враги, поэтому оправданы и шпиономания, и культ насилия, и эмоциональное нагнетание ненависти. Тональность ее книг сформирована «свирепой религиозностью, очень похожей на свирепость недавних, советских времен» (слова Натальи Трауберг, сказанные, правда, по другому поводу).

В статье «Демарш Верховенского» Елена Чудинова полемизирует с современными публицистами – точнее, обрушивается на них с руганью, пытающимися развенчивать распространенные в обществе мифы, и здесь писательница приоткрывает важную сторону своего миропонимания, пожалуй, ключевую. Она заступает за мифы: без них «не живет ни один народ... их совокупность очерчивает облик нации... По прошествии какого-то времени становится неважным, сколь реальны факты, заключенные в мифе, важно только, каким образом миф “работал”...»

Сказка ложь, да в ней намек... Есть немалая доля правды в таких рассуждениях. Без художественного вымысла нет искусства, без мифа нет образного познания мира. Но это – когда миф раскрывает смысл реальности, а не подменяет ее. Там же, где нас уговаривают заменить реальность вымыслом, миф становится лжесвидетельством.

Идеологическое мышление, независимо от идеологии, не заинтересовано в описании реальности, оно нуждается в навязывании картины мира, выгодной идеологу, и через то – в манипуляции сознанием людей.

Мало того, идеологам недостаточно пропагандировать свои идеи, для более прочного их внедрения в массовое сознание им надо приравнять идеологические принципы к заповедям свыше. И здесь идеологи всех времен и народов охотно использовали и используют религию. Используют прагматично и цинично, по сути, надругаясь над святыней.

И это – главное впечатление, остающееся после прочтения рассмотренных произведений.

В них автор создает свой собственный виртуальный мир, и это естественно. Но затем, подменяя реальность художественностью, писательница, судя по всему, хотела бы, чтобы в сознание читателя вошло ее понимание описываемых событий как единственно истинное. Словом, нам предлагают принять виртуальность за реальность.

Пора сформулировать: содержание проповеди Елены Чудиновой – не вера, а идеология, то есть – подмена абсолютного относительным, Божиего – кесаревым.

Это не новость, охотников до подобных подмен всегда хватало, но в наши дни идеологизация веры приобрела новое качество. Люди, чье мышление сформировалось в условиях господства идеологических стереотипов, принятых или отвергнутых, но оставшихся идеологическими, устремившись в Церковь, и христианство восприняли идеологически.

В то же время другая часть людей со сходным мировосприятием сторонится Церкви, поскольку видят в христианстве всего лишь еще одну идеологию. Сталкиваясь с околицерковной и псевдоцерковной идеологизированной прессой, одни укрепляются в своем неприятии христианства, а другие пытаются его превратить в пародию на политическое течение.

Широко известная фраза Серафима Саровского: «Стяжи дух мирный, и многие вокруг тебя спасутся», для христианского сознания носит принципиальный характер. Дух книг Чудиновой – немирный, и потому не спасительный.

Книги Чудиновой отражают подростковое видение мира, с его задиристостью и противопоставлением «своих» «чужим».

Не случайно среди ее персонажей так много подростков или же людей старше, но близких подросткам по своей психологии.

В статье «Об исторической вине Балтии перед Россией» Чудинова, упрекая некоторые народы, на заре своей истории завоеванные иноземцами, в отсутствии исторической средневековой государственности – это все равно, что упрекать наших предков за то, что не смогли отбиться от Батыея, и в силу этого не имевших национальной аристократии, сравнивает их дальнейший исторический путь с формированием «человека, перемахнувшего во взрослый возраст сразу из детского, минуя отрочество. Какие-то связи в мозгу у него сложились неправильно».

Мысль спорная, но не в этом дело. Возможно, те, кто повзрослел, миновав подростковый этап, и в самом деле многого лишились. Хуже, когда взрослый внутренне остался незрелым подростком. На подростковой психологии некоторые люди застревают надолго и оказываются не способны действовать в реальности, не совпадающей с их ожиданиями. Впрочем, в наши дни подростковый жаргон и подростковое видение мира оказались очень популярны в самых разных кругах.

В книгах Чудиновой мы встречаемся с подменой, когда под видом христианства нам предлагают что-то иное. «Держатель знака» и «Ларец» – пытаются подменить христианство оккультизмом. «Лилея» и «Мечеть Парижской Богоматери» – идеологией. Их неискушенные читатели, ищущие источник чистой воды, рискуют нахлебаться отравы.

А закончить хочется словами человека, любившего латынь и латинскую мессу, и служившего ее по Тридентскому чину. Вокруг имени и дел этого человека постоянно возникали и возникают споры, однако, в конце концов, столь нелюбимые Еленой Чудиновой «неокатолики» признали его святым. Одного этого достаточно, чтобы Чудинова отвергла его с порога. Тем не менее, прислушаемся к нему.

«Не поднимай никогда Креста только для того, чтобы напомнить, что одни убивали других. Он тотчас станет хоругвью дьявола».

Св. Хосемария Эскрива де Балагер. «Крестный путь».

Коротко об авторах

А г е е в а Людмила Евгеньевна, прозаик, по образованию физик: закончила физический факультет Ленинградского университета, кандидат физико-математических наук.

Рассказы, повести, эссе печатались в журналах «Знамя», «Звезда», «Нева», «Вопросы литературы» и других.

Книга прозы «В том краю» издана в Санкт-Петербурге в 2006 году. Роман «Тонкий слой» опубликован в «Зарубежных записках» в 2009.

Проза Л.А. переведена на немецкий, итальянский, голландский языки.

Живет в Мюнхене (Германия).

В ГРАНЯХ печатается впервые.

З а в а д о в с к и й Юрий Николаевич (1909 г. — 1979 г.) — видный ученый арабист, доктор филологических наук, старший научный сотрудник АН СССР, выпускник Национальной школы живых восточных языков в Париже, был ученым широкого профиля и вел изыскания в области арабистики, семитологии, бербероведения, мероистики и диалектологии арабских языков.

Родился в Варшаве. Его отец Николай Осипович командовал расквартированным там полком Императорской конной гвардии.

Детство прошло в окружении немецкой бонны, английского гувернера, уроки французского давала ему мать.

События семнадцатого года разрушили привычный уклад жизни семьи. Николай Осипович, отправив жену с сыном в Крым, вступил в Добровольческую армию и погиб в Феодосии в 1920 году. Мать, Александра Александровна, отплыла на последнем английском корабле из Новороссийска в Константинополь, забрав с собой сына. Ю.З. на всю жизнь запомнил страшные картины бегства из России.

Он окончил русскую гимназию в Париже, получив классическое образование.

В 1928 году Ю.З. поступил в Национальную школу живых восточных языков при Сорбонне. Учителями его были такие выдающиеся востоковеды как Вильям Марсэ, Луи Массиньон, Марсель Коэн, Анри Массэ и другие. Стать востоковедом ему посоветовал друг матери, знаменитый художник Иван Билибин.

Во время учебы Ю.З. проявил блестящие способности, окончил институт с отличием, и ему сразу предложили принять французское гражданство, с тем, чтобы иметь возможность участвовать в конкурсе на поступление в МИД Франции на дипломатическую службу.

С честью выдержав конкурс, вскоре был отправлен в качестве научного атташе в путешествие по странам Ближнего Востока. Он работает в Иране, Ираке, Ливане, Тунисе, Турции и других странах. Параллельно, начало его научной деятельности отмечено сотрудничеством с журналом «Eп Terre d'Islam».

Находился на французской дипломатической службе с 1932 по 1940 гг. За время пребывания на Востоке в совершенстве изучил не только литературный арабский язык, но и диалекты стран Магриба.

По прибытии в Россию ему было предложено работать в Ташкенте в Институте Востоковедения. В 1958 году защитил кандидатскую диссертацию, опубликовал множество трудов по творческому наследию трех наиболее известных философов Востока: Ибн-Сины, Беруни и аль-Фараби.

В последние годы жизни ему удалось дешифровать западно-ливийские надписи, над которыми безуспешно трудились многие ученые.

Большое значение для мирового востоковедения имеет его работа над мероитскими надписями, вышедшая уже посмертно в сотрудничестве с И.С. Кацнельсоном.

В № 232 журнала ГРАНИ к 100-летию со дня рождения Ю.З. опубликованы воспоминания его дочери Светланы Завадovской «Пески пустынь укроют след...»

Ж и л к и н а Татьяна Александровна родилась в Иркутске.

Профессиональный литератор и журналист.

Окончила филологическое отделение историко-филологического факультета Иркутского университета, сотрудничала в газетах и журналах Сибири, Забайкалья, Дальнего Востока. В семидесятые

годы жила на Украине, работала в литературном журнале «Радуга» (Киев). В начале восьмидесятых «отвечала» за поэзию в только что созданном журнале «Литературная учеба» (Москва).

Среди опубликованных материалов Т. Ж. – литературные эссе, документальные рассказы и очерки о наших современниках: писателях Вениамине Каверине, Александре Вампилове, Валентине Распутине, Константине Симонове, Генеральном авиаконструкторе Олеге Антонове, летчике-испытателе Марине Попович, музыканте Мстиславе Ростроповиче, – всех тех, с кем на жизненных дорогах света ее судьба.

В 1992 году вернулся на родину из Франкфурга-на-Майне (Германия) журнал литературы и искусства, науки и общественной мысли «Грани» (изд-во «Посев»), который считал своим долгом восстановление в России традиций русской классической литературы. В тот же год она связывает с ним свою творческую судьбу.

В ГРАНЯХ опубликованы ее материалы: «Письмо писателю Борису Зайцеву в 1922 год» (№ 166) «Тридцать дней февраля» (№ 168); литературное эссе о В.Д.Набокове «Из небытия» (№ 170); «Встреча и прощание с адъютантом Верховного Правителя» (№ 175); публикации «Фамильной Хроники» Карамзиных (№№ 185–188, 196, 197). В № 229 опубликована ее документальная повесть о драматурге Александре Вампилове – «Родился гением».

Автор книги «Стояние в Истине» (2005 г.).

Член Союза российских писателей.

Живет в Москве.

С 1997 года – издатель и главный редактор журнала ГРАНИ.

Крылов Андрей Евгеньевич родился в Москве в 1955 году.

Литературовед; историк и библиограф авторской песни. Составитель и главный редактор самиздатской газеты «Менестрель» (1979–1985), научных альманахов «Мир Высоцкого» (1997–2002), «Галич, новые статьи и материалы» (2001, 2003, 2009); «Голос надежды: Новое о Булате» (выходит регулярно с 2004).

Текстолог, комментатор и составитель ряда сборников Владимира Высоцкого и о нем (с 1982). Автор трех книг об Александре Галиче и Булате Окуджаве, многих статей об авторской песне и ее создателях.

Живет в Москве.

В ГРАНЯХ печатается впервые.

П е с т о в Сергей Евгеньевич родился в Москве в 1954 году.

В 1982 закончил вечернее отделение Московского государственного Института по специализации библиотекаря-библиографа.

С 1988 года сотрудничал в неформальной прессе (журнал «Параграф»). Печатался в газетах «Мы и мир», «Первое сентября» (приложение «Литература»), в журнале «Истина и жизнь», «Дорога вместе», а также на сайте «Библейский центр».

В соавторстве с М.С. Берсеновой написан культурологический словарь «Россия. Религии» (2004).

Живет в Москве. Работает заведующим библиотекой Христианского культурного центра «Встреча».

В ГРАНЯХ печатается впервые.

С у г л о б о в а Ирина Анатольевна, поэт. Родилась в Тамбове в 1958 году.

После окончания средней школы работала механиком и библиотекарем.

В 1992 году окончила Литературный институт имени Горького (семинар поэта Юрия Левитанского).

Публиковалась в журналах «Континент», «Дружба народов», «Литературная учеба» и других. Автор стихотворных сборников «И грех мой передо мной есть...» (1997) и «Затмение сердца или час Сарлыка» (2008).

Участник коллективных поэтических антологий «Дар Света не-вечернего», «Из жизни райского сада» и «Поэзия XX век».

Член Союза российских писателей.

Живет в Москве.

В ГРАНЯХ печатается впервые.

Х а з а н о в Борис (Геннадий Моисеевич Файбусович) родился в 1928 году.

Писатель, автор романов, рассказов, многочисленных журнальных публикаций. Переведен на основные западные языки, а также на украинский и болгарский.

Лауреат литературных премий в России и за границей. Победитель международного литературного конкурса «Русская премия» (роман «Вчерашняя вечность», 2008).

Живет в Мюнхене (Германия).

В ГРАНЯХ печатается впервые.

Ч у б а й с Игорь Борисович родился в Берлине в 1947 году.

В 1972 – закончил философский факультет Ленинградского университета, в 1978 – аспирантуру Института социологии АН СССР в Москве, защитил кандидатскую диссертацию о польской социологии телевидения.

1980–1997 – доцент кафедры философии ГИТИСа.

1987–1991 – активист и один из лидеров гражданского демократического движения, инициатор перехода к многопартийности через создание Демократической платформы и раскол КПСС. В это же время год работал в ФРГ на радиостанции «Свобода».

С 1992 года сфера научных интересов – россиеведение, российская идентичность.

В 1996 в Москве вышла книга «От русской идеи – к идее новой России». Эта работа победила на конкурсе Гарвардского университета как лучшее исследование о русской идее. В 1998 монография переведена и издана в США.

В тот же год он создает Центр по изучению России Университета дружбы народов, является профессором-директором Центра.

В 2000 – защитил докторскую диссертацию «Идейно-идентификационная основа российского общества и государства», в которой впервые представил научное решение проблемы российской национальной идеи.

В 2004 году руководимая И.Ч. группа авторов опубликовала учебник для старших классов «Отечественное», по которому обучаются школьники 40 школ Калининградской области.

В 2005 вышло два издания монографии «Разгаданная Россия. Что же будет с Родиной и с нами. Опыт философской публицистики». Награждена премией «Словесность» Союза литераторов Российской Федерации.

В 2006–2007 годах – ведущий программ радио «Говорит Москва».

И.Ч. – автор более двухсот научных публикаций, более ста из них – по россиеведческой тематике. Работы, доклады, интервью опубликованы в США, ФРГ, Великобритании, Франции, Индии, Польше, Словении, Словакии и в других странах.

Живет в Москве.

В ГРАНЯХ (№ 231) опубликован его материал: «Великая Отечественная. Когда мы избавимся от ложных мифов, когда напишем свою историю?»

*Читайте
в следующем номере:*

Писатель и время
Виктор ФИШМАН
**Быть немцем – это всеми делами
служить России. Федор Степун**

Геннадий НИКОЛАЕВ
Встреча. Андрей Дмитриевич Сахаров

Владимир СПЕКТОР
Страницы жизни Владимира Даля

Елена ЛЕВИНА
«Они были молоды... Они были талантливы...»
Юрий ОЛЕША, Илья ИЛЬФ, Евгений ПЕТРОВ,
Борис ЛЕВИН, Валентин КАТАЕВ

Записки на полях окуджавоведения

и другие материалы

ОБРАЩЕНИЕ

Редколлегии журнала ГРАНИ к русской эмиграции, литературной молодежи и студенчеству стран Европы, Америки, Азии и Австралии

Нет сегодня в России еще журнала с такой удивительной, прекрасной и трагической судьбой, как ГРАНИ.

С момента основания, за свою более чем полувековую жизнь, журнал помог выжить литературе под коммунизмом и доводил до подсоветской части интеллигенции традиционные линии российской культуры, которые не только сохранялись, но и развивались в эмиграции.

Творцы журнала никогда не знали, какое количество экземпляров – порой с риском для жизни тех, кто это делал, – пересечет границу. Но они были твердо уверены в том, что каждая их строка обязательно будет прочитана ТАМ. И что от первого читателя журнал попадет ко второму, третьему, четвертому... и по цепочке окажется у человека, который перепечатает его в нескольких копиях.

В том, что идеи свободного мира расхотелись за железным занавесом как круги по воде, есть бесспорно заслуга ГРАНЕЙ. Взрыв гэбистской бомбы у редакционного порога свидетельствовал об этом как нельзя более красноречиво.

Люди, подвижничеством которых живет журнал в России в наши дни, уверены в нужности своего дела так же твердо, как и их предшественники. Да, в стране нынче можно распространять любые идеи, печатать любую литературу, однако восприимчивость общества невероятно упала.

Если в гробовой атмосфере официального единомыслия тоталитарного мира эффект ГРАНЕЙ и ПОСЕВА был эффектом громкого шепота среди тишины, то сегодня, когда сотни независимых источников предлагают свои – увы! – часто совершенно безответственные версии, объяснения, программы и прогнозы на будущее, информационный шум стал ревом尼亚гары.

Вот почему все больше сбитых с толку людей обращаются к привычным и проверенным журналам, радиостанциям и т. д.

Для тысяч и тысяч российских интеллигентов логотип ГРАНЕЙ – знак качества высшей пробы. Этим людям не стоит недооценивать. Их влияние непропорционально их количеству. Все мы помним, что куда меньшее число диссидентов совершило в нашей стране то, что когда-нибудь будет названо «чудом конца восьмидесятых».

В условиях, когда слишком многие российские СМИ, слышущие демократическими, открыто заигрывают с коммунистами, шовинистами, расистами, изоляционистами, ненавистниками Запада, врагами либеральных ценностей, особенно важно, чтобы журнал, который ощущается одним из необходимых российских институтов, продолжал выходить.

Сегодня ГРАНИ издаются в России в судьбоносное для страны и такое трудное для литературных изданий время исключительно на средства зарубежных подписчиков.

Учитывая ценность журнала для будущего России, а также для русской эмиграции, которая по-прежнему живет тревогами и болью своего Отечества, просим Вас помочь в распространении журнала в 2011 году от Р.Х.

За 2010 год вышли №№ 233, 234, 235 и 236, которых у Вас, возможно, нет.

**Адрес редакции журнала ГРАНИ
для оформления подписки, писем и сообщений:**

**GRANI
BP 24 CHENNEVIER–SUR–MARNE
CEDEX 94431
FRANCE**

О том, по какому адресу мы должны Вам послать журналы, а также об отправке Ваших денег убедительно просим известить по вышеуказанному адресу или по e-mail:

grani.08@mail.ru

Принимаем заявки на подписку 2011 и 2012 годов от Р.Х.

Учредитель:
Journal «Grani»

Ассоциация «ГРАНИ»
L'association «GRANI»
De l'association n w751170197
Paris

*Статьи, подписанные фамилией или инициалами автора,
не обязательно выражают мнение редакции.*

Не принятые к публикации рукописи не возвращаются.

Перепечатка без разрешения воспрещается.

Оригинал-макет – Евгения Яновича
Корректор – Анна Сидорова

Подписано в печать 12.XI.10. Формат 84 × 108 ¹/₃₂.

Печать офсет. Бумага офсет. № 1.

Усл. печ. л. 7,5. Уч.-изд. л. 10 .

Тираж 150. Заказ № 7087.

Отпечатано в ООО ПФ «Полиграф-Периодика»,
г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3

Journal «Grani»

**Журнал ГРАНИ - 2011.
№237, №238, №239 и №240**

**Для оформления подписки,
писем и сообщений:**

**GRANI
BP 24 CHENNEVIER-SUR-MARNE
CEDEX 94431
FRANCE**

Представители:

РОССИЯ T. Jilkina
17, Milashenkova str., app. 61
127322, Moscow
E-mail: grani.08@mail.ru

АМЕРИКА K. Troosh
600 Fifth Ave
San Francisco CA 94118
E-mail: katia@katias.com

ФРАНЦИЯ N. Fedorovsky
16 square J.-B. Pigalle
77680 Roissy-en-Brie
Tel.: 01.60.28.36.57

**Спрашивайте журнал ГРАНИ
в библиотеках Москвы и Санкт-Петербурга**

*Легко и радостно жить тому,
кто ищет в других хорошее,
ищет и находит.*

*Исканием своим помогает он тем,
в ком ищет, раскрыть и проявить
светлые г р а н и души. Но для этого
он прежде всего в самом себе
должен раскрыть их, должен стремиться
к совершенствованию.*

*Каждый человек —
часть органического целого, человечества.
Совершенствуется часть —
совершенствуется целое.*

*Тот, кто становится на путь Правды,
помогает всему человечеству
стать на тот же путь.*

*А необходимость этого, может быть,
никогда так не была велика, никогда так
не ощущалась всеми, как в наши дни.*

*В свете этого большая
и ответственная задача
стоит перед теми, кто служит Слову, —
Слову Правды.*

*Тогда подлинным гуманизмом будет
проникнуто творчество художника
и оправдано в служении Человеку,
Правде человеческой, Правде Божьей.*

ГРАНИ № 1, 1946